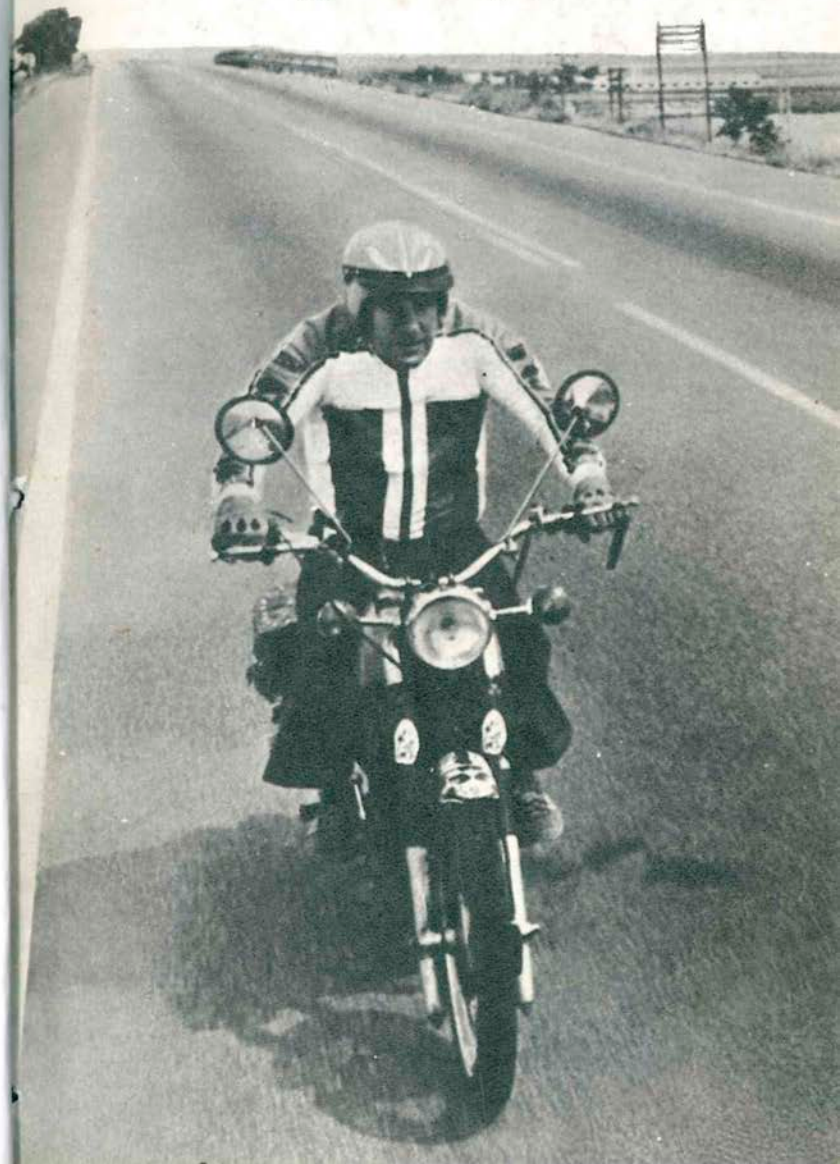

ХУАН АНТОНИО БАРДЕМ

ХАВЬЕР ПАЛЬМЕРО

ДАНИЭЛЬ СУЭЙРО

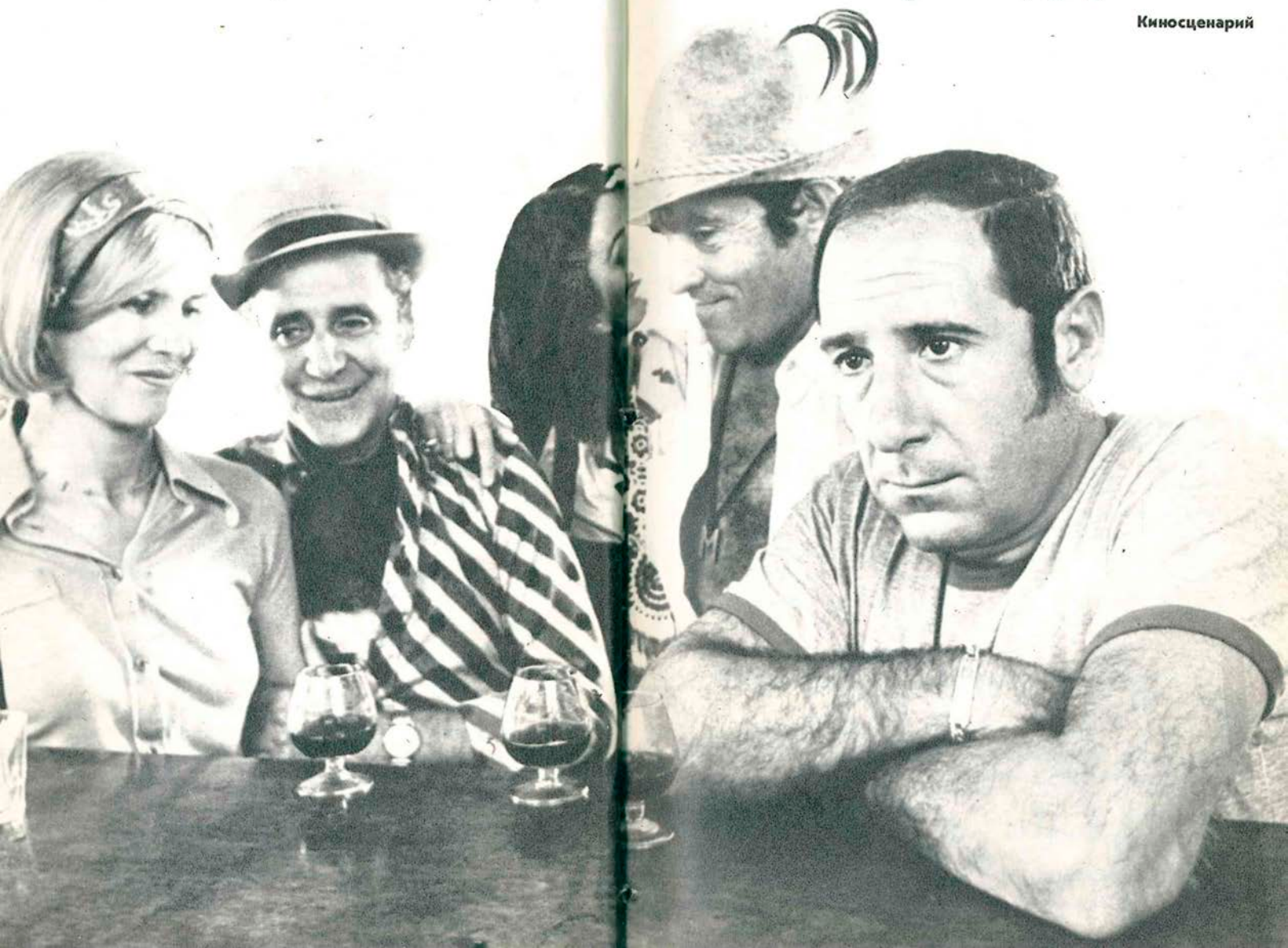
Конец недели

ХУАН АНТониО БАРДЕМ
ХАВЬЕР ПАЛЬМЕРО
ДАНИЭЛЬ СУЭЙРО

Конец недели

Киносценарий

Перевод с испанского Т. Злочевской.

Помимо кадров из фильма в издании использованы фотографии
И. Гневашева

© Ediciones SEDMAY, Madrid, 1977. J.-A. Bardem, Javier Palmer
Daniel Sueiro EL PIENTE

© Перевод на русский язык и вступительная статья.
Издательство «Искусство», 1981 г.

Б 80106-192
025(01)-81 115-117-81
4703000000

Хуан Кобо Новый этап в творчестве Бардема

Фильм «Конец недели»¹, сценарий которого предлагается вниманию советского читателя, — не самое последнее произведение Хуана Антонио Бардема. После него на экраны вышел другой его фильм — «Семь дней в январе», посвященный событиям послефранкистского периода: зверскому убийству на улице Аточа в Мадриде пяти адвокатов-коммунистов ультраправыми террористами. Учитывая темпы, которыми работает прославленный испанский кинорежиссер, нельзя исключать также вероятность, что к моменту опубликования этой книжки появится еще один, а может быть, и не один фильм Бардема.

В обильной и хорошо известной всему миру кинопродукции Бардема, первые фильмы которого появились в начале 50-х годов, сразу же приковав к себе внимание за пределами Испании (его «Смерть велосипедиста» и «Главная улица» были удостоены ряда самых престижных международных премий и прошли на экранах многих стран, в том числе и Советского Союза), кинолента «Конец недели» занимает особое место, знаменует собой начало нового этапа в творчестве испанского режиссера. И не потому, что она наиболее удачная или яркая — можно спорить о ее художественных достоинствах по сравнению с другими, более известными произведениями режиссера (и такие споры шли в испанской печати). Дело в другом.

Долгие годы Бардем, как и его не менее знаменитый сподвижник, кинорежиссер Луис Берланга, работал в условиях самой жесточайшей цензуры, навязанной стране франкистским режимом. Первые их фильмы, созданные и совместно и порознь, возвестили о начале новой эпохи в испанском кино, хотя снимались в наиболее мрачные времена этого режима, когда ограничения были самые лютые.

Политические симпатии Бардема ни для кого не оставались секретом: не было, пожалуй, ни одного документа протеста против тех или иных акций диктатуры, под которыми не фигурировала бы подпись всемирно известного мастера — убежденного коммуниста. Ему не раз пришлось побывать в тюрьме. Лишь широкое признание спасало художника. И это же обстоятельство спасало его фильмы,

¹ По-испански фильм называется «Мост». Этим словом испанцы обозначают те дни в конце недели, к которым добавляется очередной, как правило, религиозный праздник. В фильме речь идет о субботе, воскресенье и понедельник — своего рода маленьком отпуске.

открывало им постепенно дорогу на экраны его родины — по мере того как нарастание общенародной борьбы за демократию еще при жизни Франко расшатывало основы диктатуры и вынуждало ее отпустить понемногу свою хватку.

На период «либерализации» в Испании, когда возникло и начало бурно развиваться коммерческое кино, в общем-то сомнительного пошиба, с элементами дешевой мелодрамы и скабрёзной комедии, приходится самый трудный этап творческой биографии Бардема. Чтобы заработать на жизнь, он вынужден был ставить исторические и приключенческие ленты, фильмы про тореадоров. Бардем, как он говорил в своих интервью, в частности автору этих строк, пытался использовать любую возможность, чтобы обратиться к массовому зрителю. Но, пожалуй, коммерческое кино оказалось не менее твердым орешком, чем цензура. Неудача следовала за неудачей, и про режиссера стали говорить, что он «выдохся».

Ярким и наиболее свежим примером сложных отношений Бардема с продюсерами является история с его замыслом фильма «Убить генерала», посвященного расправе над португальским демократом Умберто Дельгадо в салазаровской Португалии. Крупная фирма «Алес», с которой режиссер вел переговоры о постановке фильма, предъявляла ему многочисленные требования и в конце концов «заморозила» решение вопроса. Взамен, продолжая проявлять интерес к Бардему, точнее, к его громкому имени, руководство «Алес» предложило ему уже в 1976 году инсценировать роман, о качестве которого можно судить по дневниковой записи режиссера: «Не могу понять, что они в нем нашли: ничего стоящего на таком материале создать нельзя. Я ответил отказом».

И вот — тут мы уже вплотную подступаем к фильму «Конец недели» — свершилось то, что так давно ждали демократы Испании: со смертью диктатора (20 ноября 1975 г.) открывается новая страница в истории страны. В первые недели мировой общественности кажется, что за Пиренеями все остается по-прежнему, что каудильо перед смертью действительно «завязал и хорошо завязал все концы» (именно так выразился диктатор, намекая на то, что он и его окружение хорошо подготовились к смене власти). Однако прошло совсем немного времени, и вся страна пришла в движение — по ней прокатилась не имевшая прецедентов в прошлом ни по масштабам, ни по упорству волна забастовок. В стране стали энергично действовать — хотя и вне закона — политические партии и профсоюзы, которые прежде преследовались; улицы испанских городов и селений бурлили демонстрациями, требовавшими предоставления свобод, ломки старых устоев, амнистии политическим заключенным. Бардем в центре этих событий — и не как наблюдатель, а как активный участник, — он один из главных организаторов свободного профсоюза работников кинематографии. В марте 1976 года его вместе с другими

лидерами левых партий, шедшими в Мадриде во главе одной из таких демонстраций, бросают за решетку. Но активность народа и международная солидарность продолжают нарастать: в начале мая режиссера выпускают на свободу.

Несколько недель спустя Коммунистическая партия Испании проводит свой первый открытый пленум — пока еще не в Мадриде, а в Риме, впервые представ в полном составе перед журналистами и опубликовав список своего Центрального Комитета. Одним из первых в этом списке значится Бардем — по алфавиту, но он мог бы фигурировать среди первых и по стажу.

Активная гражданская позиция художника проявляется во множестве форм: даже находясь в тюрьме Карабанчель, он успевает вместе со своими соседями по камере Рамоном Тамамесом и Эухенио Триана написать книгу под названием «Искусство, политика, общество». Бардем — один из наиболее активных руководителей объединения политических партий и общественных организаций, известного под названием «Демократической координации», организующего борьбу за демократию всего народа и вынуждающего буржуазное правительство идти на уступки, заставляющего власти начать демонтаж франкистских порядков в стране.

Гражданская позиция у художника проявляется не только в политической активности, но и в потребности творить каждый день,

каждый час, каждую минуту. Работу над фильмом «Конец недели» Бардем сочетал с непрекращающейся политической деятельностью.

Создана эта лента была в рекордно короткие сроки — этого требовал продюсер, этого требовали актеры, у которых имелись и другие обязательства и в кино и в театре. Но, главное, этого требует обычно ситуация — она так быстро меняется, что, если делать политический фильм не спеша, он безнадежно отстанет от поезда событий. Именно этот момент необходимо иметь в виду, читая сценарий «Конец недели». Его идейно-художественное содержание становится полностью ясным в контексте политической ситуации, соотношенной с убеждениями и повседневной деятельностью режиссера, постоянно занятого помимо работы над собственным фильмом тысячами других важнейших — и в основе своей также творческих — дел, включая съемки у другого режиссера в качестве актера.

В издании опубликованы также выдержки из дневника Бардема той поры. Думается, что это совмещенное чтение — сценария и дневника — не менее увлекательно, чем просмотр фильма. Оно позволяет не только войти внутрь творческой лаборатории мастера, но и глубже, точнее ощутить бурную и очень сложную историческую ситуацию, мало известную за пределами Испании, проследить нити, связывающие Бардема с нею и как художника и как гражданина.

8 мая 1976 года в 4 часа пополудни Бардем вышел на свободу из тюрьмы Карабанчель (он был брошен туда по обвинению в нарушении общественного порядка и должен был заплатить штраф, но вместе со своими товарищами категорически отказался это сделать из принципиальных соображений). И уже в тот же день Бардем погрузился в «киношные» заботы. Режиссер по инерции еще пытается довести до конца свой замысел постановки фильма «Убить генерала». Но одновременно размышляет и над другими темами, перекликающимися с остроактуальными событиями в Испании, и, как главной из них, темой солидарности.

Через четыре дня только что созданная в Испании кинокомпания «Артэ 7» («Седьмое искусство») предлагает Бардему поставить фильм по мотивам рассказа Даниэля Суэйро «Соло на мотоцикле». «Это как раз то, что надо», — решает Бардем и сразу же активно принимается за дело.

Место действия в «Конце недели» — это испанская глубинка, плоскогорье Кастилии, горные дороги Андалузии; в этих районах Испании в наибольшей степени сохранился дух страны, ее характер.

Правда, сюда, в эти места, пришло и много нового с тех пор, как Бардем снимал «Месь» без малого два десятилетия тому назад. Приметы совершающихся после смерти Франко изменений нашли свое отражение и в общей атмосфере фильма и во внешнем облике

героев. Вместо прежней скромной и изношенной одежды — цветастые легкие спортивные куртки, которые модны во всем западном мире, облегающие джинсы, спортивные туфли «адидасы», на шее какие-то амулеты. Вместо старомодных автомобилей, изредка пробегавших по пыльным дорогам, обгоняя повозки с запряженными в них ленивыми мулами, по автострадам стремительно несутся современные спортивные машины американских, английских и французских марок, которые собирают на заводах Испании. Старые таверны на дорогах отделаны современным никелем и пластиком.

Однако пронесшийся по стране экономический бум не улучшил жизнь простых людей: в андалузских селениях по-прежнему томятся безработные; их стало меньше, так как многие подались на заработки во Францию или Западную Германию. Скромный мадридский механик Хуан, расплачиваясь в одном из селений за починенное колесо, под взглядами этих несчастных отводит глаза. Беднякам андалузам он представляется эдаким удачливым парнем, устроившим себе безбедную жизнь в городе, в то время как холеные сеньоры в сверхсовременных спортивных лимузинах третируют работягу Хуана.

По дорогам Испании проносятся на микроавтобусах хиппи-иностранцы, непристойная пестрота одежды которых уже перестала смущать полицию, но Хуана чуть не линчуют и безжалостно штрафуют в провинциальном городе, когда он проезжает мимо траурного кортежа на своем мотоцикле одетый в плавки — жара одолела нашего мотоциклиста. В Мадриде стали привычными написанные на стенах лозунги, требующие амнистии, свободы, но в затерянном селении разъяренные мракобесы с кулаками и палками набрасываются на молодежную театральную труппу, и артистов сажают под замок без суда и следствия за их раешное представление, высмеивающее «демократию Мэйд ин Спэйн»¹...

Кадр за кадром картины современной испанской жизни нанизываются у Бардема на непритязательную сюжетную линию поездки автомеханика Хуана, фанатичного любителя мотоциклетной езды, оставшегося в канун свободных дней без подружки и компании друзей и решившего в одиночку съездить — как и все! — из Мадрида на море.

В центре этой истории, как бы мчавшейся мимо нас по жаркому асфальтовому полотну шоссе, — сам Хуан, его отношение к окружающему, то накопление элементов количества, которое в конце фильма приводит к качественной метаморфозе, ибо это трехдневное путешествие, выбившее героя из круга монотонности и повседневности и открывшее ему иную жизнь, не может пройти для него бесследно.

¹ «Сделано в Испании» на американский манер.

Герой «Конца недели» — вовсе не сознательный пролетарий, а наоборот, вызывающе аполитичный, с пренебрежением относящийся к тем товарищам, которые пытаются что-то изменить в жизни вокруг себя. В быту он эдакий прожигатель жизни, бонвиван, индивидуалист. Иначе говоря, он типичное дитя общества потребления, сложившегося в Испании в последние годы франкизма. Потребительская психология была одной из важных гарантий поддержания социальной инертности в быстро растущем за счет деревни пролетариате (именно таким выходцем из села и является Хуан) — пролетариате, который и при Франко и после него представлял главную угрозу устоям капиталистического общества в Испании.

Обывательские черты своего героя режиссер раскрывает быстрыми и стремительно набросанными штрихами. Постоянные реплики Хуана, обращенные к мотоциклу (он относится к нему как к живому существу), позволяют Бардему сделать внутренние монологи героя, своего рода его «поток сознания», естественным и «зримым».

Он не такой уж плохой парень, этот Хуан, просто его истинно человеческие чувства заглушаются интеллектуальной и душевной ограниченностью, стремлением пожить в свое удовольствие, ничем себя не утруждая и ни о чем не задумываясь. Одно из таких очередных удовольствий — предстоящая поездка с друзьями на водохранилище. «К черту все аварии, поломки и многодетные семьи!» — восклицает он.

Радиоприемник талдычит Хуану, что все в сегодняшней Испании пользуются свободными днями для того, чтобы забыть о повседневных заботах, смаковать блага жизни. Главное — быть осторожным на дороге, остальное все приложится. Но при первом же столкновении с реальностью оказывается, что жизнь не так прекрасна, как представлялось часом раньше. Две симпатичные блондинки-иностранки (в Испании их без различия национальностей называют «шведками») в дорогой машине с открытым верхом и британским номерным знаком на ходу окликают Хуана и на ломаном испано-французско-английском волапюке стараются узнать, как проехать на юг, заигрывают с мотоциклистом. Хуан уже предвкушает радость от совместного путешествия, от экзотических плотских удовольствий на золотистом песке Торремолиноса, ему уже видится сказочный «амур ан труа», который как будто явно светит ему в компенсацию за измену Пеппи (режиссер здесь издевается над ходячим в Испании мифом, согласно которому любая иностранная туристка немедленно отдается во власть первому же попавшемуся ей на пути испанцу, поскольку они, квелые северянки, не в силах устоять перед жгучим иберийским темпераментом испанских «мачос» — самцов). Но вот

«шведки» при помощи Хуана выходят на южную магистраль. И их машина медленно, но неуклонно увеличивает дистанцию между ней и мотоциклом. Иностранки смеются, одна из них издевательски посылает Хуану воздушные поцелуи: какая он им пара, этот начинающий лысеть простоватый мастеровой парень, каким бы жгучим-прежгучим испанцем он ни был.

Автомагистраль пустынна — все уже, устремившись на бешеной скорости к морю, опередили одинокого мотоциклиста. Но не все в Испании загорают в воскресенье на морских пляжах (впрочем, и сам Хуан ведь впервые едет туда). Без малого шесть лет сидит профессиональный активист, семью которого встречает по дороге герой, в тюрьмах — сначала в Карабанчеле, а теперь в Оканье, — и каждое воскресенье едут к нему мать, жена и брат, чтобы повидаться с ним всего двадцать минут. «Мы-то думали, что теперь все изменится, — говорит старая женщина Хуану, — а для нас все остается по-прежнему». В разговоре выясняется, что ее сына впервые посадили еще в 1971 году, когда была крупная забастовка металлостроителей. «Помните... которую провели осенью... Вы тоже, надо думать, не оставались в стороне, верно?» Хуан бормочет в ответ: «Ну, да, как же... Помню, помню...»

И тут следует тяжелая пауза — из тех, что сильнее любого монолога... Так, не через абстрактные высокие материи, а сталкивая своего героя с деталями повседневной жизни, Бардем понемногу, шаг за шагом, ведет его к осознанию своей классовой сущности, а затем — и к необходимости классовой солидарности: тоже не как абстрактной политической категории, а как чисто человеческому чувству сопереживания и содействия, которое делает человека чище и сильнее.

Эпизоды унижения Хуана, когда его в той или иной форме осаживают, показывая ему «его место», контрастируют с эпизодами, в которых Хуан неожиданно для себя ощущает тепло человеческого общения, радость бескорыстного служения людям, силу взаимовыручки... В сцене с алжирцами он симпатизирует уже им, а не официанту, третирующему «грязных арабов». Герой чувствует себя своим среди веселых бродячих актеров, с которыми попадает в тюрьму. Они выгораживают его, делают так, чтобы его отпустили, заявив властям, что Хуан — человек среди них чужой, просто зритель. И наш мотоциклист — этот вечный «зритель» — уходит, не оспорив того, что его называли «чужим», но в то же время больно задетый этим. И, наконец, словно крылом коснулась его и любовь — но любовь не по стандартам «жгучего» испанского «мачо», а любовь-сострадание, любовь-жалость со стороны юной нежной девушки из компании хиппи. А когда у Хуана прокалывается колесо мотоцикла, помощь ему оказывают в нищем селении, полном безработных. Да, он платит за починку

колеса. Но он в то же время понимает, что, не будь у него денег, ему тоже помогли бы. «Кому как не нам помогать друг другу... И вы ведь поступили бы так же, верно?» — говорит ему местный механик. И Хуан отводит глаза...

Во время долгого ночного возвращения в Мадрид в памяти Хуана, который, по словам сценариста, «стал более мудрым и зрелым», проносятся картины всего увиденного за эти три дня. Мимо мелькают будничные мадридские предместья — безликие громадины наспех построенных многоэтажек, среди которых мимо пустырей бредут в утренних потемках толпы серых и безрадостных людей, спешащих на фабрики, заводы, в учреждения. Конечная сцена: Хуан в умывальне авторемонтной мастерской. Он долго смотрит в зеркало, изучая свое лицо, всматриваясь в себя заново.

19 ноября 1976 года Бардем записывает в своем дневнике: «Конец недели» закончен. Да, это тот фильм, который мне хотелось сделать».

После премьеры фильма испанская прогрессивная печать писала о «втором рождении» Бардема (хотя некоторые газеты и упрекали его в излишней политической прямолинейности). «Конец недели» с успехом шел во многих странах. На X Международном кинофестивале в Москве в 1977 году он был удостоен главного приза.

Плаф-плаф, плаф-плаф: ритмично покачиваются бедра идущей по улице женщины. Под плотно облегающей юбкой вырисовываются контуры коротеньких трусиков. Мы видим всю ее фигуру: ее пышные формы, ее походку — плавную, уверенную, манящую — и слышим мерное постукивание ее каблуков в такт движению бедер. Плаф-плаф, плаф-плаф.

Женщина шагает по тротуару, приближаясь к красочно оформленному входу в авторемонтную мастерскую, откуда за ней наблюдают и с нетерпением ждут, когда она пройдет мимо, несколько человек.

На пороге стоит, широко расставив ноги, молодой, смазливый и озорной Роберт; рядом с ним, прислонившись к косяку двери, механик постарше и поскромнее, прозванный в шутку «Вольным стрелком»; позади него — один из учеников. Они первыми явились на это «свидание», очевидно, каждодневное. Постепенно к ним присоединяются еще несколько рабочих из мастерской.

Женщина находится уже совсем близко.

Она идет вызывающе улыбаясь и отлично сознавая, какой эффект неизменно производит здесь ее появление. Ей лет тридцать, у нее яркая, весьма привлекательная, но вульгарная внешность.

«Вольный стрелок» что-то говорит стоящему рядом ученику, и тот быстро направляется в мастерскую, то и дело поглядывая назад.

Роберт не выдерживает и еще задолго до того, как женщина поравнялась с ним, выкрикивает:

— Все мои богатства, куклолка, в твоём распоряжении!

Из глубины мастерской видны фигуры людей, стоящих в светлом проеме двери, и медленно проходящая мимо женщина.

Еще двое рабочих, пересмеиваясь, спешат поглядеть на нее. За ними следует управляющий.

Один из рабочих, пробега мимо стоящей на платформе машины, вытаскивает из-под нее молодого ученика и тащит за собой. Тот в свою очередь окликает работающего неподалеку Хуана, коренастого, коротко стриженного механика лет тридцати пяти.

— Учитель, парад начался!

Рабочий. Смотри не прозевай, Хуан...

Триумфальное шествие женщины мимо глазающих на нее мужчин.

В последнюю минуту к ним присоединяется и Хуан, вытирая на ходу тряпкой замасленные руки. Он смотрит на знакомое зрелище без всякого интереса, словно все это для него уже пройденный этап. А вот у зеленых юнцов появление этой женщины вызывает целую бурю восторгов. Механики постарше встречают ее громкими возгласами:

— Ау-у-у! Привет, красотка! Неплохо мы с тобой проводили времячко, а?!

— Все завлекаешь? Смотри, еще угодишь за решетку за нарушение общественного порядка!

Один из механиков толкает локтем Хуана с видом сообщника.

— Я уже навидался ее во всех видах. Меня она уже обучила всему чему надо. И даже больше, — небрежно роняет Хуан.

Женщина удаляется, вихля бедрами, а стоящие в дверях мужчины все продолжают смотреть ей вслед.

«Вольный стрелок». Пропасть можно от такой девки!

Механик. А ты и так пропал, старик: за четыре года «настрелял» четверых детей!

Роберт. Черт бы ее побрал, эту шлюху. Подумать только: каждый день одно и то же. И она это делает нарочно, чтобы подразнить нас. Но со мной этот номер не пройдет. Я хитрый.

Хуан. Вот поманит она тебя пальцем — тогда посмотрим, какой ты хитрый.

Роберт. Как тебя она поманила... И кто поверит твоим басням!

Управляющий, весьма неохотно вернувшийся к работе, заметил, что никто за ним не последовал, и решил показать свою власть.

— Какого дьявола вы там торчите!.. Ну-ка за работу! Все утро — без толку... Интересно знать: когда будут выдавать зарплату, вы что, вместо очереди в кассу побежите в очередь к ней?

Люди возвращаются к своим обычным занятиям. (Это небольшая мастерская по ремонту автомобилей и мотоциклов. Мойка. Смазка. Человек пятнадцать рабочих — от несовершеннолетних учеников до пожилых опытных механиков. Оглушающий, невыносимый шум. Машина с вывороченным нутром. Повсюду тарахтящие моторы, следы масла, ослепительные искры от сварки, стук молотков, на стенах — плакаты с голыми девицами и портрет

короля рядом со светлым квадратом на стене, где раньше висел другой портрет.)

Двое из самых юных учеников проскальзывают в туалет. Другой парень — помощник Хуана — увозит платформу на колесах.

Хуан смотрит на настенные часы. Стрелки показывают без четверти час. Он что-то дочитывает в отремонтированной машине, проводит тряпкой по капоту.

Неподалеку стоит поврежденная малолитражка со множеством вещей — внутри и сверху, — в которой разместилось целое семейство, собравшееся в дальнюю дорогу, видимо, на отдых.

Измученный отец семейства в полном отчаянии обращается к Хуану, словно это его последняя надежда. Они о чем-то говорят, но слова их тонут в шуме и грохоте. Хуан отрицательно качает головой.

— Ни к чему все это мне рассказывать. Сделать я ничего не могу. Поговорите с управляющим. И надо же, чтобы у вас это стряслось как раз сегодня, в субботу, перед самым концом работы и когда впереди два выходных дня.

Один из учеников прерывает их разговор, передавая Хуану какую-то деталь.

Отец семейства в растерянности, не знает, что ему делать; он потирает потные руки, избегает мечущего гром и молнии взгляда своей супруги, которая вместе с расшалившимися детьми ждет его в машине, и наконец отправляется на поиски управляющего.

Хуан понимает, в каком сложном положении оказался этот человек, но смотрит ему вслед без особого сочувствия. Он говорит стоящему рядом ученику:

— Одни рождаются везучими, понимаешь. А вот хозяина этого драндулета ничего хорошего не ждет. Ну, а я... Как только звякнет звонок — привет, и меня уже нет. Надо еще сказать спасибо Пепи, что она столько времени постится без меня, хе-хе!..

Хуан вдруг замечает, что отсутствует один из его учеников.

— А куда девался Манолито?

В этот момент Манолито выходит из туалета.

Хуан. Ну, конечно! Где еще он может быть, как не в клозете! Манолито подходит к ним и сразу же понимает, что разговор шел о нем. Он начинает что-то делать, пытается скрыть свое смущение.

Хуан. Не отворачивайся, не отворачивайся, хитрец! Тебя там видели! Опять повысыпали у тебя прыщи! Эта девка, я вижу, здорово на тебя действует!

Хуан протягивает ему несколько инструментов и по-отечески наставляет:

— На, возьми! Используй свои руки на что-нибудь стоящее, псих. Подкрути гайки у моего «Могучего». Только деликатно, э?

Манолито уходит, а стоящий рядом с Хуаном ученик острит ему в догонку:

— И со всем почтением, старик, а то мотоцикл нашего наставника — музейная редкость!

Хуан. Острия-самоучка! На этом мотоцикле я могу отправиться хоть на край света!

Ученик. Это все сказки, учитель! Дальше Долины Павших¹ вам на нем не уехать.

Хуан замахивается на него, но ученик, увернувшись от затрепачины, убегает.

Тем временем отцу семейства удалось найти управляющего, и он с жалким видом плетется следом за ним по всей мастерской. Мы снова видим его отчаянные жесты и догадываемся, о чем он его просит.

Управляющий. Ну а что я могу сделать? С этими чертовыми отпусками половина механиков в отъезде. А те что здесь... Не могу же я заставить их после конца рабочего дня... Посмотрите, посмотрите, сколько скопилось работы. И ко всему этому еще конец недели. Сегодня уже ничего не успеть. Завтра воскресенье. А в понедельник — праздник пресвятой девы. Так что... Попробую еще раз уговорить кого-нибудь остаться. Это все, что я могу сделать...

В это время мимо них по направлению к выходу проезжает роскошная машина с открытым верхом; за рулем сидит молодой бездельник — из тех, кого называют «плейбойми». Он на ходу сует деньги в руку управляющего. Тот какое-то время следует за ним, рассыпаясь в благодарностях.

Жена несчастного отца семейства пилит мужа всюю:

— Не будь покорной овечкой, слышишь? Смотри, как они расшаркиваются перед тем... Твоя машина хуже его, что ли? Или он красивее тебя? Нет, я знаю, кто во всем виноват...

Вконец измученный отец снова атакует Хуана, который в этот момент пересекает мастерскую.

— Это не отнимет у вас много времени. Ну что вам стоит... Не оставите же вы нас в таком положении... всю семью... Я не для

себя прошу, для них. Ну, ради детей — сделайте... Посмотрите на них, ну посмотрите...

Хуан, скользнув взглядом по притихшему семейству, пожимает плечами.

— Ну что вы мне все это рассказываете? Мне платят за работу до часа дня, и в час я ухожу... Вот послушайте.

Мужчина настороженно слушает. Хуан считает секунды; вдруг звенит звонок, оповещающий о конце рабочего дня. Время — час.

В мастерской начинается суматоха. Рабочие торопливо расходятся в разные стороны: одни спешат к окошку кассы, другие в умывальню, третьи к выходу. Слышны автомобильные гудки: это отремонтированные машины выезжают из мастерской. Хуан быстро исчезает, и несчастный отец семейства остается один: он похож на человека, потерпевшего кораблекрушение.

Небольшое, грязное помещение умывальни. Писсуар, маленькая треснутая раковина, зеркало. На стенах небольшие плакаты, надписи. Одни слова написаны свежей краской, другие зачеркнуты, третьи почти стерлись, но их еще можно разобрать: они говорят о «профсоюзной свободе», «единстве» и «амнистии».

Рабочие переодеваются, моют руки, причешиваются. Они громко переговариваются, шутят, напевают. Все оживлены и охвачены какой-то лихорадочной спешкой.

Роберт. Столько свободного времени впереди, что собираться делать, а, старик? Пожалуй, ты успел бы слетать на Майорку. Надел бы там снова белый пиджачок, и собирай себе чаевые, верно, Хуанито?

Ученик. Не трепись! Вы, правда, были раньше официантом, учитель?

Хуан. А ты помалкивай!.. Там у меня ни сна ни отдыха не было из-за этих приставучих шведок... Идешь, бывало, с подносом или спишь себе спокойно, а они вдруг являются за тобой в любое время и зовут переспать с ними. А одна даже хотела, чтобы я уехал с ней. Вот психованная!

«Вольный стрелок». Брось заливать!.. Ты в эту чушь и сам ведь не веришь...

Немного в стороне от них трое рабочих обсуждают какой-то машиннописный текст. Один из них громко обращается ко всем:

— Эй, вы! Не забудьте про завтра.

Хуан. Завтра? А что будет завтра?

1-й рабочий. Завтра, в воскресенье. В девять утра. Собрание в приходской церкви нашего района по поводу трудовых договоров.

¹ Находится в окрестностях Мадрида.

Роберт. Я в церковь не хожу даже к мессе.

Хуан. А я ни к мессе, ни под венец. Потому-то я и не женюсь...

2-й рабочий. Не дури, это дело серьезное. Выдвигается требование об увеличении зарплаты на шесть тысяч песет; есть еще несколько вопросов, которые надо обсудить.

Хуан. Трепатня все это!..

Роберт. Уж если требовать, то чем больше, тем лучше. Верно я говорю?

1-й рабочий. А вот и нет, красавчик. Требовать надо то, что мы все вместе порешим, то, что справедливо, что нам полагается. И потом добиваться этого. Но действовать нужно сообща, всем вместе. Понятно?

3-й рабочий. А если ничего не добьемся, тогда уж — забастовка.

Хуан. Это ты так решил...

1-й рабочий. И ты, и он, и я, и все. И если собрание решит, что надо бастовать, значит, будем бастовать. Потому-то и нужно пойти на собрание, но только всем. Разве мы не так порешили?

Хуан. Обо мне забудь, дружок! Вы что, хотите сорвать все мои планы?

Хуан, Роберт, «Вольный стрелок» приводят себя в порядок перед зеркалом, в то время как трое рабочих, призывавших их принять участие в собрании, видя, что их не уговорить, обращаются к недавно вошедшим рабочим, которые пересчитывают полученные деньги. Эти люди, в отличие от других, проявляют подлинный интерес к началу разговору.

Роберт хочет причесаться и оттесняет Хуана от зеркала.

— Отойди, карлик! Так какие планы у «несравненного мотоциклиста»?

Хуан. У меня? Не хочу, чтобы ты исходил слюной от зависти, скажу только, что у меня все продумано и рассчитано... Я подсчитал, сколько у меня будет свободных часов в этот раз. Знаешь сколько? Шестьдесят! Ну так вот: шестьдесят часов я буду...

Конец фразы он досказывает Роберту на ухо. Роберт смеется. Затем Хуан обращается к «Вольному стрелку»:

— А тебе я ничего не скажу: ты без пяти минут многолетний отец и тебе вредно...

«Вольный стрелок». Перестань душить! Скажи, что будешь делать.

Хуан. Не скажу, старик, ничего тебе не скажу. Потому что боюсь, как бы ты не потребовал развода, узнав о моих планах. А я не хочу никому портить жизнь. Так что отправляйся-ка лучше домой.

«Вольный стрелок». Да, ничего веселого меня не ждет. Нам сейчас не до этого.

Хуан. А мы с Пеппи и еще одна пара — Венансио со своей подружкой — собираемся на водохранилище: Вы не знакомы с Пеппи? Ну, это чудо! Так вот: на водохранилище мы поедем или в горы — не знаю, мне, в общем, все равно. Я только хочу сказать вам, что свои выходные я использую на все сто. Шестьдесят часов подряд буду пить, есть, купаться и заниматься в постели игрой, которая тебе хорошо знакома, а? К черту все аварии, поломки и многодетные семьи!

Он направился было к выходу, но вдруг остановился, словно что-то вспомнив, и, обернувшись в сторону «Вольного стрелка», спрашивает:

— Послушай, а твоя жена не знает что ли, что существуют пилюли?... Олухи, ну что вы за олухи! Тебе давно надо бы...

И он указательным и средним пальцами имитирует движение ножниц.

«Вольный стрелок» в ответ шутливо ударяет его ниже пояса:

— Ну и свинья же ты! И кто только может позариться на такое уродливое старье, как ты?! Завистливая свинья!

Спасаясь от преследования «Вольного стрелка», Хуан прячется за спину Роберта.

Роберт. А я ничего тебе рассказывать сейчас не буду. Секрет. Расскажу, когда вернусь, со всеми подробностями... Приготовься слушать, невежда.

Хуан. Только без вранья, а?

Они кладут руку на руку, как при клятве, делают смешные пируэты, бьют ладонью о ладонь и под конец раскланиваются, как эстрадные актеры. Потом идут к выходу, чистенькие, довольные, по дороге прощаясь с «сознательными» товарищами:

— Смотрите, как бы на вас не завели дело и не упекли за решетку!.. А жизнь ведь так хороша!.. Вот будете сидеть и ждать этой чертовой амнистии. А с амнистией пока — пшик! Эх, слепцы!

Очередь у кассы уже рассосалась. Несколько задержавшихся механиков слоняются без дела. В мастерской становится тихо.

Отец семейства все еще пытается кого-нибудь уговорить; он подходит то к одному, то к другому и слезно умоляет помочь. Но никто его не слушает. Мать семейства, понадавав оплеух одному из своих детей, который, расшалившись, носился по мастерской, тащит его к машине. Ребенок плачет.

Хуан отходит от кассы, считая деньги.

— Что за черт! У меня вычли сто пятьдесят песет. За неаккуратность, сказали. Мы что — детишки что ли? Надо же, такое свинство! Может, эти «сознательные» добьются увеличения...

Роберт и «Вольный стрелок», получив деньги, подходят к нему. Управляющий, проходя мимо, как бы между прочим спрашивает Хуана:

— Послушай, на самом деле. Скажи, как это у тебя получилось с той теткой, на которую вы глазели?..

И он руками обрисовывает в воздухе пышный бюст, вихляя бедрами.

Управляющий. ...Ну с этой шлюшкой. Зачем она тебя звала? Чтобы ты сменил ей пробку или починил кран?

Роберт. Опять сначала?.. Ну неужели вы не понимаете, что это очередная басенка нашего «несравненного мотоциклиста»?

Хуан. Никаких пробок и никаких кранов я не чинил, да будет вам известно раз и навсегда. А потом она меня вовсе не звала. Я пришел к ней сам и сказал всем известную шуточку из телепередачи: «Я пришел поставить вам антенну с рогами». И она с полным удовольствием впустила меня.

Выпавив это, Хуан со значительным видом удаляется; за ним следуют, недоверчиво ухмыляясь, Роберт и «Вольный стрелок». Управляющий не знает, верить или не верить Хуану. «Вольный стрелок», прочтя его мысли, шутливо советует:

— Не унывайте, шеф, попытайте счастья сегодня вечером. Может, то, что говорит Хуанито, — правда!

Они смеются. Уязвленный управляющий поворачивается к ним спиной, потом вдруг взрывается и резко кричит:

— Во вторник чтоб быть здесь как штык ровно в восемь, слышите? А кто опоздает, пусть катится к чертям отсюда! Понятно?

Хуан стоит около своего мотоцикла, который он ласково именует «Могучим». Как и все остальные мотоциклы, принадлежащие другим механикам, это подержанная машина, но очень умело отремонтированная и обновленная, разукрашенная сообразно последнему крику моды.

Хуан. Как штык, договорились. Во вторник я, может, выиграю в лотерею, и тогда пошлю вас всех подальше!

И он показывает несколько лотерейных билетов.

«Вольный стрелок» понуро идет к своему мотоциклу, махнув рукой на прощание: видно, что он поглощен своими невеселыми мыслями.

Надев каску и прочие атрибуты мотоциклиста, Хуан любовно похлопывает своего «Могучего», словно воодушевляя его.

— Поехали, «Могучий»!.. Понаслаждаемся жизнью!..

Роберт, сидя на своем мотоцикле — новее и лучше «Могучего», — готовится отъехать и на прощание шутливо дает пинка Хуану, которому приходится придержать руками груз, лежащий на мотоцикле: транзистор и пластмассовую сумку с бутылками.

Хуан. Кретин, ты же свалишь мои припасы!

Роберт. Что там у тебя?

Хуан. Виски и музыка, чтоб не спадало веселье.

Роберт запускает мотор, трогается с места и среди шума и треска мотоциклов кричит Хуану:

— Может, ты встретишь дурня, который возьмет тебя на буксир!

Хуан. А ты — умника, который даст тебе под зад!

Все двигаются к выходу. Мотоциклы ликующе тархтят, оглашая мастерскую страшным грохотом. Хуан на своем «Могучем» выезжает на улицу и вскоре исчезает из вида.

Отец семейства все еще ходит за управляющим в опустевшей мастерской. Наступил конец недели.

Через витринное стекло магазина по продаже мотоциклов и мотопринадлежностей видна весьма привлекательная молоденькая девица, сидящая на седле дорогого мотоцикла, новенького и такого же сверкающего, как она.

Вокруг — крупные и мощные машины разных марок, умело расставленные на блестящем паркете выставочного салона. Тут и «BMW», и «Кавасаки», и «Лаверда», и «Харлэй-Дэвидсон»...

Салон отделен от магазина как такового стеклянной дверью и декоративными растениями из пластмассы.

Девица кому-то улыбается — мы не видим кому, — потом приветливо машет рукой. Она, видимо, вслушивается в то, что ей говорят, потом мотает головой и пожимает плечами, давая понять, что ничего не понимает.

По другую сторону огромной витрины видна улица, чахлые акации вдоль тротуара, «Могучий», стоящий около одной из них, и Хуан с расплосценным на стекле носом; он жестикулирует, обращаясь к девице, которая его не слышит.

— Я спрашиваю, где Пеппи, черт возьми! Ты что, меня не слышишь? Смотри, что я везу с собой! Мм!..

Хуан показывает ей транзистор, который он держит в одной руке, и пластмассовую сумку — в другой.

Сидящая на мотоцикле девица пытается что-то ему объяснить.

Хуан. Что ты говоришь? Я тебя не слышу!

Хуан с решительным видом направляется ко входу в магазин. Войдя, он, не останавливаясь, проходит мимо прилавка, где продавец, его приятель Венансио, обслуживает последних клиентов. Хуан приветствует его на ходу:

— Молодец, Венансио... Я вижу, ты продаешь теперь мотоциклы с девицами в придачу, да? А где Пеппи?

Венансио с удивлением бросает взгляд в сторону салона.

Венансио. Подожди минутку, я сейчас освобожусь.

— Не может прийти, говоришь? Пусть не дурит. Я сейчас приволоку ее сюда как миленькую, вот увидишь, и...

Его прерывает Венансио. Клиенты уже ушли, и он снимает с себя рабочий халат.

— А если она действительно нездорова?.. Или, может, что-нибудь случилось дома...

Хуан. Разве только, если помер ее папаша. Если нет — пусть пеняет на себя.

Девнца. Ну, ладно, не такая уж это трагедия... Что тут у тебя?

Хуан. «Не такая уж это трагедия!» Слышишь, что говорит эта дуреха?

Венансио заставляет сойти с мотоцикла свою подружку и толкает ее в магазин, к выходу.

Венансио. Сойди-ка с машины, хватит тебе тут расслаиваться. И пошли. А то он еще сорвет все наши планы.

Девнца нюхает сумку с напитками и с восхищением смотрит на транзистор, который она прихватывает вместе со своими вещами: большими сумками, полотенцами, пакетами с кондитерскими изделиями. Венансио помогает ей, подталкивая всех к выходу.

Девнца. Уй, как это будет кстати!

Хуан. А вы что, собираетесь смыться без меня?

Венансио. Ты потом мне все расскажешь.

Хуан. Ну подождите меня полчаса, черти. Или того меньше. Я заеду за ней и мигом привезу сюда что бы там ни было.

Хуан. Поторопись, старик.

Хуан пересекает салон, ослепленный всеми этими роскошными сверкающими машинами, которые находятся так близко от него и вызывают почтительное восхищение.

Хуан. Бог ты мой, какие машины!.. Ты хоть разглядела их, крошка?

Хуан не успел еще приблизиться к девнице, как она поспешила одним духом выпалить ему:

— Она не пришла... Ты что, не понял, что я сказала? Пеппи не пришла и вряд ли придет.

Это известие поразило Хуана как гром среди ясного неба.

— То есть как это не пришла и не придет? Как это может быть? Что с ней случилось?

Девнца. Не знаю. Может, она заболела.

Хуан. Заболела? С чего бы это?

Девнца. Все, что я знаю, — это то, что она не может прийти: так она сказала.

Хуан вне себя от негодования. Он ставит на пол транзистор и сумку.

Девушка. Да не придет она, говорю тебе.

Хуан. Не посмеет она подложить мне такую свинью, понятно?

Венансио. Послушай, ни к чему говорить все это нам... Это твоё дело, старик... (Девушке.) Ну, пошли наконец. Пора ехать.

Они вышли на улицу. Со словами «До вторника» Венансио простился со служащим, который после его ухода стал закрывать стеклянные двери.

Девушка уже успела усесться на мотоцикл Венансио, который, кстати говоря, был куда лучше «Могучего». Среди прочих вещей в руках у нее транзистор и сумка Хуана.

Хуан. Да погодите вы, черт... Я мигом обернусь.

Венансио. Ты знаешь, который час? Мы в это время уже должны были быть на шоссе. А то попадешь в такие пробки, что места не сдвинешься.

Венансио запускает мотор. Хуан в бешенстве.

— Ну что за свинство! Значит, столько было планов на эти дни, столько денег ухлопано, а теперь бац — и вы меня бросаете. Спасибо тебе большое, приятель!

Венансио. Ну а я-то тут при чем, черт возьми. И зря ты кипятишься, старик.

Хуан. Я же мигом съезжу за ней. Скажи, где мы потом встретимся...

Венансио. Да откуда я знаю! Наверно, в тех местах, где всегда... Поищи нас там.

Мотоцикл отъезжает. Девушка посылает Хуану шутливое приветствие:

— Бай-бай! И спасибо за щедрость!

На прощание вместо платочка девушка размахивает сумкой и транзистором Хуана. Хуан успевает крикнуть им вдогонку:

— Подлюги! Эгоисты! Стервецы!!!

Красноречивым жестом руки он посылает их подальше и остается один. Наедине со своим «Могучим».

Дом, где живет Пепа. Небольшая столовая, несколько дверей, открытые окна, выходящие на улицу. Стены оклеены пестрыми обоями. Стандартная мебель. Дешевая посуда. На экране телевизора толстощекий диктор. За накрытым столом сидят: дедушка — он давно на пенсии, одряхлел, на лице его застыло выражение удивления; мать — ей лет пятьдесят, ее лицо и весь облик несут печать крайней усталости; Лолита — сестра Пепа, подросток, похожа на рано созревшую девушку. Обед прерван появлением Хуана.

Мать Пепа довольно резко разговаривает с непрошеным гостем; видно, что она раздражена и не умеет лгать.

Мать. Ее нет дома. Нету. Ну как еще вам это втолковать?

Хуан. Но мы же с ней условились.

Мать. Ей надо было куда-то пойти.

Хуан. То есть как это надо было куда-то пойти?

Мать. А так... Она ушла. Понятно?

Хуан. А мне сказали, что она заболела... Значит, она не больна?

Лолита злорадно хихикает, а когда Хуан цыкает на нее, строит лукавую и невинную рожицу.

Хуан. Ну так как? Больна она или не больна?

Мать не знает, что ответить; тем временем дедушка тянет за рукав Хуана и вполголоса повторяет одну и ту же фразу:

— Молодой человек, послушайте...

Мать. Ну ладно, хватит. Она больна, но куда-то ушла. А теперь может вы дадите мне поесть спокойно?!..

Дедушка. Молодой человек, послушайте...

С улицы доносятся автомобильные гудки. Лолита высовывается в окно.

Хуан. Ешьте, сеньора, ешьте... Просто ваша дочка условилась встретиться со мной, понимаете? И мне интересно знать, почему она меня надула.

Дедушка. Молодой человек, у вас...

Хуан. Что вам надо?

Мать. Значит, у нее были какие-то основания. Спросите у нее.

Дедушка. Сигаретки не найдется, а?

Лолита. Перестань, дедушка... Тебе же нельзя курить.

Хуан. Конечно, я у нее спрошу! Потому-то я и хочу знать, куда она девалась?

С улицы доносятся настойчивые автомобильные гудки. Дедушка не отстает от Хуана. Лолита хихикает. Мать ворчит. Хуан негодует. Вдруг появляется сама Пепи: она выходит из ванной комнаты, принаряженная и сильно надушенная.

Пепи. Ты что тут делаешь?

Хуан. Как это — что делаю? Ты забыла, что мы договорились?

Пепи. Да ты что о себе возомнил? Как ты смеешь врывать сюда, в мой дом, и еще чего-то требовать?

Снова доносятся автомобильные гудки. Лолита подмигивает Пепи, указывая на улицу. Пепи начинает быстро собирать свои вещи. Дедушка продолжает приставать к Хуану.

— Одну-единственную сигаретку, молодой человек. Покурить после обеда.

Мать. Никаких сигарет — ни до, ни после обеда. Сидите спокойно, отец.

Пепи (Хуану). И запомни: в этом доме ты был в первый и в последний раз.

Лолита (Хуану). Мой папа должен вот-вот прийти, знаете? И он разозлится, если увидит вас здесь.

Пепи прощается со всеми. Целует мать и направляется к двери.

— Я пошла, а то уже поздно. Чао!

Мать. Будь осторожна!

Дедушка. Ну так как насчет сигареты?

Хуан (Пепи). Послушай... мы же договорились. И раз ты не больна...

Пепи. Как видишь, не больна. Ну и что?

Пепи выходит и начинает спускаться по лестнице. Хуан следует за ней. Лолита свешивается с перил и кричит:

— Ты эти самые не забыла? (Она явно имеет в виду определенного сорта пилюли.)

Хуан. Послушай, Пе́пи, поедem вместе.
Пе́пи. Это исключается.

Хуан. Почему?

Пе́пи. Потому. Не поеду, и все. У меня другие планы.

Хуан. Другие планы? Ну что ты говоришь?

Пе́пи. А то, что слышишь.

Хуан. Но почему, скажи?..

Пе́пи. Потому что мне так хочется, потому что мне так нравится...

Они доходят до подъезда, и тут Пе́пи останавливается. На улице стоит открытый джип, в котором с грехом пополам разместились несколько парней и девиц. Парни одеты с нарочито небрежной элегантностью; по всему видно, что они из других районов города — фешенебельных и недосигаемых для жителей этого квартала. Один из молодых людей — тот, что стоит на тротуаре и время от времени нажимает на клаксон, — явно насмехается над стоящим рядом мотоциклом Хуана; носком туфли он то и дело ударяет по покрывше, отпуская в адрес машины шуточки, которые вызывают хохот у всей компании.

Пе́пи. Ну что еще тебе сказать? Я передумала и не поеду с тобой. Имею я на это право или нет?

Хуан. И ты поедешь с этими?..

Пе́пи. С кем хочу, с тем и поеду. И хватит!

Хуан. Значит, ты с этими дерьмовыми барчуками...

Пе́пи. Дерьмовыми или еще какими — тебе какое дело? И не устраивай мне, пожалуйста, сцен, слышишь?

Сидящие в джипе заметили Пе́пи и громко зовут ее; голоса их звучат весело и чуть насмешливо.

— Поторопись, время не терпит! А то пропадет все удовольствие! Ну, ты идешь или нет, красотка?

Хуан. А если устрою, что тогда?

Пе́пи. Тогда я пойду в твою мастерскую и скажу твоим товарищам, что...

Хуан. Что?..

Пе́пи. Что-нибудь придумаю...

Хуан прибегает теперь к презрительному тону.

— И вот эти вот сопляки будут лапать тебя?

Пе́пи. А почему бы нет? Они поделikatнее тебя, лучше пахнут, чем ты, да и руки у них почище и поаккуратнее твоих вечно засаленных.

Они смотрят друг на друга, охваченные яростью. И так как Хуан не взрывается, потому что, может быть, он впервые обратил внимание на свои руки, Пе́пи спешит улизнуть.

— Ну, ладно, прощай, старичок. Успокойся и прости! Как-нибудь в другой раз мы с тобой отправимся в кемпинг.

Хуан. В другой раз ты туда отправишься со своим папашей!

Пе́пи. Забудь меня, невежа!

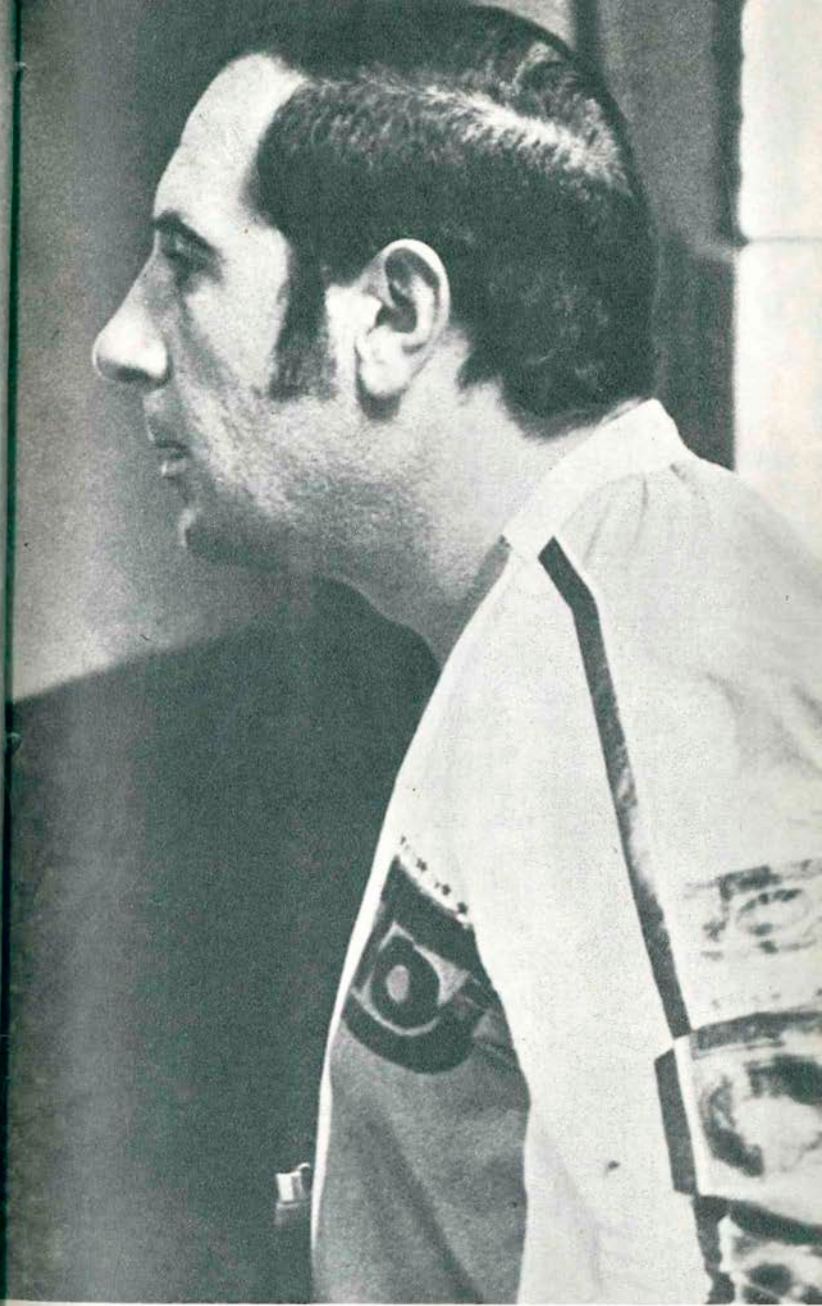
Пе́пи убегает и присоединяется к своим друзьям, кое-как приставившись в джипе. Слышатся шумные голоса, смех. Чтобы выехать, джипу приходится немного отъехать назад, и он нечаянно задевает мотоцикл, так что тот чуть не валится набок. Хуан быстро подскакивает, чтобы защитить свое имущество, и раздражается громкими ругательствами вслед сидящим в джипе:

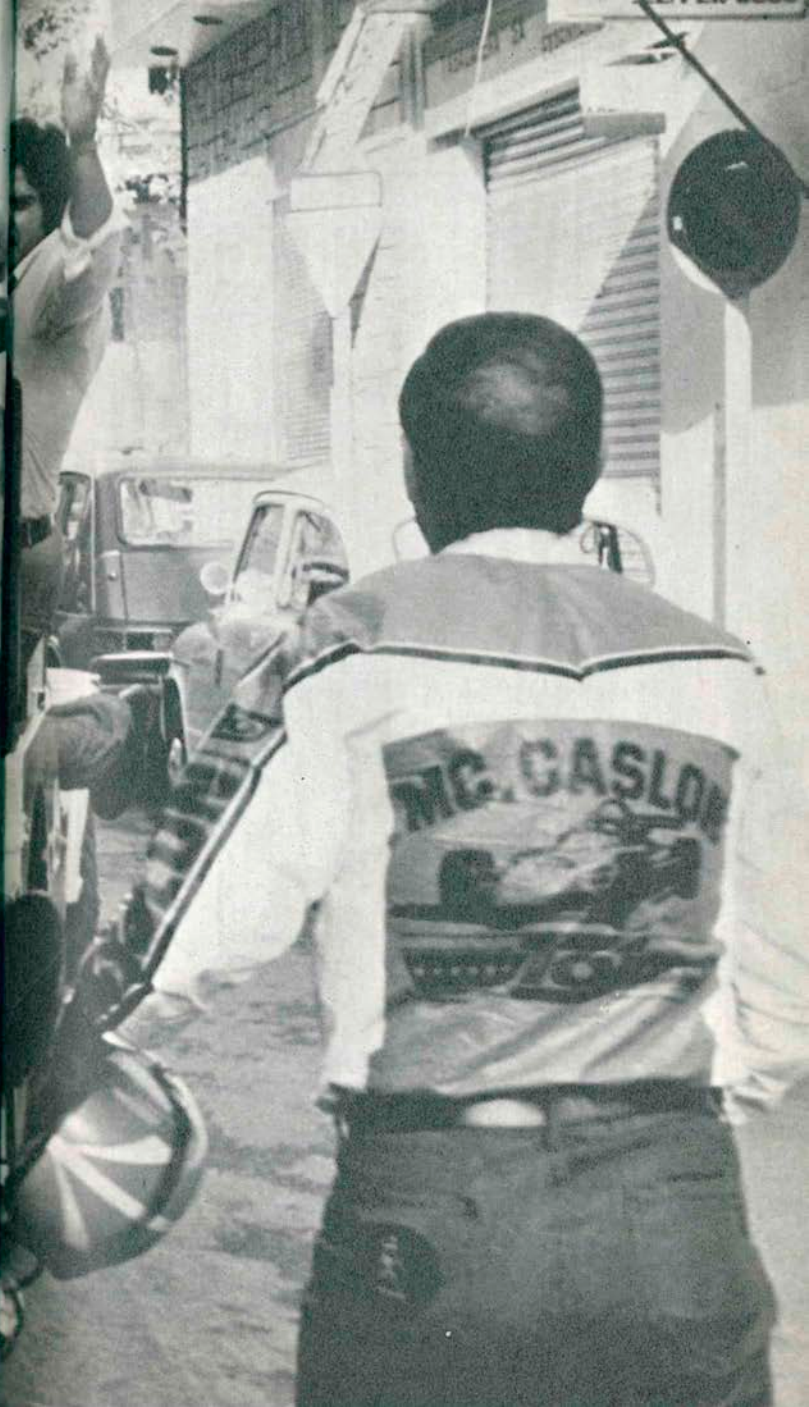
— Эй, ублюдки! Дерьмовые барчуки! Сутенеры! Недоноски!

Но сидящие в быстро удаляющемся джипе не слышат и не обращают на него никакого внимания. А Пе́пи не упускает его из поля зрения и посылает ему воздушные поцелуи. Это окончательно выводит Хуана из себя.

— Эта девка еще издевается надо мной! Чтоб тебе костей не собрал! Дрянь! Шлюха!

На разбушевавшегося Хуана с удивлением смотрят любящие посплетничать соседки, вездесущие мальчишки, с игопочки одетый господин со знаком отличия в петличке, прохожие.

Хуан со свирепым видом отгоняет мальчишек, столпившихся у его мотоцикла.

— А ну-ка проваливайте отсюда! Чего налетели, как мошкара! Убирайтесь ко всем чертям!

Г о с п о д и н. Вам следовало бы следить за своим лексиконом... Придерживаться правил приличия в разговоре не так уж трудно.

Х у а н. Вас еще не хватало! Мало того, что мне испоганили выходной день, что меня бросили, как паршивый окуроч, вдобавок к этому еще господин сенатор, видите ли, требует, чтобы я прилично выражался. Катитесь к чертям собачьим! Слышите? Да, и вы, и Пепа, и ее папаша — все!

Ругаясь, Хуан садится на мотоцикл и резким движением заводит его; раздается такой оглушительный грохот, что из окон домов высовываются встревоженные люди, а один толстяк, в нижнем белье, громко выкрикивает ругательства в адрес Хуана:

— Распутник! Хулиган!

Хуан обрушивается на него и на всех на свете:

— К чертям собачьим! И вы туда же! И весь квартал! Все!

Кто-то бросает в него пустой цветочный горшок, но Хуан даже не замечает этого. Он дает полный газ. Резко рванув вперед, мотоцикл, подпрыгивая и издавая адский треск, вскоре скрывается из виду в облаке дыма.

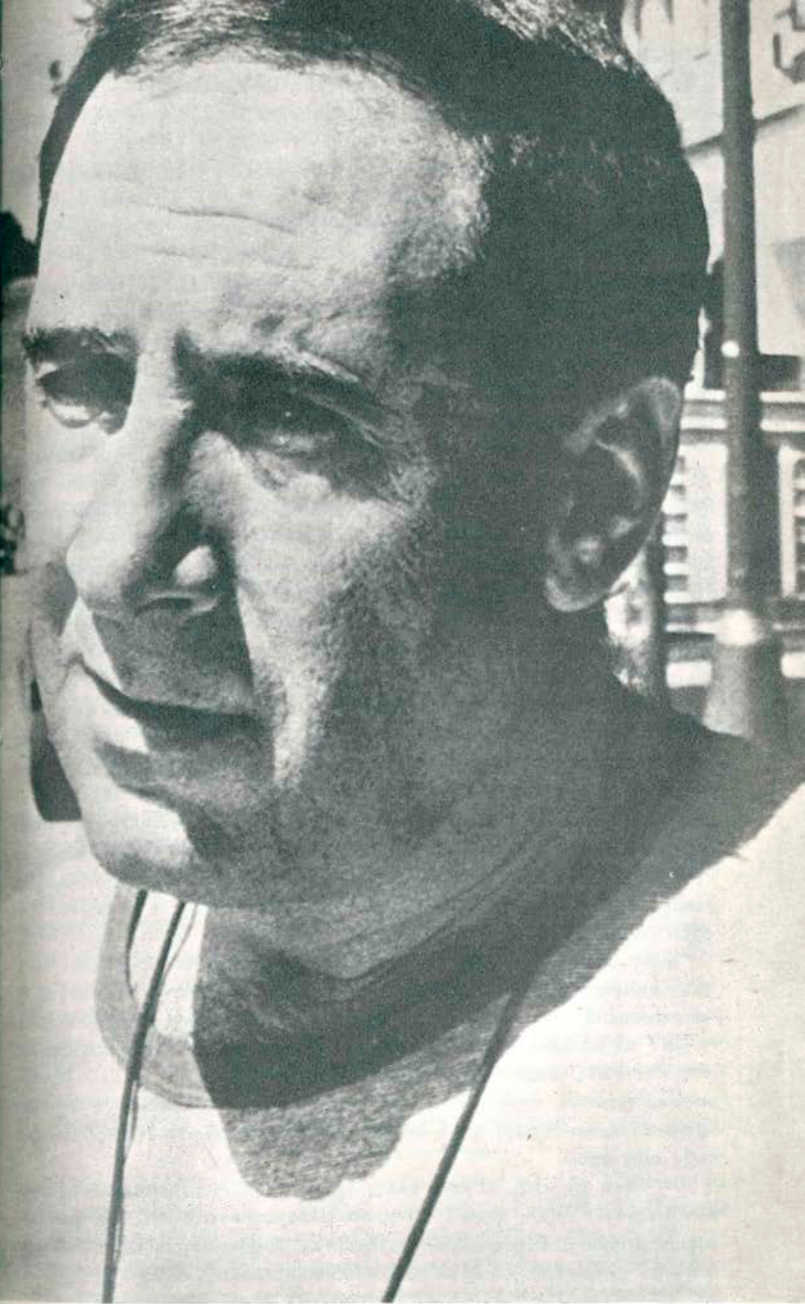
Хуан мчится на своем мотоцикле по улицам Мадрида. Уже четвертый час дня, и окутанный летним зноем город словно замер и кажется необитаемым — нигде ни души. Исчезли даже стоящие у обочин машины, на тротуаре только солнце и тень. Мы видим одного Хуана, его мотоцикл и тень их обоих, скользящую по пустынным и раскаленным от жары мостовым.

Сначала Хуан едет без цели по широким проспектам, не обращая внимания на никому не нужные сейчас семафоры: машины встречаются очень редко. Он мчится на предельной скорости, взрывая плотную тишину послеобеденного часа оглушительным треском мотора.

Затем, по мере того как утихают его ярость и чувство горькой досады от неожиданных неудач, стихает и лихорадочное тарыхтение сбавившей скорость машины. Как сердце Хуана, так и мотор постепенно утихомириваются.

Теперь по тихим и безлюдным улицам и площадям уже мягко скользит знакомая нам тень.

На протяжении всего путешествия по Мадриду лицо и глаза Хуана неизменно передают его состояние — от ярости до смирения, от неистовства до спокойствия, отражая и то, что он видит —

растилающийся перед ним пустынный и словно уснувший город, и то, что он чувствует. Иногда губы его шевелятся, и мы слышим, как он сам с собой разговаривает. А иногда мы слышим его мысли его раздумья.

— Ну что мне теперь делать, куда деваться, черт бы их всех побрал?! Всю неделю вкалываешь и ждешь, когда наконец наступит суббота, а за субботой воскресенье, считаешь дни, строишь планы и на что-то надеешься, и вот наступает суббота, вроде сегодняшней, когда ты оказываешься один как перст и не знаешь, что тебе делать и куда себя девать. Все было продумано, запланировано, и вдруг что-то случается, что-то не срабатывает, и все летит к чертям собачьим. Конец недели, два с половиной выходных дня. Шестьдесят часов. А куда тебе сунуться — не знаешь. Убить бы эту девку! Ну что мне теперь делать? Пойди найди своих дружков — поганцев этих! — на водохранилище. Чтоб они там утонули! Хороши товарищи, нечего сказать. И еще дураком выглядишь. Шестьдесят часов. Еще целых шестьдесят часов до возвращения в мастерскую. Там по крайней мере не скучно и чувствуешь, что привязан как-то к этим шкодливым парням. Представляю себе, сколько врак понапридумает Роберт... А что я им расскажу? А вдруг они все узнают? Видели б они меня сейчас, как я мотаюсь как неприкаянный, — за живот бы держались от хохота... И что мне делать?.. Никто меня не ждет... Никто не ищет... Что?

Прозрачная и свежая струя воды бьет ключом из фонтанчика, находящегося в тени ветвистого дерева на безлюдной улице; неподалеку стоит деревянная скамья.

Хуан, без каски, подставляет под струю голову, затем, набрав в ладони воду, освежает лицо; жадно пьет, запрокинув голову; вода стекает по шее, за ворот рубашки. Потом он садится, вернее, устало валится на скамью и сидит, опустив голову, в подавленном состоянии.

Хуан вынимает сигарету и собирается закурить; поднеся к лицу зажженную спичку, он смотрит на свои руки — жесткие, мозолистые, потемневшие от вьезшегося в кожу масла, которое, наверно, пропитало ее до самых вен. Пальцы огрубели, кожа местами содрана. Под ногтями, квадратными, неухоженными, и вокруг них — несмываемая чернота, заусеницы. Хуан задумчиво кусает ноготь, выпуская изо рта табачный дым. Он о чем-то упорно думает и иногда бормочет себе под нос:

— Ну и шлюха... И чего стоит эта компания папенькиных сынов... Давай, Пеппи, давай! Конечно, летом, наведя на себя красоту и разодевшись в какую-нибудь модную кофточку, ты еще можешь кого-то одурачить и сойти за приличную девицу. А вот умной тебя все равно не назовешь!.. Чтоб вам всем очокуриться по дороге!

Проезжает машина, и Хуан поднимает голову. Это обычная, порядком изношенная малолитражка; ее багажник завален чемоданами, детскими колясками и прочими вещами; внутри она битком набита людьми. Какой-то малыш высовывает из окна песочное ведерко с лопаткой, словно наполняя его горячим и сухим воздухом, которым, кажется, невозможно дышать.

Из машины доносится оглушительно громкий голос радиодиктора, нарушающий сонную тишину этого предвечернего часа; Хуан прислушивается к нему еще до появления машины и слушает, пока она не скрывается из виду.

Г о л о с д и к т о р а. ...Поэтому рекомендуется принять все меры предосторожности, поскольку предполагается, что в эти дни движение транспорта на наших дорогах будет особенно интенсивным. Помните, главное — это добраться до цели. И вы можете достичь ее, зная, что в конце пути вас ждет самая лучшая награда за ваши усилия: наши изумительные пляжи...

Наступает недолгая тишина, потом появляется другая машина.

Точно так же, как и предыдущая, она набита людьми и вещами, также оглушительно орет радио. Вслед за этой машиной проезжают еще две с шумными пассажирами, с включенными на полную мощность транзисторами, откуда, как пулеметные очереди, вырываются музыкальные аккорды, слова песни и всякого рода советы, как обезопасить движение на дорогах и избежать несчастных случаев.

Г о л о с д и к т о р а. ...Ваши свободные дни, ваш заслуженный отпуск... нигде лучше, чем на нашем побережье... Наши пляжи вас ждут...

Г о л о с п е в ц а. «Это моя Испания, благословенный край, где любовь восседает на троне».

Хуан начинает испытывать какое-то странное нервное возбуждение. Шумные компании в машинах, музыка, слова диктора — все это действует на него опьяняюще. Проезжающие мимо машины то заслоняют от Хуана, то открывают его взору огромную витрину Агентства путешествий, расположенного в доме напротив, где выставлены большие цветные фотографии полуголых загорелых девиц, рекламирующие сказочные пляжи.

Г о л о с д и к т о р а. ...Тем, кто отправляется в путь сейчас, после обеда, в этот предвечерний субботний час, мы рекомендуем следующие маршруты...

Г о л о с п е в ц а. «И люди с жаром восклицают:
да здравствует Испания!..»

Хуан смотрит и слушает с таким напряженным вниманием, словно готов сорваться с места и побежать на чей-то зов. Проезжающие мимо него машины — а их становится все больше и больше — заслоняют то Хуана, то улыбающуюся девушку, которая приглашает его с витрины напротив посетить сказочный золотой пляж...

Голос диктора. ...И помните, что путешествие по своей стране является ныне выражением патриотизма...

Голос певца. «Хочу иметь я мотоцикл, чтоб совершить туристский цикл...».

Голос диктора. ...Предполагается, что около миллиона человек покинут столицу в этот субботний день, чтобы провести уикэнд на лоне природы...

Хуан весь во власти охватившего его нетерпения, все больше разжигаемого советами диктора, оглушительной музыкой, грохотом и треском проезжающих машин и мотоциклов и призывной улыбкой загорелой девушки со сказочного пляжа.

Хуан мчится на своем «Могучем» по шоссе, лавируя среди все увеличивающегося потока машин. Водители нетерпеливо сигнализируют при заторах, оглушая всех ревом и отравляя воздух гарью.

Зажатый между машинами, Хуан, искусно маневрируя, ловко объезжает их, вырывается вперед, мчится дальше.

Хуан. Ну что ж! Надо улепетывать отсюда... Сматываться поскорее... А куда? Да какая разница куда! Куда глаза глядят... Давай, дружище, покажи этим импотентам, как надо ездить.

Хуан продолжает во время пробок обгонять машины и туристские автобусы. Он не замечает, что проехал мимо красной машины с откидным верхом, в которой сидят две весьма привлекательные девицы — явно иностранки. На их голых коленях разложен план Мадрида. Они, по-видимому, не могут найти на карте то, что ищут, и зовут Хуана, восседающего на своем мотоцикле в нескольких метрах от них. Сначала они настойчиво сигнализируют, когда Хуан оборачивается на шум, подзывают его жестами.

Хуан растерянно озирается по сторонам, чтобы убедиться, к нему ли это обращаются девицы, переспрашивает:

— Меня?

Девицы кивают, и Хуан начинает пятиться со своим мотоциклом, пока ему не удастся поравняться с красной машиной. Увидев вблизи этих соблазнительных представительниц прекрасного пола, Хуан не может скрыть своего восхищения. Девицы с помощью жестов и мешая английские, шведские и испанские слова пытаются объяснить, что им нужно.

1-я девица. Hey listen!.. Listen! Yes you... Please, how can we?.. Пожалуйста, ох... выезд... Как мы go out? Oh, shift!

1 Эй, послушайте!.. Послушайте! Да, вы... Пожалуйста, как нам?.. Выехать... О черт...

Их жесты достаточно выразительны, чтобы Хуан мог понять.

Хуан. Выезд?.. Выехать из Мадрида?

2-я девица. Oh, yes. Выезд Мадрида south... Э... Юг...

Хуан. На Юг, на Север или куда хотите, мои красотки. И как это можно быть такими аппетитными!

1-я девица. I beg your pardon...¹

Хуан. Понятно... На юг — я знаю, я покажу... Следовать moi... mi²... Я... Следовать за мной... О'кэй?

Девицы понимают и считают себя спасенными. От радости они хлопают в ладоши и переговариваются между собой и с Хуаном:

— Oh, great!.. We must just follow him... We are trying to drive till... Большое спасибо... Вы меня понимаете? Do you speak English?.. English... Speak English?³

Хуан. Ну, конечно... Я могу с тобой на всех языках... You and you, следом за мной. Черт, вот так удача!

Девицы, разумеется, не понимают, но смеются. Поток машин устремляется вперед; Хуан едет то рядом, то впереди красной машины. Иногда ему приходится ждать или давать задний ход, чтобы поравняться с ней.

Хуан. Да-да, смейтесь! Мне нравится, когда дурачатся... Попались, птички!

Девицы. Isn't he very funny?.. Look at him!⁵

Хуан. По-па-лись... Поехали, мисс, за мной... В первом же мотеле мы остановимся и побалуем любовью троим... Кисаньки вы мои...

Девицы смеются и переговариваются между собой. Воспользовавшись очередной пробкой, Хуан вырывается вперед. Девицы жестами зовут его обратно и подолгу сигнализируют. Но Хуан делает вид, будто не слышит.

Хуан. Зря стараетесь. Я глух как стена. Будем действовать старым, испытанным методом. Надо набить себе цену.

Движение на шоссе возобновилось, и девицы на красной машине, догнав Хуана, едут рядом с ним. Хуан смотрит на них с гордостью охотника, оценивающего свои трофеи.

Хуан. Ну до чего же хороши!.. Значит, на Юг, а? На пляж... Плавать... солнце... Малага... Марбелья, Торремолинос...

¹ Прошу прощения.

² За мной (франц. и исп.).

³ О, хорошо! Нам надо следовать за ним... Мы пытаемся добраться до... Вы меня понимаете? Вы говорите по-английски?

⁴ Вы и вы.

⁵ Ну какой же он забавный! Посмотри на него!

Слово «Торремолинос» послужило ключом к взаимопониманию. Девушки тотчас же подхватывают его.

— Торремолинос. That's it! We go Torremolinos! Oh, my! Are you going too?.. You... You...¹. Ты ехать Торремолинос?

Хуан. Я? В Торремолинос? А почему бы нет? Еду, конечно. Значит, повеселимся вместе... Девушки, вы разрешили все мои сомнения... Прогуляюсь по Торремолиносу под руку с обеими красотками... Вот так вот... Ай лав ю! И тебя тоже, крошка... Ай лав ю.

Девушки смеются. Поток машин начинает редеть, и красная машина набирает скорость. Она опережает мотоцикл Хуана, и девушки машут руками, как бы давая понять, чтобы он следовал за ними — если только сможет.

Хуан. Что за чертовщина! Значит, вы хотите посостязаться? Ну, ладно, я вас мигом догоню! И вы увидите, кто мы такие — я и мой «Могучий».

Начинается преследование по всем правилам. Вот уже мотоцикл и красная машина поравнялись и едут рядом, обгоняя другие машины. Однако вскоре становится очевидным, что долго такого темпа «Могучий» не выдержит. Когда они выезжают на автостраду, где большой простор позволяет увеличить скорость, красная машина вырывается вперед, все дальше и дальше, неудержимо отдалаясь от «Могучего».

Хуан смотрит на удаляющихся соблазнительных девиц, которые машут ему руками. Одна из них обернулась и, став на колени на сиденье, посылает Хуану воздушные поцелуи.

Хуан великодушно и с достоинством «отпускает» их, одаривая на прощание щедрой улыбкой.

— До свидания, красотки! Встретимся в Торремолиносе и повеселимся вволю!

Но когда машина с девушками исчезает из вида, улыбающаяся маска на лице Хуана превращается в презрительную и надменную гримасу.

— Зелены вы еще для меня... Сосунки, вот вы кто.

И почти тотчас же выражение презрения сменяется гневом.

Хуан. Нечего переживать!.. Не захотели побаловаться со мной, ну и не надо!

И, сопровождая свою тираду красноречивым жестом, Хуан бросает вдогонку:

— Ну и катитесь! Развратницы!

Именно в этот момент несущийся на бешеной скорости «Мо-

¹ Вот-вот! Мы едем в Торремолинос!.. О милый! Вы тоже едете туда? Вы... Ты...

гучий» со своим ездоком проезжает мимо большого плаката, на котором белыми буквами на голубом фоне обозначено количество километров, отделяющих их от Малаги, Марбельи, Торремолиноса и других южных пляжей. Буквы заполняют весь экран.

Плоская, бескрайняя равнина, тянущаяся вдоль горизонта. Земля охристо-желтого цвета. Белесое от зноя небо. Вдали крошечный темный силуэт Хуана на мотоцикле, медленно скользящий по ленте шоссе. Неумолкаемый треск цикад.

Хуан словно слился со своим «Могучим». Низко склонившись над ним и крепко сжимая руль, он старается найти удобное положение. Взгляд его неотрывно устремлен вперед, челюсти сжаты; по лицу струится пот, одежда покрыта пылью. Мотоцикл мчится на предельной скорости, оглушая Хуана своим грохотом.

Под быстро вращающимся передним колесом, в отблесках солнца то возникают, то исчезают желтые дорожные полосы.

Хуан напряженно смотрит вперед, слегка щурясь от удушливой жары и знойного марева. Он скашивает глаза, чтобы посмотреть на часы.

Флюоресцирующий циферблат часов на запястье левой руки и рука в перчатке, сцепившаяся в руль. Стрелки показывают пять часов.

Хуан. Пятьдесят километров отмахали... Давай, «Могучий», осталось немного! Каких-нибудь пятьсот километров. Пятьсот минус сто... минус двести... триста. Мы с тобой молодцы, а?

Мелькают перед глазами Хуана набегающие на него желтые полосы на асфальте, обочины шоссе, придорожные столбы с указателями километров и гектометров; все это пролетает и остается позади, растворяясь и дрожа в зыбком световом мареве.

Километр 61... 61,1... 61,2... 61,4... Хуан отрывает глаза от этого утомляющего калейдоскопа цифр и букв и снова сосредоточивает все внимание на середине автострады.

Он проезжает мимо нескольких солдат, которые, стоя у обочины дороги и прикрыв от палящего солнца головы носовыми платками с завязанными уголками, «голосуют», пытаясь остановить какую-нибудь машину. Но Хуан с веселым озорством проносится мимо.

— Крепитесь, новобранцы! В жизни — как на войне! Все для родины!

Дальше он проезжает мимо двух хиппи, тоже стоящих в ожидании бесплатного транспорта.

— Э нет... Я позволю ухватиться за себя сзади только какой-нибудь девице, ха, ха!..

И Хуан мчится дальше на своем грохочущем мотоцикле, глупо и весело посмеиваясь над собственной шуткой.

— И чего это, я, спрашивается, несусь как угорелый и считаю километры? Так того и гляди можно свихнуться... Но до цели осталось совсем пустяк, дружище!.. И что за нелегкая гонит меня рыскают по этой пустыне? Да, дичь какая-то, что ни говори... А все потому что я болван, неудачник... чокнутый. Ну чего мне, в самом деле тут надо?

Все тот же неизменный и застывший пейзаж по обе стороны дороги. И указатели, указатели, проносящиеся мимо.

Хуан. Километр 64-й... 64,1... 64,2... 64,4...

На прямой и пустынной автострате — медленно, с треском ползущий мотоцикл со своим ездоком.

Хуан остро ощущает окружающее его безлюдье. Никто его не слышит. Никто его не видит.

— Тут можно ноги протянуть, и ни одна душа не узнает... ха... ха... Так какого же черта ты смеешься?.. И зачем я тут?

Хуан еще ниже склоняется над мотоциклом, — не для того чтобы увеличить скорость, а словно желая прижаться к нему, укрыться и избавиться от чувства стыда за себя. Выражение лица его стало вдруг печальным, задумчивым. Слезы вот-вот брызнут из глаз, так ему жалко самого себя. Он глотает слюну, стараясь избавиться от комка в горле.

Тень Хуана на мотоцикле, скользящая по раскаленному, местами расплавленному асфальту. Хуан испытывает чувство глубокой досады, обиды и гнева.

— Давай, жми... Ну, а дальше что?

Вдали силуэт Хуана на мотоцикле — крохотная точка, движущаяся по автострате, среди плоской бескрайней равнины, под палящими лучами солнца.

Полицейский из дорожной автоинспекции делает несколько шагов по направлению к середине дороги и подает знак, чтобы Хуан остановился.

Приближающийся издали и низко склонившийся над мотоциклом Хуан слегка выпрямляется, явно встревоженный, и начинает

сбавлять скорость, готовясь затормозить; по мере того как стихает тарыхтение «Могучего», вновь слышится сухой треск цикады.

Полицейский джип стоит у обочины дороги; неподалеку от него — старенький «Seat-1400» с толедским номерным знаком, белый от пыли, с поднятым капотом. Мужчина в рубашке с засученными рукавами возится с дымящимся мотором. Рядом с ним — второй полицейский из дорожной автоинспекции. Не ясно, помогает ли он ему или стоит на страже.

Хуан останавливается, немного обеспокоенный, перед первым полицейским.

Полицейский. Добрый день. Вы будете проезжать мимо Оканьи?

Хуан. Да, пожалуй, буду...

Полицейский. Можете вы оказать услугу этому человеку? У него что-то случилось с машиной.

Хуан, не сходя с мотоцикла, послушно следует за первым полицейским и подъезжает поближе к неисправной машине. Склонившись над мотором, мужчина, обливаясь потом, пытается привести его в порядок; у него вид деревенского жителя, он зол, раздражен и вот-вот взорвется.

Полицейский (мужчине). Этот мотоциклист может передать от вас что нужно.

Второй полицейский пристально смотрит на Хуана и спрашивает его довольно властно и пренебрежительно:

— А вы куда направляетесь?

Хуан собрался было вынуть из кармана свои документы, но полицейский жестом останавливает его.

Хуан. Я?... В Торремолинос...

Мужчина. В Торремолинос? Хотел бы я сейчас быть там. Никогда там не был, а слышал всякое... Чтоб его черт побрал, этот мотор!

Хуан смотрит на мотор издали, не проявляя ни малейшего желания включиться в работу.

— Что?... Перегрев?

Мужчина. Нет, пробой изоляции катушки зажигания. В общем-то ерунда, но я извелся со всем этим за день. И придется еще немало повозиться. А моя мать и невестка ждут меня там на дороге, с двух часов, если не раньше... И дело не только в жаре. Поскольку я обещал заехать за ними в обеденное время, они, наверное, думают, что со мной что-нибудь случилось, или еще там чего...

1-й полицейский. Надо их просто предупредить, что с ним ничего не случилось.

2-й полицейский. Ничего серьезного.

Хуан. Як вашим услугам. Ну, в общем, сделаю что надо. А они далеко?

Мужчина отошел от машины и приблизился к Хуану, словно ища возможности сказать ему что-то так, чтобы наблюдавшие за ними полицейские не слышали.

— Сразу же за Оканьей. На 81-м километре. Мы договорились, что там они будут меня ждать. Они могли, конечно, укрыться в тени где-нибудь поблизости. Но они наверняка там.

Хуан. А вдруг я их не найду... Может, они уже ушли?

Мужчина. Куда это они уйдут?

Хуан. Может, пошли освежиться или заглянули в бар...

Мужчина смотрит на него с удивлением. Полицейские медленно направляются к джипу. Один из них садится в машину и начинает говорить по телефону.

Мужчина. Они должны быть там, где я вам сказал. Моя мать старая женщина, низкого роста. Представляет? А моя невестка... Да это же проще простого... Вы им скажете, что у меня все в порядке и что самое большое через час я за ними приеду... Чтоб они никуда не уходили... Погодите...

Мужчина вынимает из кармана бумажник и роется в нем. Он не замечает протестующего жеста Хуана, который по-своему истолковал его намерение.

Мужчина. Она была где-то тут у меня...

Он вынимает наконец фотографию и протягивает ее начинающему терять терпение Хуану.

— Вот, захватите с собой это фото. Смотрите, это моя мать, а вот эта — моя невестка... Нате.

Хуан со скептическим видом смотрит на фотографию и кладет ее в карман.

— Ладно, посмотрим, удастся ли мне...

Мужчина. Вы даже не знаете, как я вам благодарен. Бывают же в жизни черные дни, верно?

Хуан понимающе смотрит на него, думая: «И кому вы это говорите?» Простившись с мужчиной, он отъезжает. Проезжая по обочине мимо джипа с полицейскими, приветствует их кивком. Затем ждет, чтобы проехала приближающаяся машина, и, пропустив ее, выезжает на шоссе. Вскоре мотоцикл, неистово тарахтя, исчезает в облаке дыма.

Мужчина, что-то вспомнив, выбегает на дорогу и кричит ему вслед:

— Исабель! Ее зовут Исабель!

Но Хуан, конечно, не слышит его.

Исабель озабоченно смотрит на проезжающие мимо нее машины. Это женщина средних лет, черноволосая, красивая, сдержанная. Одета она очень скромно.

Машины на бешеной скорости проносятся мимо, спеша на ю. Иногда ослепляя ее — в знак приветствия — ярким светом фар.

Исабель стоит у обочины дороги, с возрастающей тревогой вглядываясь в каждую машину. Неподалеку от нее, в тени дерева, неподвижно сидит одетая в черное старая женщина. Ее застывшее, землистого цвета лицо обрамляет черный платок. В минуты тишины, возникающие в промежутке между появлением машин, отчетливо слышен треск цикад.

Издали приближается мотоциклист, оставляя за собой хвост черного дыма. Он едет на небольшой скорости, внимательно кого-то высматривая. Замедлив ход, он свернул на обочину дороги.

Исабель бежит ему навстречу, охваченная волнением и готова ко всему.

Хуан наконец останавливается, сходит с мотоцикла и смотрит на торопливо приближающуюся женщину. Да, это, должно быть, она — та, которую он ищет. Хуан снимает каску. Солнце и пыль оставили свой темный след на его лице, что придает ему несколько комичный вид.

Лицо Исабель излучает спокойную красоту и душевную энергию. Несмотря на годы, оно сохранило свежесть и привлекательность. Все же выглядит она много старше, чем на фотографии. В глазах ее затаенная тревога, словно готовый вырваться крик. Она прерывисто дышит — скорее от волнения, чем от бега.

Сидящая в тени старая женщина видит, как они разговаривают, как подъехавший мотоциклист ставит свою машину у обочины дороги, как под палящими лучами солнца идет следом за Исабель по направлению к ней.

Хуан жадно пьет воду из бутылки, с горлышка которой свисает резиновая пробка, прикрепленная проволокой. Оторвавшись от бутылки, он смотрит на жалкий остаток воды и не решается снова поднести ее ко рту, боясь, что выпьет все до дна. Хуан возвращает бутылку старой женщине, продолжающей сидеть в тени, и улыбкой его выражает искреннюю благодарность.

Исабель тоже садится на землю, лицом к дороге; один Хуан продолжает стоять. Напротив них, на той стороне шоссе, видны высокие кирпичные стены тюрьмы, ряды зарешеченных окон, сторожевые будки. Царит тишина, не видно ни души.

Исабель говорит тихим, спокойным голосом:

— Скоро три года, как мой муж там... А до этого он два с половиной года находился в тюрьме Карабанчель — до процесса... И еще два года ему осталось отсидеть... И это после амнистии... В дни свиданий, как сегодня, мы стараемся прийти пораньше, чтобы быть в числе первых в очереди в приемную...

Старая женщина. Полагается полчаса на свидание, а на деле, пока пройдешь, пока что — и остается каких-нибудь двадцать минут... А вот сегодня, сами видите, ради этих двадцати минут мы промучались тут целый день...

Исабель. Обычно мы добираемся сюда на маршрутном автобусе, а потом за нами приезжает после работы брат мужа. Но сегодня...

Старая женщина. Мой сын Антонио, тот, что в тюрьме, вот он хорошо разбирается в механике. А тот, что остановил вас на дороге... сами видите, как мы тут из-за него...

Хуан. Знаете, не так все это просто... Я вот уже десять лет занимаюсь этим делом, а иногда и со мной такое случается. Бывает, что-то застопорится — и ни с места, хоть тресни. Но теперь вы предупреждены, и можно не волноваться.

Хуану явно хочется подбодрить старую женщину, которая только вздыхает и качает головой.

Старая женщина. Плохи дела, сынок, очень плохи... Я думала все изменится к лучшему, а для нас все осталось по-прежнему.

Хуану не хочется смотреть на эту старую женщину, на них обоих. Ему хотелось бы уйти, исчезнуть.

Исабель. А сколько за это время воды утекло... Его отправили в тюрьму в семьдесят первом... Когда были забастовки металлистов...

Хуан. Какие забастовки?

Исабель. Ну как же... Неужели не помните? Крупная забастовка, которую провели осенью, когда возник конфликт с работодателями. Вы тоже, надо думать, не оставались в стороне, верно? Мой муж был активистом рабочих комиссий, и вот, видите...

Хуан делает вид, будто вспомнил; ему действительно хотелось бы, чтобы было что вспомнить, но в его словах и тоне сквозит ложь.

— Ну да, как же!.. Помню, помню...

Запнувшись, он умолкает. Эти женщины смотрят на него спокойно, невозмутимо, ничего не прося. И все же молчание становится тягостным.

Хуан. Ну ладно, значит, вы теперь знаете, что нечего волноваться. Скоро он придет... А я... Мне надо ехать... Я опаздываю...

Исабель. Наверно, там чудесно, правда?.. Торремолинос... Когда мы с Антонио поженились, мы побывали в Бенидорме... А море...

Хуан. Да, там чудесно... Я часто туда езжу... Я имею в виду Торремолинос... Как только удастся удрать, я раз — и туда.

Старая женщина. А сейчас у вас отпуск?

Хуан. Нет, я только на субботу и воскресенье... В такую жару кто же остается в Мадриде? Даже ящерицы и те уползают... А там меня ждет целая компания...

Исабель. И ваша невеста?..

Хуан. Ну вот еще! Просто подружки... Слишком непокладно, чтобы заводить невесту...

Хуан собрался было солгать, но старая женщина не дала досказать.

Старая женщина. Ну и правильно, сынок, правильно а то женишься, а тебя еще отправят в тюрьму... Смотри сам, болит ли душа, когда видишь такое... как в расцвете лет и...

Исабель отвернулась, так что ни Хуан, ни старая женщина не видят ее лица. Снова наступает молчание: слышен только отдаленный шум проезжающих машин и близкий треск цикад.

Хуан. Ну ладно, будем и дальше тянуть лямку... Прощайте. Прощайте, сеньора...

Он не протягивает ей руки и не знает, хорошо это или нет. А Исабель протягивает ему руку. Они прощаются.

Исабель. Большое спасибо, что предупредили нас... Жаль, что из-за этого вам пришлось задержаться...

Хуан. Да что вы...

Исабель. Ну вот... Посмотрим. Я хочу сказать... может, совместными усилиями и вызволим его оттуда...

Хуан смотрит на Исабель, потом, опустив голову, выходит из тени и по солнцу идет к своему мотоциклу. Он еще не осознал какой следует смысла последних слов, сказанных ею. Пожав плечами, он старается отделаться от этих мыслей. Исабель что-то кричит ему вслед, и он поворачивает голову в ее сторону.

Исабель. Будьте осторожны!

Хуан садится на мотоцикл и трогается с места. Медленно едет вдоль обочины дороги, потом вдруг снова останавливается. Что-то вспомнив, вынимает из кармана фотографию. Когда он поднимает руку со снимком, обе женщины там, вдали, воспринимают этот жест как прощание. Исабель машет рукой в ответ.

Хуан решает, что они находятся слишком далеко и не стоит возвращаться назад, чтобы вернуть фотографию.

Он смотрит на эту старую семейную фотографию с истертыми краями, запечатлевшую молодую Исабель, старую мать и двух ее сыновей, один из которых, стоящий рядом с Исабель, и есть, видимо, этот самый Антонио, ее муж.

Хуан кладет фотографию обратно в карман и делает покорный жест, означающий «ничего мол не поделаешь», потом снова включает мотор и с треском срывается с места, бормоча себе под нос: — Сувенир... Сувенир из Оканьи... Кому сказать!..

Хуан выезжает на автостраду. Обе женщины снова машут ему руками на прощание. Хуан искоса поглядывает в сторону тюрьмы. Все быстрее отдаляются высокие, мрачные стены из красного кирпича, зарешеченные окна, сторожевые будки, освещенные лучами солнца.

Снова автострада. Автострада внизу, солнце наверху. И на автостраде — Хуан на своем «Могучем».

Однообразие пейзажа. Все словно окутано дремотой. Хуан моргает и смотрит на часы.

— Да никакой жары уже нет! Половина седьмого; осталось всего ничего.

Желтые полосы на дороге; по обеим сторонам все тот же неизменный пейзаж.

Хуан. Всего восемьдесят пять километров отмахал... Что за черт!..

По обе стороны дороги — охристые поля, желтое жнивье, одинокое дерево; вдали высокие и могучие репейники.

Вдруг Хуана словно иглой пронзило, и он вспомнил.

— Я ж ничего не ел!.. А все из-за Пепи. Будь она проклята! Из-за нее я забыл обо всем на свете... Шлюха! Ничего себе разница между ней и Исабель... Если когда-нибудь мне взбредет в голову жениться, я женюсь только на такой, как Исабель... Хотя и она, наверное, не сахар... «Посмотрим, может, совместными усилиями мы его вызволим оттуда...». Что, по ее понятиям, я должен делать? Да ладно! Я всегда говорил: каждый делает свое дело... Ну а каково ей теперь?.. Видно, любит она его, мужа своего... Этого Антонио... И сколько же она постится без него, ух, ух, ух... Да, женщина, что надо... Не то, что Пепи — у той один ветер в голове. Бесстыжая дрянь... (Мотоциклу.) Нет, ни на ком не женюсь, дружище, я буду с тобой. И вот увидишь, когда мы приедем в Торремолинос... Ты же меня знаешь... Я там покажу себя!

Хуан то и дело обгоняет машины, едущие на небольшой скорости. Это, как правило, малолитражки, забитые детьми и вещами. Он кричит им с торжеством и вызовом:

— Дорогу несравненному мотоциклисту! Жалкие черепахи! Воскресная мошкара!

Но все больше и больше машин скапливается впереди него, и двигаются они все медленнее и медленнее. Черепашим шагом. В какой-то момент они останавливаются — и ни с места. Полный затор. Презрительно усмехаясь, Хуан на большой скорости обгоняет туристские автобусы, «Ягуары», «BMW», крупногабаритные легковые машины-«акулы». Он ликует — всех перехитрил.

Хуан. Вот вам! Вот вам!.. Чтобы знали!

На повороте ему становится ясной причина затора. Полицейский из дорожной автоинспекции, с мотоциклом, регулирует движение. Машины, едущие в оба направления, могут проехать только по узкой грунтовой дороге. Произошел несчастный случай. Из кювета торчат колесами вверх изуродованная малолитражка; вторая разбитая

машина перегородила дорогу на противоположной стороне. Битое стекло — очень много осколков.

Вытекшее масло, кровь на асфальте, проступающая сквозь насыпанный песок. Вокруг валяются туфли, открытые чемоданы, скороварки, детская коляска.

Хуан сидит на своем мотоцикле — первый в ряду, — поставив ноги наземь, и смотрит на все происходящее.

На другой стороне дороги, в тени стоящей торчком машины на земле сидит мужчина средних лет с застывшим, полным недоумения взглядом и пытается с помощью тряпок остановить кровь, которая хлещет из раны на его лысой голове. Немного поодаль, хромая и стона, бредет, чуть не падая, женщина, которую поддерживает другая.

Полицейский инспектор властными движениями рук и пронзительными свистками подгоняет машины, едущие в обратном направлении.

Хуан видит впереди, совсем близко, два безжизненных тела, распростертых на земле и накрытых газетами, и еще одно тело, прикрытое темным брезентом. Видны раскинутые женские ноги, кожа на них очень белая — еще не успела загореть — и рука мужчины, полуприкрытая газетой.

Полицейский инспектор, продолжая неистово свистеть и размахивать руками, кричит Хуану, указывая вперед:
— Езжайте! Езжайте!

Хуан трогается с места, то и дело оглядываясь назад.

Мужская рука, полуприкрытая газетой, все отдаляется и отдаляется и в конце концов совсем исчезает из виду.

И Хуан снова мчится по бесконечной прямой автостраде под палящими лучами солнца.

У него хмурое, сосредоточенное выражение лица; не отрывая глаз, он пристально смотрит вперед, не реагируя на обгоняющие его с ревом «Ягуары», «BMW», «акулы» и автобусы.

Хуан. Ну вот, не видать им больше ни моря, ни света божьего, ни черта... Ладно, хватит! Думай о чем-нибудь другом... Думай о женщинах, дурачок! Нас ждут, дружище! Едем! Едем!

И, прибавив скорость, Хуан преодолевает крутой подъем на дороге. Раскаленный воздух наполняется мощным жужжанием мотора: когда же «Могучий» исчезает из виду, снова слышен треск цикад.

Растянувшись на земле среди виноградных лоз, Хуан жадно уплетает гроздь винограда, то и дело отмахиваясь от целого роя опьяневших мух и пчел, кружащих в горячем воздухе.

Оторвав глаза от виноградной кисти, Хуан вдруг застывает от удивления и с раскрытым ртом смотрит в одну точку.

Он видит белую моторную лодку, которая медленно, величественно плывет... над виноградником — пересекая его из одного конца в другой. Две молодые и весьма соблазнительные девицы в бикини, загорают, лежа на корме лодки.

Хуан лежит не шелохнувшись, и мухи преспокойно ползают по его лицу. Широко раскрытые глаза его полны изумления.

Мираж развевается, когда из-за виноградника на повороте пыльной и узкой дороги появляется мощный лимузин, везущий на буксире моторную лодку.

Поравнявшись с местом, где лежит Хуан, машина, резко затормозив, останавливается, и от сильного толчка девицы, дремлющие на корме лодки, просыпаются. За рулем сидит молодой человек в дорогих солнцезащитных очках, в расстегнутой шелковой рубашке с засученными рукавами; на груди его — большая бляха, свисающая с тяжелой цепи. В зубах — мундштук.

Молодой человек. Послушай, парень...

У Хуана срабатывает условный рефлекс.

— Слушаю...

Молодой человек. Виноград вкусный?

Хуан. Да, сеньор. Очень вкусный.

Молодой человек. Угости девочек.

Хуан послушно срезает несколько гроздьев перочинным ножом; внезапно из глубины его подсознания, где остался отпечаток векового рабства, поднимается протест; он резко оборачивается, собираясь выпалить свое возмущение, но...

Девушки мило улыбаются ему, и они так хороши...

Хуан протягивает им виноградные кисти и помогает сойти на землю.

1-я девица. Ох, спасибо!

2-я девица. А его можно есть?

1-я девица. Это твой виноградник?

Хуан. Э... В общем... Как сказать... Красивая лодка, а? Куда это вы с ней направляетесь?

1-я девица. В Торремолинос... В Пуэрто-Банус.

Хуан. Надо же!.. И я туда... Может, мы там увидимся...

2-я девица. А это проще простого! Мы всегда бываем с Чупи и его компанией...

1-я девица. Ты знаешь, кто это?

Хуан. Ну еще бы!.. Как не знать!

Девицы щебечут и, посмеиваясь, направляются к машине, садятся в нее. Молодой человек, высунув голову из окошка своего лимузина, смотрит на Хуана, курит и улыбается.

— Ты в каком отеле там будешь?

Думая, что ответить, Хуан начинает догадываться, что смех этих девиц, их безудержная веселость, улыбочка молодого человека

и странный взгляд его, скрытый за темными стеклами дорожных очков, — все это предвещает что-то недоброе. Но он спохватывается слишком поздно.

Молодой человек. ...Я имею в виду — в качестве слуги.

Под хохот девиц машина с моторной лодкой трогается с места. Хуан стоит, оторопев от неожиданного удара, потом решительно направляется к машине.

Молодой человек. Можешь вдоволь наесться винограда тебе разрешаю, но сделай милость, не бросай окурки на землю. А то виноградник становится похожим бог знает на что, и мне потом влетает от отца. Прощай, воришка!

Лимузин с диким скрежетом срывается с места и удаляется, поднимая густое облако пыли. Доносится смех девиц.

Пыль уже успела осесть, а Хуан все еще продолжает кричать.

— Сопляк! Сучье отродье! Остановись, если ты мужчина! Паразит! Маркиз... Подонки!

Хуан в бешенстве изо всей силы швыряет им вслед недоеденную кисть винограда, которую держал в руке. Бежать за ними — бесполезно. И вот он стоит под палящим солнцем, тяжело дыша, измазанный виноградным соком — вокруг него вьются мухи, — с комком в горле от мучительного чувства обиды и унижения, насчитывающего века.

Преодолев на бешеной скорости крутой подъем на дороге, появляется «Могучий» со своим ездоком.

Он проносится, изрыгая черный дым и так неистово тархтя, что кажется — вот-вот лопнут барабанные перепонки. Наклонившись вперед, Хуан сжимает ручки руля; его все еще жжет недавно испытанное унижение, жжет не меньше, а может, и больше, чем палящее солнце.

Хуан. Уже половина восьмого... Конечно, этого ублюдка нам с тобой не догнать, но клянусь тебе — я не знаю, что отдал бы, чтобы встретиться с ним один на один и врезать как следует за все... Я показал бы этому паразиту где раки зимуют... А каких девок он таскает за собой! Они как фальшивые бриллианты... Да, Хуанито, такие шлюшки не по твоему карману... И не строй себе иллюзий — не догонишь ты его.

И вдруг, вобрав в себя горячий воздух, Хуан кричит с ненавистью и отчаянием:

— Подонки!!!

Он зубами стягивает с руки перчатку. Пробует рукой бензобак своего «Могучего» и быстро отдергивает ее, обжегшись.

— Черт! Прости — ты же перегрелся!.. Ладно, дружище, сейчас мы тебя напоим... Ты это заслужил, верно?.. Прости, меня, прости...

По обе стороны автострасы почти все поля убраны. Лишь на некоторых участках остались хилые злаки — плод каменистой, истощенной земли.

Метрах в ста от дороги работает группа жнецов.

Хуан снижает скорость и, свернув с автострасы на узкую пыльную тропинку, подъезжает к жнецам.

Их человек двенадцать — мужчины, женщины, дети. Жнецы вязальщики снопов. Они в соломенных шляпах, в платках, завязанных так, что закрыто все лицо по самые глаза, в брюках, перехваченных под коленями. Неподалеку — несколько велосипедов, прислоненных к снопам.

Хуан «поит» своего «Могучего», затем пьет сам из глиняного кувшина.

Напившись, он с благодарной улыбкой возвращает кувшин одной из девушек, стоящей рядом и молча, с доброжелательным любопытством наблюдающей за ним.

Хуан. В горле пересохло от жажды. (Указывая на мотоцикл.) И у него тоже. Спасибо, девушка... хотя кто ты и какая есть — не видно, приходится, скорее, догадываться...

Глаза девушки оживились, и она застенчиво потупила взор.

Хуан. Надо же... одни закуриваются по самые брови, чтобы уберечься от солнца, а другие, наоборот, ходят чуть ли не в чем мама родила, чтобы солнце их как следует припекло... Ну и ну, ничего себе разница!..

Кое-кто из жнецов расправляет спину и прекращает работу, чтобы взглянуть на приезжего мотоциклиста. Молодой парень с бритой головой направляется к Хуану.

Хуан смущенно и добродушно приветствует жнецов, стараясь понравиться им и показать, что понимает, как им нелегко. В ответ старый крестьянин, в знак приветствия, поднимает руку с серпом.

Девушка. Если бы тем девицам пришлось по двенадцать часов без отдыха гнуть спину, как нам тут, они бы тогда поискали тени, поискали.

Хуан. По двенадцать часов, говоришь? Да ну, брось! Кто это может выдержать?.. Наверное, вы так закутываетесь просто потому, что здесь любят белолетых, а?

Девушка. Наверное.

Хуан. Я пошутил, конечно... Я же знаю...

Парень. Добрый день!.. Что случилось? Какая-нибудь авария?

Хуан. Да нет, просто остановился, чтобы попить воды.

Парень указывает на мадридский номерной знак на мотоцикле.

— Из Мадрида, значит?

Хуан. Да, из Мадрида. Но я вот тут как раз говорил ей, что хорошо знаю, что такое деревня. Я много лет живу в Мадриде, но сам-то я родился в деревне, в провинции Хазн.

Девушка. Так вы, наверное, уже забыли про это? Парень. А я мог бы сейчас прохладиться в Мадриде, вместо этого тут вот торчу.

Хуан (девушке). Что он такое говорит, этот ветрогон?

Девушка. А то, что столица портит людей, они приезжают оттуда другими, а в деревне все, как было, так и остается.

Тем временем к ним подходит старый крестьянин, он тоже хочет сделать несколько глотков, немного поболтать и выкурить сигарету, в то время как остальные продолжают работать. Вблизи крестьянин оказывается человеком с морщинистой, темной кожей лица, на котором оставили свой отпечаток тяжелый труд и палящее солнце. Когда он снимает с головы платок, которым был обвязан, чтобы вытереть пот, видна белая полоска кожи на лбу, шее и вокруг лица.

Старый крестьянин. Привет...

Хуан. Привет, дедушка. Что, покурим?

И протягивает ему пачку сигарет. Старый крестьянин, а за ним и парень берут по сигарете. Хуан предлагает также девушке, но та отказывается. Трое мужчин закуривают и, куря, продолжают беседу.

Парень. Это же тяжеленный труд, понимаете. А после того как поживешь там... Приезжаешь сюда на несколько дней, получив увольнительную, и вот, видите, чем тебя заставляют заниматься.

Старый крестьянин. Все знают, что такое жатва. Срок ее — пятнадцать дней. Сейчас можно хоть что-то заработать, немного, конечно; а то потом снова сиди сложа руки, без работы. Многие поужезали отсюда, ну вот и приходится справляться своими силами.

Парень. В будущем году вы меня никакой приманкой сюда не заманиваете... И силком не заставляете...

Девушка. Но раз ты не уезжаешь в Германию...

Парень. А как туда поедешь, когда, наоборот, оттуда все возвращаются; нас там и на порог не хотят пускать.

Девушка. Вот я и говорю...

Парень. А как в Мадриде? Где ты работаешь?

Хуан. У меня своя авторемонтная мастерская.

Парень. Я так и подумал, когда посмотрел на твою отделанную машину (указывает на мотоцикл). За сколько примерно времени можно добраться из Мадрида сюда на таком вот мотоцикле?

Хуан. А это, милый мой, зависит не только от мотоцикла, но и от водителя.

Старый крестьянин. Ну ладно, пошли заканчивать работу... Пойдем, пойдем. (Хуану.) С богом...

Старый крестьянин возвращается к остальной группе жнецов, за ним следует девушка, которая на ходу оборачивается и улыбается Хуану. Парень медлит, стоя в нерешительности перед Хуаном, потом все же идет следом за ними с недовольным видом.

Хуан. Прощай... Может, все еще наладится...

Старый крестьянин и остальные жнецы смотрят на Хуана: никто из них не знает, что ему ответить, и каким образом все может наладиться, и кто это будет налаживать. Хуан, сев верхом на своего «Могучего», запускает мотор и удаляется, — на сей раз без особого грохота, — махая рукой на прощание.

— Спасибо за воду!

Он выезжает на автостраду и сразу же наталкивается на другую группу жнецов, едущих на велосипедах по обочине дороги.

Хуан смотрит на них. Кажется, что это те же люди, с которыми он только что расстался, но это другие. Они едут гуськом, возвращаясь домой после трудового дня, устало, с трудом вращая педалями.

Хуан улыбается, глядя на большие, толстые женские зады, покачивающиеся на сиденьях велосипедов.

Продолжая улыбаться, он прибавляет скорость и, обогнав едущих на велосипедах крестьян, уносится вдаль, неистово тарахтя и изрыгая дым.

Одинокая девичья фигура на автостраде. Девушка очень мила. Пожалуй, немного странновата, если судить по ее гриму и, особенно, по ее одежде. Она стоит у самой обочины дороги, на том месте, откуда боковая дорожка, петляя по убранному полю, ведет вниз, в долину, и далее, к обсаженному тополями берегу реки.

Девушка улыбается. Наверное, потому, что в туманной дали дороги что-то увидела.

Хуан на своем «Могучем» быстро приближается к этой далекой женской фигурке, словно колышущейся в раскаленном воздухе и размахивающей не то платком, не то небольшим флагом.

Но, как оказалось, размахивала она своей блузкой. В такт движениям ее руки легко, мягко подпрыгивают ее красивые, освещенные солнцем грудки, как бы бросающие вызов своей наготой. Они, словно два притягивающих к себе ока, неотрывно устремлены на мотоциклиста.

Полные изумления глаза Хуана точно отражают переданную мозгом информацию. Ему ничего не остается, как резко затормозить и приложить все усилия, чтобы его «Могучий», проехавший дальше того места, где стояла девушка, сохранил равновесие.

Хуан оглядывается назад и с тем же изумлением смотрит на бегущую по направлению к нему девушку в длинной юбке. Девушка продолжает улыбаться, а ее маленькие грудки — легко подпрыгивать в лучах солнца. Она приближается к Хуану и на ходу надевает и застегивает блузку, скрывая от взора Хуана свои сокровища.

А Хуан продолжает улыбаться.

В стороне от дороги, за пределами поля с остатками сжатых колосьев, на довольно чахлом лугу у берега речки, разбили свой лагерь человек пятнадцать юношей и девушек. Тут можно увидеть старый, потрепанный грузовичок, кузов которого накрыт выкрашенным в разные цвета брезентом, легковую машину «Ситроен» с открытым верхом и видавший виды мотоцикл с коляской. На боковой части машины яркими крупными буквами написано: «Маски» — и немного ниже: «Театральная труппа».

Капот грузовичка поднят, и Хуан (как же иначе?) возится с мотором; за этой работой наблюдает стоящая рядом девушка — та самая, что заманила его.

Под сенью тополей, растущих вдоль берега, четверо молодых людей играют — кто на гитаре, кто на трубе, кто на ударных инструментах, среди которых множество барабанов, тамтамов и тарелок — больших и малых, — ослепительно сверкающих на солнце. Инструментов такое количество, что они, наверное, едва помещаются в грузовичке.

Неподалеку от музыкантов две девушки и юноша изображают нечто вроде танца в такт ритмичному постукиванию о номерной знак мотоцикла — этим музыкальным сопровождением занимается другой молодой человек.

Несколько членов труппы, выделявая какие-то странные телодвижения и кружась на редкой, выжженной траве среди кустарников и тополей, что-то декламируют. Одеты они по-разному: в джинсах, шортах, купальных трусиках.

Со стороны автострады доносится приглушенный шум машин, вплетаясь в музыку, в дробь тамтама и в голоса декламирующих.

Спускаются сумерки. Высоко в небе пронзительно кричат, преследуя друг друга, стрижи, и совершают свой первый вечерний вылет летучие мыши.

Склонившись над мотором, Хуан с удивлением и любопытством поглядывает вокруг. Он не понимает, что тут происходит, но все происходящее его забавляет. Нравится и доносящаяся до него не очень благозвучная музыка, и эта стоящая рядом с ним улыбающаяся девушка — теперь он знает, что ее зовут Аурорита, — и весь этот бедлам.

Аурорита. Ну как?

Хуан. Что — как?

Аурорита. Сможешь что-нибудь сделать?

Хуан. Уже сделано, куколка... Первым делом — диагностика... Потом — надо уметь руки приложить. Конечно, иной раз не обходится без загвоздки... Вот как с этой треклятой гайкой... Но сейчас все в порядке, крошка...

Аурорита. Какой же ты мастак...

Хуан. Свое дело я, конечно, знаю... А вот есть вещи, в которых я ни черта не смыслю... К примеру: хитро ты меня заманила, веришь кошечка? А я, как новобранец, клюнул... Да... Ловко ты пользуешься своими «автостопами», милая моя!

Аурорита. А иначе ты бы не остановился... А если бы не остановился — не починил бы машину... А не починил бы машину — не было бы спектакля... А не будет спектакля — не будет денег, так что, сам понимаешь...

Хуан. И вы на это живете?... Я хочу сказать — на то, что дает представление в деревнях?..

Аурорита. В деревнях, в городах, на фестивалях, на заводах, в университете... У нас очень хорошая труппа...

Хуан. Да?

Аурорита. Да-да... И мы все делаем сами: и текст сами пишем, и музыку, и декорации... Поставим спектакль — и живем себе... Хуан. ...Впроголодь.

Аурорита. Живем, как нам нравится... Тебе это непонятно? То, что мы делаем, соответствует тому, что мы думаем...

Хуан. Чокнутые вы все, детонька! — вот что я тебе скажу... А ты, с такой фигуркой и с такими вот «автостопами» — знаешь, сколько могла бы зарабатывать?... Да-да, могла бы в кино сниматься, все свои прелести показывать или в журнале работать... Загребала бы...

Аурорита. А ты заключил бы со мной контракт?

Хуан. Я?... С тобой?... Стать твоим импресарио, Аурорита, крошечка?... Единственным представителем или как там говорят... Ай, обалдеть можно!

Кокетничанье Аурориты распалило Хуана. С инструментом в руках, полушутя-полусерьезно, он пытается ее обнять. Аурорита вырывается и убегает. Хуан устремляется за ней и сталкивается с Кинито — высоким, здоровенным парнем, который приближается к грузовичку. Аурорита прячется за его спиной. Кинито останавливает Хуана и спокойно, с юмором говорит:

— Спокойно, смирно... А ты, детка, оставь в покое рабочую силу.

Хуан. Ну вот! Ко всему еще и насмешки! Хороша компания!

Аурорита. Послушай, это просто гений... Он починил машину!

Кинито. Да ну?... В самом деле?

Хуан возвращается к машине и, показав на инструмент, который держит в руке, кладет его на место, после чего с самодовольным видом обращается к Кинито:

— Да-да... Можешь проверить.

Кинито садится за руль и запускает мотор. Мотор действительно начинает работать. Шум привлекает внимание всей компании.

Кинито. Чудо, старик... Ты гений, Хуанито. И звук у него нормальный...

Хуан. От такого звука реветь хочется... Выключи, а то опять забарахлит... Ваша машина, милые мои, — просто рухлядь и на первом же ухабе рассыпется.

Кинито. Сколько протянет, столько протянет... Скажи-ка, а что с ней стряслось?

Хуан. Лет ей много, пора на свалку...

Аурорита. Если бы ты остался с нами — все было бы в порядке...

Хуан. Кто?... Я?... Ни за что на свете!.. Я сматываю удочки... Улепетываю... Меня ждут мои девочки...

Разговаривая, Хуан вытирает замасленные руки. Вечно это треклятое масло! Затем опускает капот и начинает прощаться:

— Так что... Счастливо оставаться и до новой встречи! Прощайте, бродяги!

И направляется к своему мотоциклу, стоящему в тени дуба. Аурорита и Кинито догоняют его и жестами зовут на подмогу своих товарищей.

Аурорита (Хуану). Неужели ты нас бросишь?

Хуан. Да вот... Я и так чертовски опаздываю...

Кинито. А что, скажи, ты потерял в Торремолиносе?

Хуан. Меня там ждут мои шведки, старик...

Аурорита. Ну а если я тебя очень попрошу остаться?

Хуан. А что я получу взамен?

Аурорита. Мы это с тобой обсудим — потом, после спектакля.

Хуан. Э нет! Я уже раз попался... Хватит... Больше не клону...

Актеры начинают уговаривать Хуана, подтрунивая над ним:

— Ты куда спешишь, трудяга?

Отчего такая тяга?

Ты зачем печалишь детку?

— Я иду искать ту шведку,

Что в Марбеле потерял,

Потому что здесь застрял...

— Пойдем, Хуан. Пойдем со мной,

Видишь, ночь распростерлась на небе,

Как больной в забытии — на ложе своем...

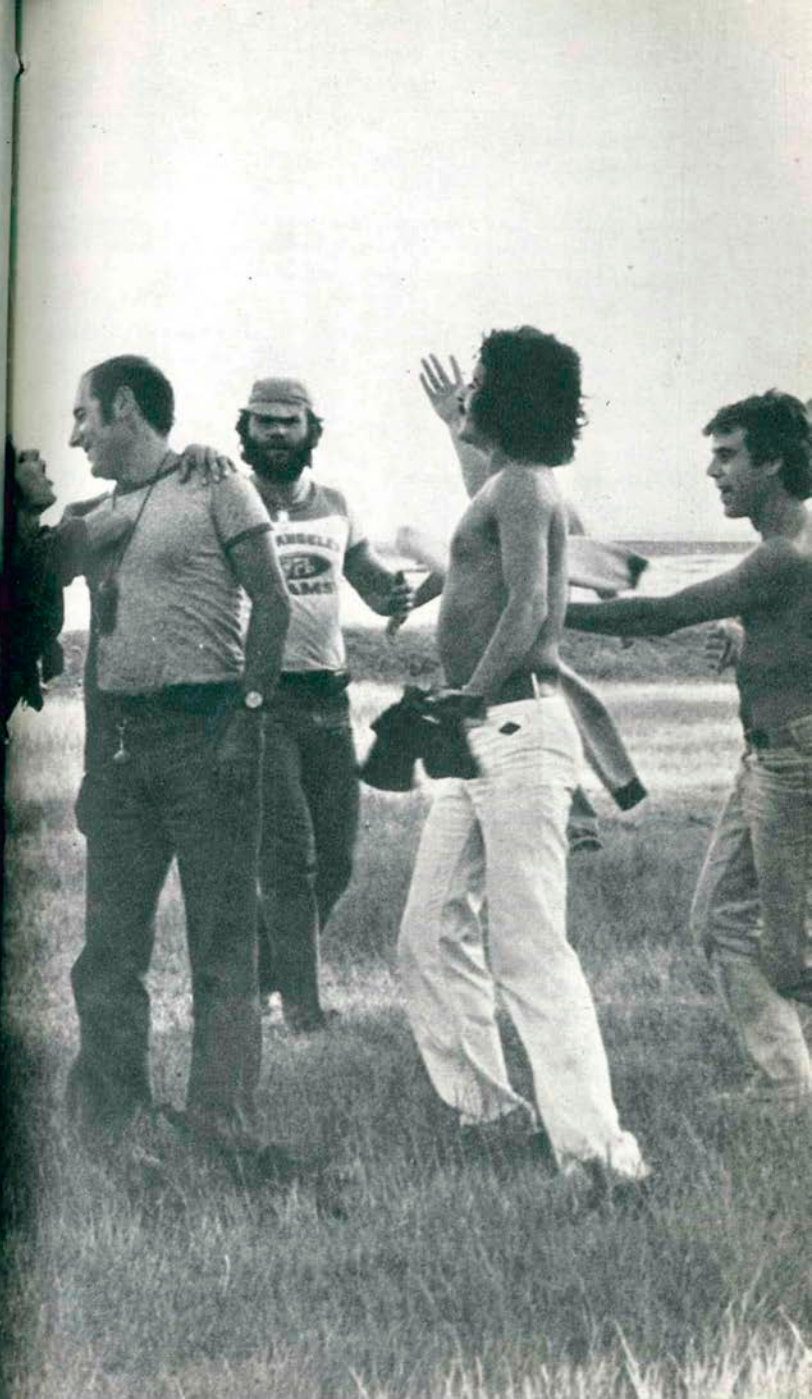
Могу тебе это прочесть по-английски... Это из Элиота, парень. Набирайся культуры!

— Останься с нами, и мы тебе покажем мир... Всю его красоту. Всю его мудрость!..

— Пойдем, рабочий класс! Послушай нас!

Откроем мы тебе глаза,

И мир поймешь ты без прикрас.

— Доходы, прибыли, расправы...
 Жестокой схватки след кровавый...
 — Из Персии везем вуали.
 А из Кашмира — шали
 И эликсиры для волос.
 И все, чем славен бог Эрос.

Хуану нравится этот шутиливый дружеский хоровод вокруг него с танцами и пантомимой. Когда он доходит наконец до своего мотоцикла, один из актеров преграждает ему путь.

— Стой!

Актер палкой, которая была у него в руке, проводит на земле черту, как бы разделяющую мир на две части. «Могучий» находится на границе между ними.

— Товарищи! На этой стороне находится Торремолинос... Вертеп... Разврат...

Другие актеры подхватывают:

— Коррупция...
 — Спекуляция...
 — Олигархия...
 — Снобы-аристократы...
 — И шведки!
 — А на той стороне — Кастилия...
 — Правда...
 — Поэзия...
 — И народ...
 — И Аурорита!
 — Выбирай, уроженец Хазна...
 — ...официант с острова Майорки...
 — ...механик-мастак из Мадрида...
 — ...сногсшибательный мотоциклист!..
 — Пусть останется! Пусть останется!

Все танцуют и поют вокруг Хуана. И ему весело, глядя на них. Ведь никогда, действительно, он не находился в центре внимания кого бы то ни было. Так что Хуану ничего не остается как сдаться. — Вы чокнутые шутники... А может, мне и вправду остаться? Группа актеров. Го-ол!

И несколько человек стали изображать игроков на футбольном поле, в то время как остальные плотным кольцом окружили Хуана и тискали в своих объятиях, приговаривая:

— Увидишь наше представление...
 — Порадуешься нашему успеху...
 — Потом мы это отпразднуем...
 — А потом...

Девушки и несколько юношей запели и начали пританцовывать, выделявая замысловатые телодвижения.

— Та-та...Та-та-та!..

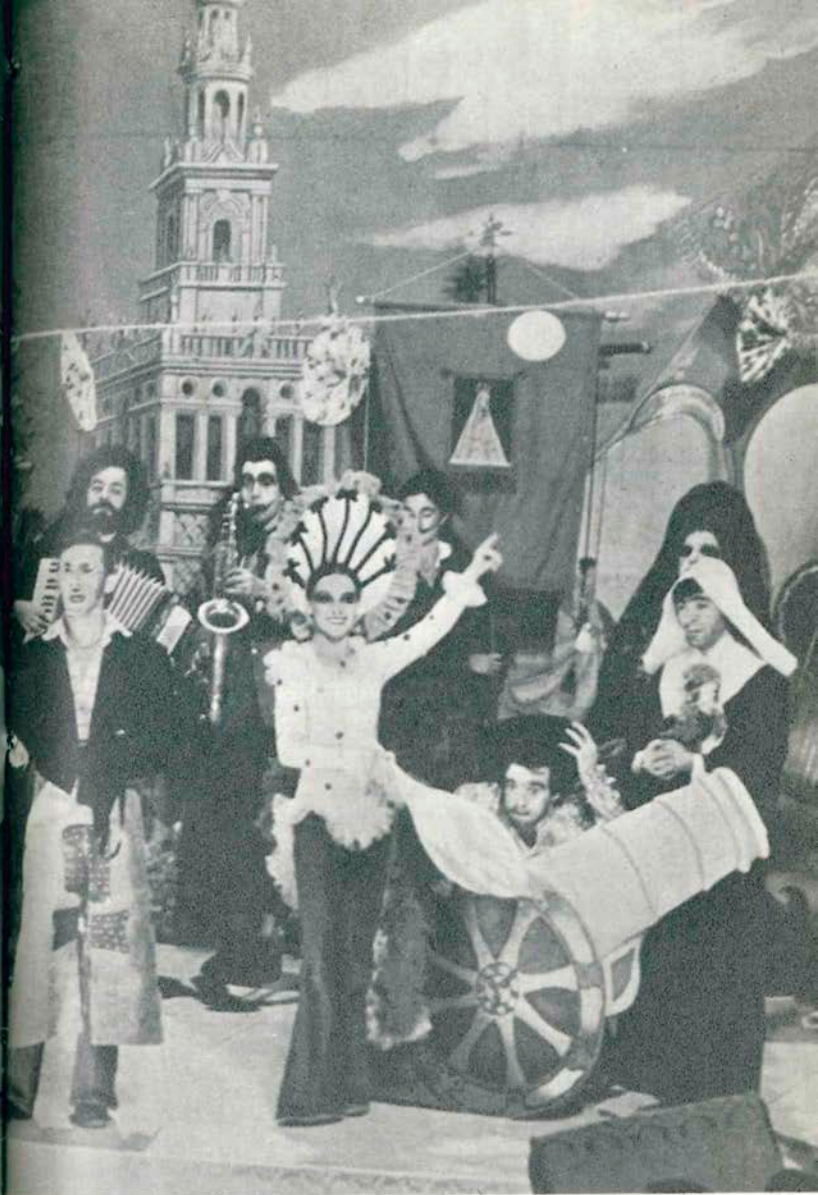
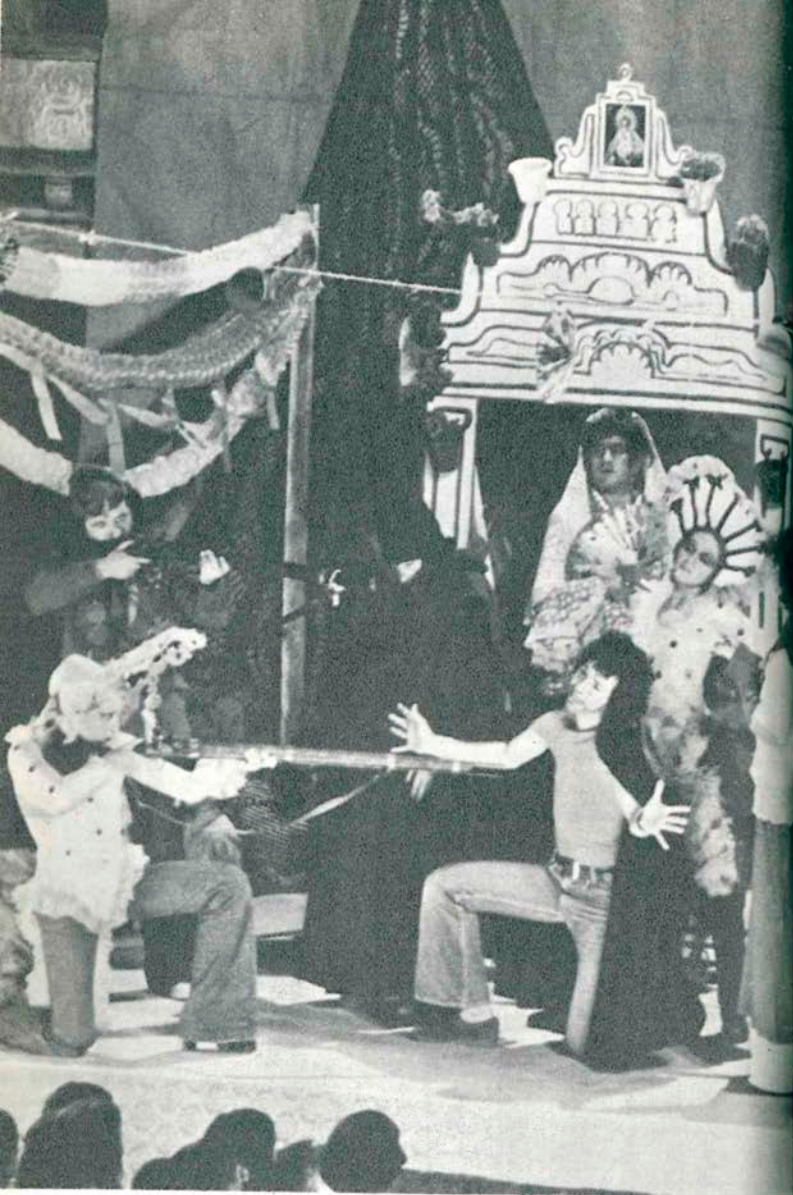
Хуан, смеясь, заводит мотор. Но прежде чем он успевает сесть на своего «Могучего», на заднее сиденье забирается Аурорита, которая, привстав на педали, кричит:

— Вперед! За мной!

Хуан садится на мотоцикл и с примостившейся сзади Ауроритой, которая обняла его за талию и распластала свои грудки на его спине, начинает колесить по участку. Актеры, хохоча, бросаются врассыпную и забираются кто в грузовичок, кто в машину, кто в мотоцикл с коляской.

Когда стемнело и огромный красный диск солнца исчез за горизонтом, Хуан, Аурорита и «Могучий» возглавили актерский кортеж, направлявшийся в селение, где на площади должен был состояться спектакль.

Представление началось. Актеры соорудили с помощью имевшихся у них приспособлений небольшую сцену и из нескольких полотнищ, прикрепленных к стойкам, — нечто вроде кулисы. На сцене, освещенной юпитерами, и вокруг нее сновали — входя и выходя и лихорадочно быстро переодеваясь — все участники труппы. Каждый из них был мастером на все руки. Они декламировали, пели, играли на гитаре, на флейте, на бубне, на трубе, на ударных инстру-

ментах и танцевали под звуки записанной на магнитофон музыки, звучавшей благодаря усилителям оглушительно громко.

Импровизированный театр разместился на одной из сторон площади, перед церковью, а в центре ее заняли места (каждый принес с собой стул или табуретку) жители селения: старики и старухи, детвора, замужние женщины и добропорядочные на вид девицы. Мужчины собирались группами или стояли у входа в бар.

На сцене появлялось множество персонажей: палачи и инквизиторы, банкиры и военные чины, поэты-лирики и безутешные вдовы, пузатые священники и американские шпионы из ЦРУ, грубые чиновники и блаженные старухи, доведенные до нищеты крестьяне и нещадно эксплуатируемые городские труженики.

Кроме прочих персонажей на сцене была Кармен, символизирующая традиции и устои Испании. Эту роль исполнял мужчина.

Зрители весело реагировали на происходящее на сцене: смеялись грубоватым шуткам и соленым словам и удивлялись этим шальным смельчакам, которым удалось расшевелить их, помочь им сбросить с себя вековую робость и заставить хором подхватывать припев песенок.

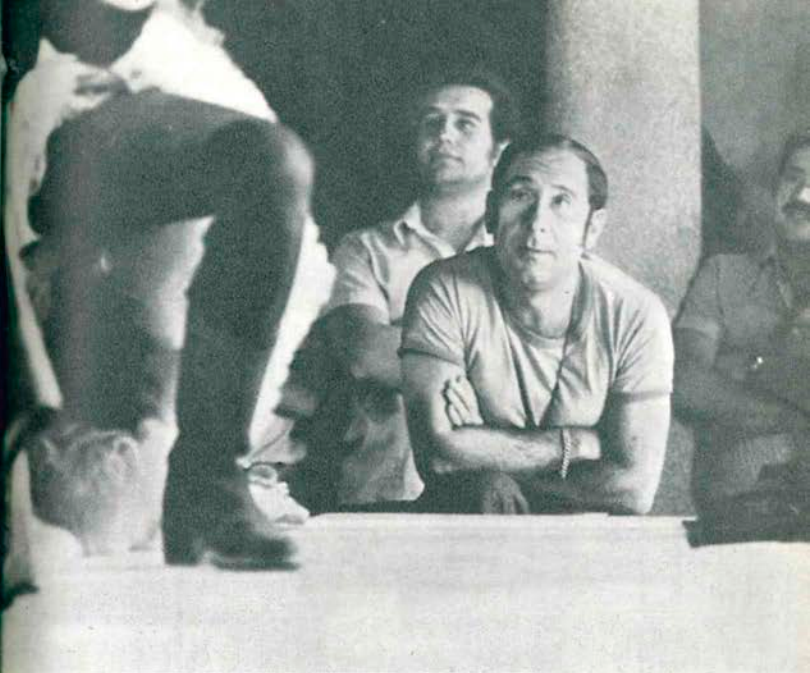
Хуан подпевал вместе со всеми, и ему было весело. Он интуитивно чувствовал, что его друзья хотели сказать, что крылось за их словами и жестами и, вопреки своему обычному нарочитому фанфаронству, принимал участие в происходящем. Иногда — самое непосредственное: так, например, когда актеры лихорадочно подавали ему условный знак, он покидал свое место зрителя, чтобы включить или выключить магнитофон.

А вот текст представления, разыгранного актерами в этом небольшом селении в эту августовскую ночь.

Х о р. Нужно менять обличье,
Иного выхода нет.
Менять, соблюдая приличие,
С оглядкой на весь свет.
Менять его постепенно,
Продуманно, наверняка,
Чтоб осталось все неизменно
Навеки и на века!

К а р м е н.

— Ничего менять не буду,
И кто я — я не забуду.
Ишь чего вдруг захотели,
Что за песенку запели!
То исконное обличье,
Что мне славу принесло,
Я менять ради приличья

Не намерена. И все!

Никаких знать перемен.

Я — испанская Кармен!

А г е н т ы Ц Р У. Мы вам скажем без прикрас:

Не измените обличья —

Плохо кончится для вас.

Всем известно, как отлично

Мы порядок наш наводим

И с кем надо счета сводим.

Операции, замены

И любые перемены —

Входит все в нашу игру.

Мы — агенты ЦРУ.

К а р м е н. Ах, в отчаянии я!

Что же делать мне, друзья?

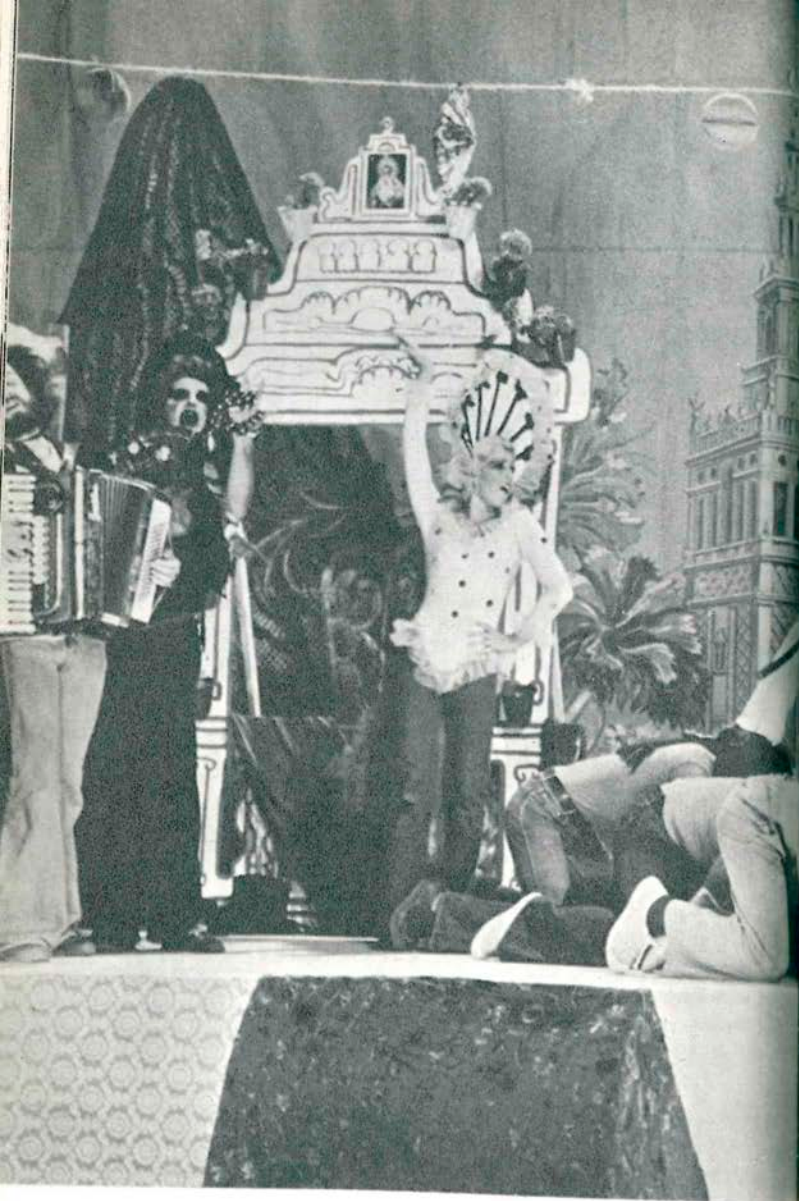
Чем себя мне заменить,

Как обличье сменить?

Х о р. Толпа идет.

И наседает.

И вопиет.

И призывает.
И требует.
И заклинает...

Кармен. Но чего ж они хотят?
Отчего все так вопят?

Хор. Де-мо-кра-тию хотят!
Оттого так и вопят.

Кармен. Демократию? Вот так-так!
По-испански? Или как?
Демократию again¹,
Демократию for Spain².
В один миг я изменюсь,
В демократию воплощусь!
Ведь у нас все необычно!
Ведь у нас все-все отлично!

Хор. Испания необычна,
Испания фантастична,
Здесь все-все прилично,
Плохого здесь нет — все отлично!
Тут дамы всегда добродетельны,
Крестьяне покорны, радетельны,
Военные — только отважные,
Беспристрастны судья и присяжные.
Покладист, сговорчив рабочий,
У хозяина он — в доме отчем.
Тут вовек ничего не случается,
Случаться чему не полагается.
И зажато здесь все основательно,
Что зажать надлежит сверхстарательно.
Служит верно чиновник и честно,
А банкир всемогущ, как известно.
И прилежен студент — нрав смиренный,
У полиции нюх же — отменный.
В общем, каждый на месте своем здесь,
И местечко у каждого есть.
Все в порядке тут — мир и спокойствие,
И живут все в свое удовольствие.
Доброй воли лишь чуточку нужно,

¹ Снова.

² Для Испании (англ.).

Истину чтобы постичь всем нам дружно
И чтобы сразу всем стало ясно:
Все здесь прекрасно!
Все необычно!

И потому мы поем как обычно:
В нашей Испании все-все отлично!..

Вдруг среди публики раздался чей-то возмущенный голос:
— Это нетерпимо! Не-тер-пи-мо!

Голос принадлежал сеньору алькальду. Пока разворачивалось действие спектакля, те, кого именуют «представителями власти», то есть секретарь муниципалитета, муниципальные советники, капрал гражданской гвардии, а также приходский священник, влиятельные дамы и дюжина других местных видных лиц, лицеизревшие возмущавшее их зрелище молча, но сейчас, когда зрители вновь подхватили хором припев, а подзадоренные ими актеры начали повторять финал, вот тогда-то чаша терпения у «представителей власти» переполнилась.

Истошный крик алькальда «Нетерпимо!» вызвал целую бурю негодования и протестов.

Голоса. Возмутительно! До чего так можно дойти?!

— Это недопустимо! Непристойно! Оскорбление властей!

— Издевательство!

— Выгнать всех этих наглецов! Вон отсюда! Бесстыдники! Богухильники! Вон!..

— Где цензура? Цензура! Тут же дети! И замужние женщины!

Настоящий шквал гневных выкриков парализовал в конце концов представление. С криками протеста и с ругательствами вся негодующая братия ринулась на сцену и набросилась на актеров. Поначалу столкновение было только словесным, но вслед за оскорблениями с одной стороны и объяснениями с другой началась рукопашная схватка. Досталось даже Хуану, который считал своим долгом вмешаться.

Голоса. Прекратить спектакль! Где на него разрешение?

— Они злоупотребили моим доверием!

— Представление окончено!..

— Как это почему? Я так велю и все!

— Вы не знаете с кем разговариваете!

— Спокойно, Кинито!

— Убирайся со сцены. Освободите площадь!

— Проходите! Проходите! Ваши документы?

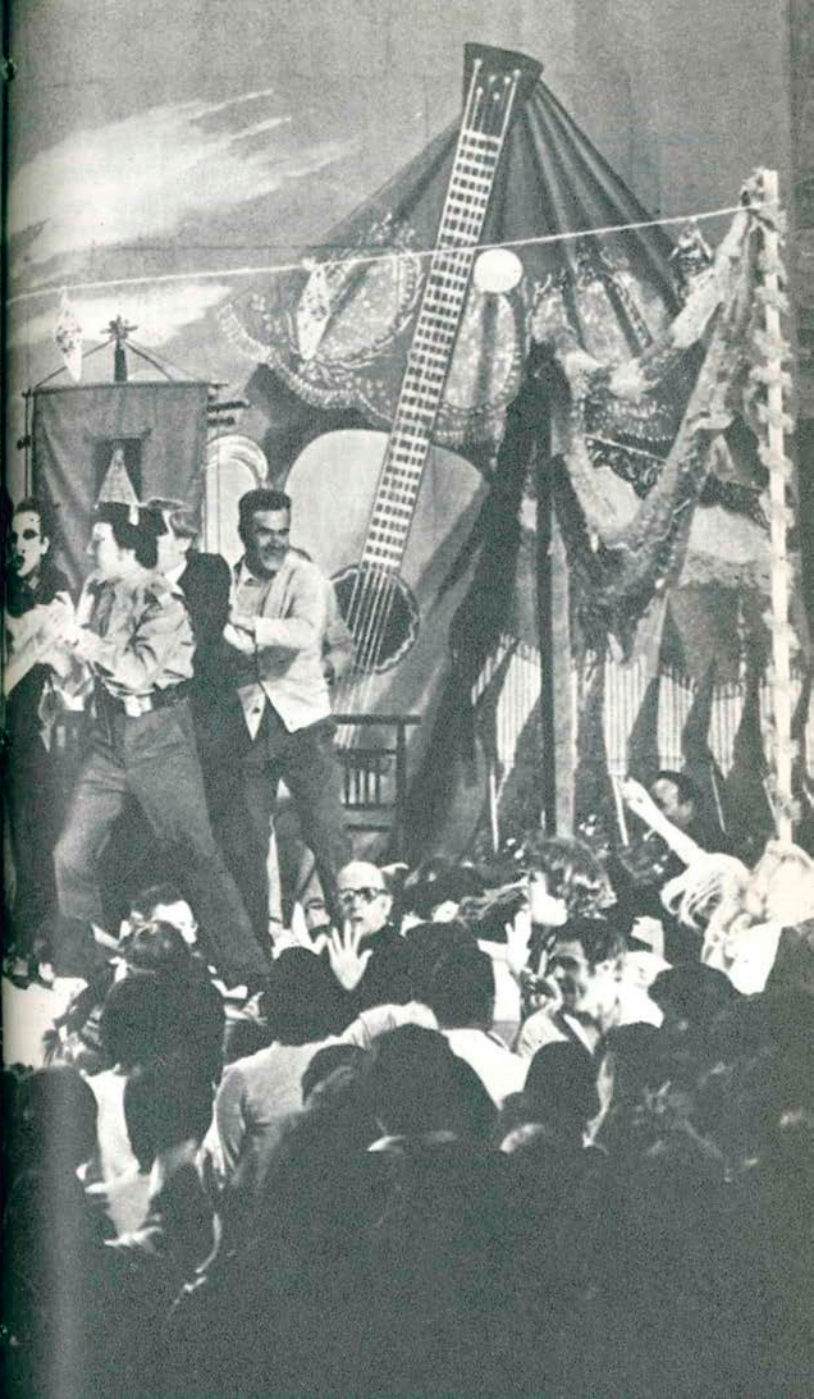
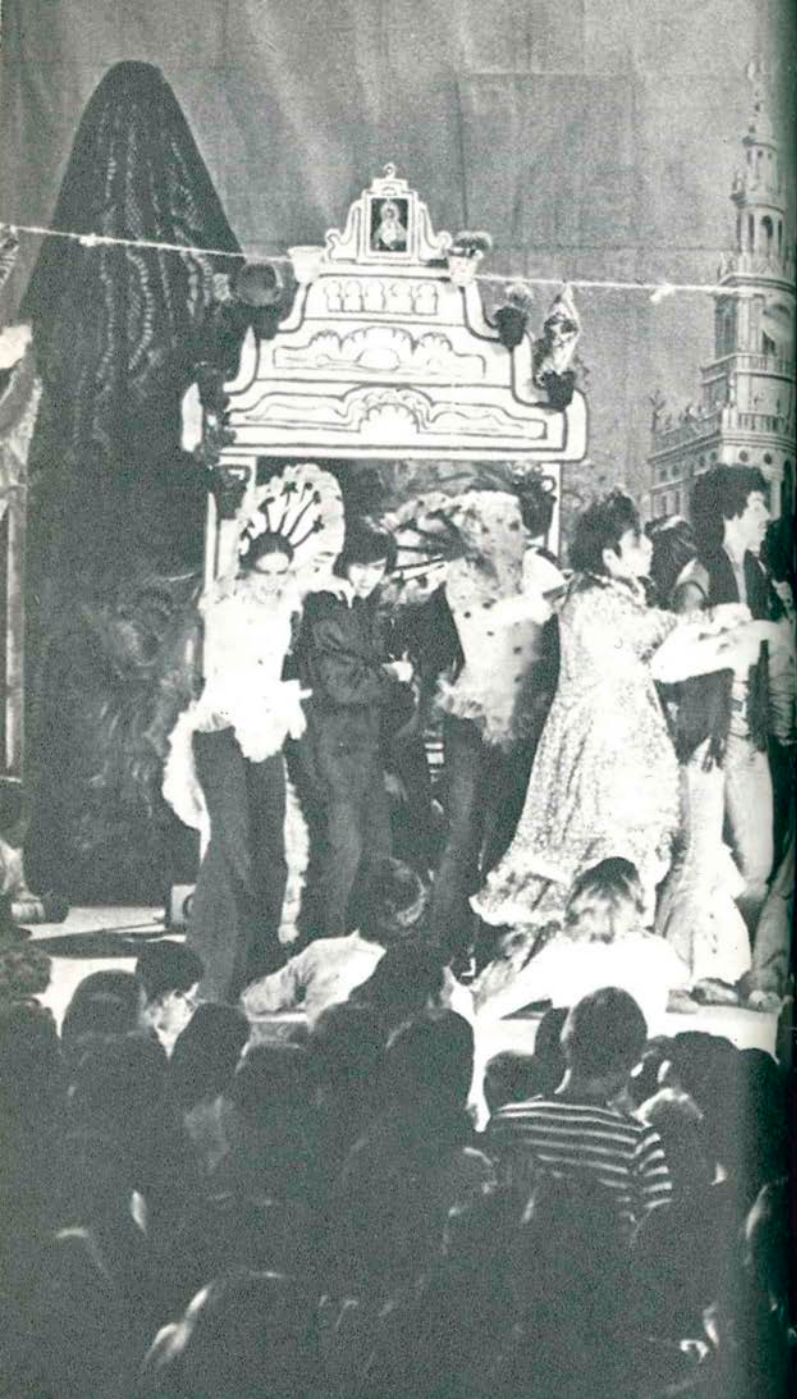
— Вон из нашего селения! Свиньи! Бесстыжие!

— Без оскорблений, слышите? Без оскорблений!

— А наши деньги?

— Ха, деньги! Не видеть их как своих ушей.

— Отдай гитару! Пусти!

— Нахал! Не смей орать на меня!

— Банда оборванцев!

Источно кричали женщины, носились как угорелые дети, лаяли собаки, какой-то старик попал в этой суматохе под чью-то горячую руку... Под конец в ожесточенную схватку оказались втянутыми и алькальд, и полицейские, и кое-кто еще из верных прислужников властей... А над полем боя оглушительно грохотала и неистовствовала музыка, вырывавшаяся из мощных усилителей.

Г о л о с а. Ах, так? Угрозы? Полиция!

— Я сказал, отдай гитару!

— Полиция! Выставьте их отсюда!

— Не смейте меня трогать, слышите! Не смейте меня трогать!

— В тюрьму их!

— Какая там тюрьма, вы что, спятили?

— Это меня, алькальда?..

— Отдай гитару!

— Ой! Я благородная дама!

— Уличная девка!

— Ну-ка дайте им как следует! Дерьмовые актеришки!

— А вы подонки! Фашисты!

В итоге этой баталии актеров взяли под стражу... Так одержала верх контрреволюция.

Подвал муниципалитета. Помещение служило складом для отходов административной деятельности этого заведения. Тут можно было увидеть старинный стол из зала заседаний, сломанные стулья и пюпитры, негодные носилки, карту Европы, на которой еще значилась Австро-Венгерская империя, и старые карты поземельной описи, бюст какой-то матроны с отбитым носом, олицетворявшей, быть может, федеральную республику, несколько покрытых пылью избирательных урн и другие жалкие остатки далекого демократического прошлого.

Помещение было разделено решетчатой перегородкой. Сюда, в подвалы муниципалитета, и поместили актеров, — разумеется, отдельно мужчин и женщин, хотя они могли видеть друг друга через решетку и даже касаться руками.

Актеры разместились, как могли, и теперь некоторые из них распевали во весь голос. Ударник аккомпанировал им, ритмично постукивая о какой-то предмет.

— Ни алькальд, ни его стража

Не подействуют на нас.

Как и дерево с корнями,

Им не выкорчевать нас...

Богомольные сеньоры

Не подействуют на нас...

Постепенно и остальные актеры присоединили свои голоса к поющим. Хуан, расстроенный и злой, горячо спорил с одним из артистов — Хосе Карлосом, игравшим Кармен.

— Я бешусь, потому что меня ни за что ни про что загнали сюда, и я теряю время, драгоценное время, и срывается моя поездка! Какое, к черту, я имею отношение ко всем вам? Единственное, чего я хочу, — это снова сесть на мой мотоцикл, и катить по дороге в Торремолинос, и не терять ни минуты из моих выходных дней!

Он был разъярен и ходил взад-вперед по этому подвальному помещению, заваленному старым хламом.

— Мало того что я всю неделю вкалываю как ишак и света божьего не вижу, меня еще тут сажают под замок. И в результате — корове под хвост мои выходные дни. Да это же... Пошли вы все к...

Хосе Карлос пытался успокоить его, разъяснить причину случившегося с ними. Как и остальные актеры, Хосе Карлос был еще в гриме и в костюме, в котором выступал на прерванном спектакле. Он все еще был испанской Кармен с мантилей и гребнем. Простите, без гребня, поскольку он был сорван с него в схватке на сцене.

Х о с е К а р л о с. Да послушай же, Хуан. Я с тобой согласен. Но главное — чтоб ты понял суть того, что происходит. Это дело касается ведь всех...

Х у а н. Всех? Кой черт! Это ваше дело, а не мое! Это вы ходите из деревни в деревню, разыгрываете простаков и несете всякую чепуху! Вы сами выбрали такую работу, никто вас не заставляет это делать!

Громкие выкрики Хуана заглушили голоса поющих, и, прекратив пение, все теперь слушали Хуана, по-разному реагируя на его слова.

Х у а н. Мое дело — потеть над моторами, над стартерами, над сцеплением и прочими потрохами, от которых меня уже воротит. А когда кончается рабочий день — привет! — надо поразвлечься! А потом — что за черт? Я себя вел как подобает, исправил вашу развалину — и за красивые глаза, между прочим... Так что пошли вы все...

Актеры слушали Хуана и наблюдали за тем, как клекотала в нем и выплескивалась наружу озлобленность — плод его старой, укоренившейся привычки держаться в стороне, отвергая солидарность.

Х о с е К а р л о с. Ты прав, Хуан. Никто этого не оспаривает. В каком-то смысле ты прав.

А у р о р и т а. Да что ты говоришь? Как это он прав?.. Он... Он просто себялюбек и деклассированный элемент... Враг...

Аурорита была полна негодования. Хуан смотрел на нее, не понимая ни слова «деклассированный», ни других вещей, и ему даже казалось, что грудки Аурориты вдруг спрятались или стали меньше.

А у р о р и т а. Да-да, и не смотри на меня так... Только враг своего класса может рассуждать так, как ты.

К и н и т о. Ладно, детка, кончай, не перегибай...

Х о с е К а р л о с. Одно только я хотел бы тебе объяснить: то, что мы оказались здесь, то, что над нами учинили такую расправу, — это касается всех нас... И было бы несправедливо, если бы каждый из нас думал только о себе, понимаешь? И искал бы выхода из положения для себя, когда его надо искать для всех... Вот мы, например...

Поучающее выступление Хосе Карлоса было прервано скрежетом отодвигаемого засова и появлением на пороге секретаря муниципалитета и двух солдат муниципальной гвардии. Они сделали несколько шагов и остановились. В руке у секретаря был документ — шоферские права, — и он искал глазами их владельца — Хуана.

С е к р е т а р ь. Ваше имя и фамилия?

Х у а н. Хуан Гомес Муньос...

С е к р е т а р ь. Профессия?

Х у а н. Механик... Мастер по ремонту...

С е к р е т а р ь. Ну, а какую роль вы играете в этой театральной труппе?

Х у а н. Я? Опять все сначала... Я же сказал вам, что не состою в труппе и не имею никакого отношения к ним...

С е к р е т а р ь. Но вы же с ними там были...

Х у а н. Был... Был... Если на то пошло, то и вы там были, и полицейские тоже, и еще человек двести, но это не значит, что я состою в труппе и что...

Тут вмешался Хосе Карлос. Он обратился к секретарю:

— Выслушайте меня... И учтите, что я обращаюсь к вам от имени всех... Этого человека мы остановили на шоссе, и он оказался настолько любезен, что прервал свое путешествие и занялся нашей машиной — исправил все неполадки. Потом мы пригласили его на наш спектакль. Так что если он и присутствовал на площади, то лишь как зритель. Верно я говорю, друзья? Он — зритель.

Последнюю часть фразы он адресовал Хуану:

— Самое печальное заключается в том, что он всегда — всего лишь зритель.

Хуан проглотил адресованную ему фразу и подумал, что Хосе Карлос, видимо, что-то подразумевал, называя его «зрителем». Но об этом он подумает потом. Не сейчас. Сейчас он слушал, что говорил секретарь муниципалитета:

— Ладно. Возьмите.

И он вернул Хуану его права.

— Можете идти... Да-да, вы свободны. Можете забрать свои вещи и отправляться... Но при одном условии: вы немедленно покинете наше селение.

Секретарь собрался удалиться, когда его остановил вопрос актеров:

— А мы?

С е к р е т а р ь. А вы — нет. Вы останетесь здесь до тех пор, пока сеньор алькальд не переговорит и не получит указаний от его превосходительства сеньора губернатора...

Слова эти были встречены единодушным шиканьем. Секретарь, выйдя из помещения, остановился за порогом и раздраженно, с нетерпением ждал, когда Хуан наконец сдвинется с места. А Хуан смотрел на своих недавно обретенных друзей, которые гневно протестовали против решения секретаря.

Секретарь грозным тоном приказал Хуану:

— Поторапливайтесь. Заберите что тут есть вашего и уходите...

Хуан начал прощаться. Он чувствовал себя неловко и испытывал угрызения совести.

Актеры, прощаясь с ним, выражали разную степень приветливости. Аурорита показала ему язык и в отместку за его поведение обнажила полгрудки, потом улыбнулась. Хосе Карлос протянул ему руку.

— Поторапливайся, старик... Спасибо и счастливого пути...

Хуан покинул помещение, и пока он вслед за секретарем и солдатами поднимался из подвала по лестнице, до него доносились голоса актеров, вновь запевших.

— Секре-секре-секретарь

Не подействует на нас.

Секре-секре-секретарь

Не подействует на нас,

Как и дерево с корнями,

Им не выкорчевать нас!

Пропел петух, за ним где-то далеко — другой. Площадь, где шел спектакль, безлюдна, и легкий ветерок гонит по земле пыль и бумажный мусор. Хуан попытался завести своего «Могучего». Но безуспешно.

Было холодно, по-настоящему холодно; в этот серый предрасветный час площадь со следами ночной баталии представляла собой удручающее зрелище.

Сцена была наполовину разрушена, и за сорванными, валяющимися на полу полотнищами виднелся знакомый грузовичок.

Хуан утеплил свою грудь и спину пойманными на лету листками газеты «Пуэбло». «Могучий» наконец стал издавать прерывистые звуки, напоминающие надсадный кашель заядлого курильщика.

Хуан садится на мотоцикл и, описав большой круг, покидает пустынную площадь с кружащейся в воздухе пылью и обрывками бумаги, с полуразрушенной сценой и ярким расписанным брезентом грузовичка, трепещущим на ветру как флаг, над которым надругались, но который не смогли поправить.

Дорога пустынная. Лишь желтые полосы, теряющиеся на окутанном туманной дымкой горизонте, и Хуан на своем «Могучем». Он ежится от холода.

Издали навстречу ему по середине шоссе несется грузовик.

Хуан. Чертова холодина! Дрожишь тут как собака, валишься с ног от голода и усталости и опаздываешь черт знает на сколько... Внимание! Этот тип за рулем наверняка клюет носом...

Приближающийся грузовик выравнивает ход и переезжает в свой ряд. Высунув руку из кабины машины, водитель делает Хуану какие-то знаки, которые тот не понимает, а, проезжая мимо него, несколько раз сигнализирует.

Хуан. Ты что?.. Совсем окосел?!.. Чтоб тебя... Спит за рулем и еще фыркает!

На шоссе снова пустынно. Хуан возвращается к своим мыслям.

— Ну и ночь! Будь она проклята!.. Надо же так по-дурацки потерять время! Такое может стрястись только со мной... У меня ведь к театру нет никакого интереса... Кому сказать!.. Чего не могут добиться наши парни в мастерской, того добиваются эти чокнутые бродячие актеры... Я тебе всегда говорил, Хуанито: занимайся своими делами и не лезь ни в какие истории... Твое дело — вкалывать и побивать рекорды по количеству девиц... Ну что тебе дало знакомство с этими актеришками? Ничего! И при том — за весь вечер ни крошки во рту... Помни: если ты сделаешь промах — угодишь в список «подозрительных»...

Еще не взошло солнце, но уже начала постепенно рассеиваться туманная дымка, застилавшая горизонт.

Хуан напевает себе под нос песенку, которую пели актеры. Вспомнив о чем-то, он улыбается, потом качает головой. Что-то, а все же славные они ребята и весельчаки.

Преодолев подъем на дороге, он увидел вдруг вдали какие-то неясные фигуры, подававшие ему знак остановиться. По обе стороны шоссе стояли джипы гражданской гвардии.

Оборвалась песенка, которую Хуан напевал, он начал снижать скорость и вскоре остановился возле полицейского в чине капрала, автомат которого был нацелен сейчас на Хуана. Остальные полицейские стояли поодаль и тоже держали его под прицелом.

Капрал. Добрый день. Ваши документы, пожалуйста.

Хуан пытался скрыть охвативший его страх. Он позволил себе лишь бегло скользнуть взглядом по этим невозмутимо бесстрастным лицам, которые не спускали с него глаз.

Когда он вынимал из кармана бумажник с документами, из него выпала фотография, которую он забыл отдать Исабель. Хуан этого не заметил. Он протянул бумажник капралу.

Капрал. Выньте удостоверение личности.

Хуан вынул удостоверение и передал капралу. Тот взял его и сказал, указывая на землю:

— У вас выпала семейная фотография...

На сей раз Хуан уже не смог пересилить страха: он начал было сбивчиво объяснять, что не имеет никакого отношения к тем, кто снят на фотографии, но тут же быстро сообразил, что это может только вызвать подозрение.

— Нет, да... А, да-да... Это моя мать и сестра и мои двоюродные братья...

Капрал не обращал на него никакого внимания. Он очень внимательно разглядывал удостоверение. Хуан сделал вид, будто безучастен ко всему, и искоса поглядывал на других полицейских.

Капрал вернул ему удостоверение личности.

— Куда направляетесь?

Хуан. В Торремолинос.

Капрал. Хорошо. Езжайте.

Хуан «пришпорил» своего «Могучего» и стал удаляться.

И снова пустынная дорога и Хуан, мчащийся на полной скорости. Выражение лица у него задумчивое, сосредоточенное, брови нахмурены.

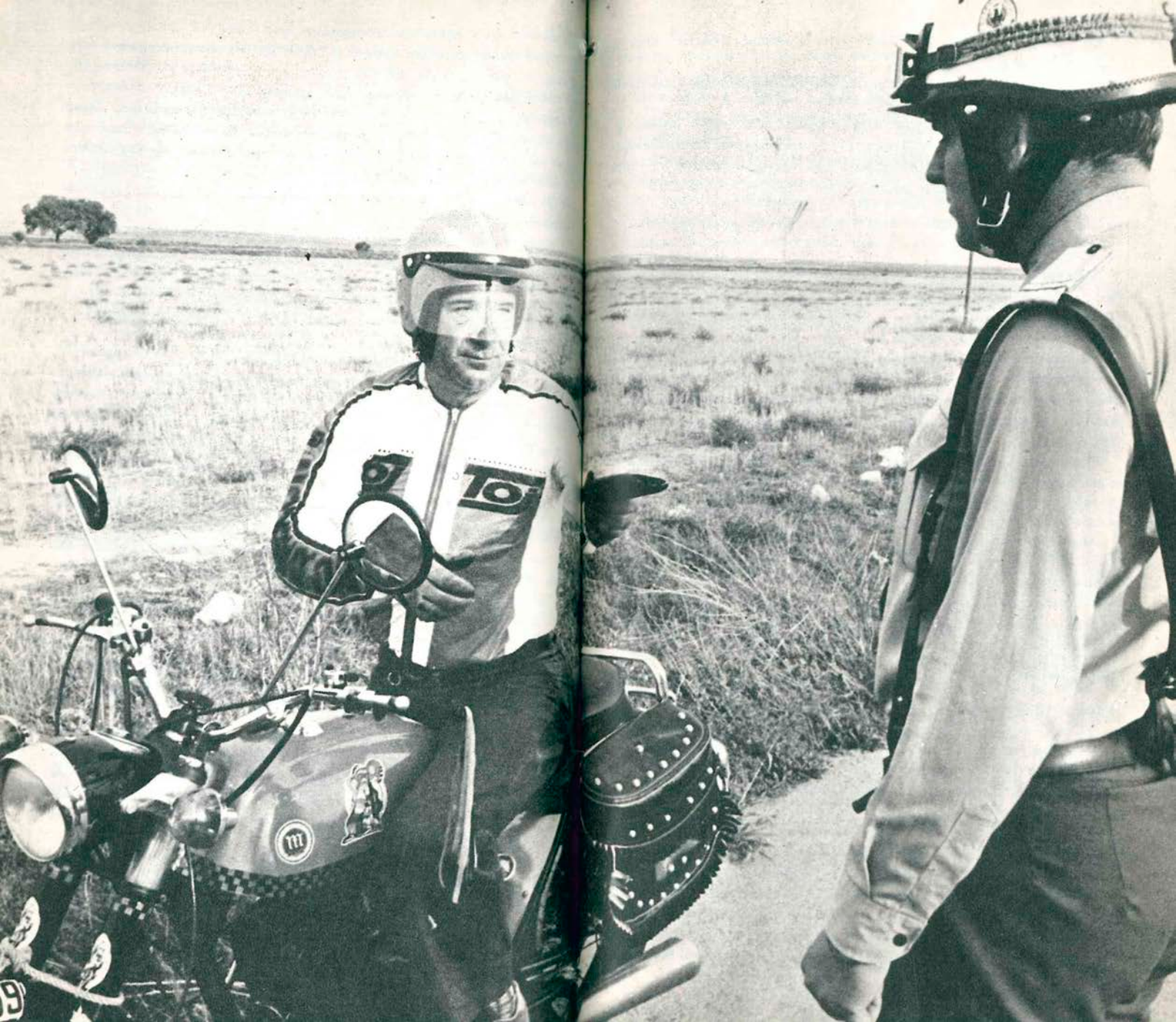
— Что им, интересно, надо?.. Чего они рыщут? Может, что-то стряслось?.. Да ладно! Ну что может стрястись? Ты занимайся своими делами, старик... Своими. И не суйся куда не надо. В общем, кто бы там ни командовал — ты себе живи своей жизнью... И плевать тебе на все...

Издали за его спиной послышался нарастающий вой сирены — мощный, прерывистый. Хуан оборачивается, но ничего не обнаруживает.

— Наверное, я превысил дозволенную скорость. А так как у них радар!.. Ладно, пусть меня оштрафуют, черт бы их побрал, но только хватит меня страшить!

Теперь за Хуаном, на крутом подъеме дороги, засверкали ослепительно яркие, искрящиеся снопы голубоватых огней «мигалки» на крыше полицейской машины. Потом кто-то высунул руку из машины и повелительным жестом приказал Хуану отъехать в сторону, к обочине. Хуан, нервничая, так поспешно повиновался, что чуть было не угодил в кювет.

Полицейская машина с ее ослепительным светом и пронзительным воем сирены понеслась на полной скорости вперед, прокладывая путь двум правительственным лимузинам с флажками. Кorteж замыкала другая полицейская машина.

Все они пронесли мимо Хуана с оглушительным ревом и вскоре исчезли из виду.

Хуан продолжал свой путь и все еще с ошалелым видом смотрел вслед промчавшимся машинам.

— Учись, «Могучий», как надо ездить... Ни тебе ограниченной скорости, ни черта. И хотел бы я посмотреть на храбреца, который осмелился бы оштрафовать их!.. Этим господам плевать на все штрафы с высокого дерева. И на штрафы и на радар!

У бензоколонки стояла одна-единственная машина, она заправлялась, и Хуану пришлось подождать. В это раннее воскресное утро путешественников было мало, и человек, обслуживающий колонку, отошел поговорить по телефону.

Заправляющаяся машина — старый «Рено-Каравель» с парижским номерным знаком. Багажник ее представляет собой какое-то бесформенное нагромождение самых несуразных вещей. А внутри машины набилась уйма людей: стариков, мужчин, женщин и детей. Это алжирцы.

В ожидании своей очереди, стоя в дверях бара, Хуан равнодушно скользит взглядом по окружающей местности. Он маленькими глотками попивает из стакана дымящийся кофе с молоком и уплетает за обе щеки бутерброд с колбасой.

Алжирцы смотрят на него, не отрывая взгляда, с каким-то застывшим выражением скорби. Хуан не сразу понимает, что эти устремленные на него глаза — глаза голодных людей. У Хуана словно кусок застревает в горле. Он долго не может проглотить его и когда наконец проглатывает, то делает это с каким-то стыдливым усилием. Потом заходит обратно в бар и, пристроившись у стойки, допивает свой кофе с молоком.

Один из алжирцев разговаривает с барменом, который в это время наполняет пустые бутылки водой из-под крана.

Бармен. А я думал, что во Франции живет много алжирцев и что у всех есть работа...

Алжирец. Сейчас нет... Работа нет... Никакая работа...

Хуан следит за каждым жестом алжирца и внимательно прислушивается к их разговору.

Бармен. А, понятно — отпуск... отдых...

Алжирец. Отдых нет... Возвращаться домой... навсегда...

Бармен. Понимаю... Домой, с накопленными деньгами, приобрести участок земли или бар... И самим стать хозяином?

Алжирец, видимо, не очень хорошо понял, что ему сказал бармен, а может, и понял и хотел ответить ему, что он ошибается. Но как это сделать? Глаза в поисках помощи встретились с глазами

Хуана, которые выражали сочувствие и дружескую поддержку. Алжирец отказался от своей попытки что-то объяснить бармену и начал атаку с другой стороны.

— Можно я... один... вопрос спрашивать?

Бармен. Спрашивайте, спрашивайте что угодно... На то мы и существуем.

Алжирец. Рабочие здесь не нужны? Работать на авто... автострада?..

Бармен. А! Работать на автостраде, на строительстве дороги? Не могу сказать... Не знаю... В этих местах надобности нет, а вот в следующем селении надо узнать — вам там скажут... Ну вот и ваши бутылки.

Алжирец взял наполненные водой бутылки и вышел из бара пятась, крайне экспансивно выражая свою благодарность.

— Спасибо. Большой спасибо... Добрый день... Большой спасибо...

Его глаза снова встретились с глазами Хуана, которые также дружелюбно простились с ним.

Хуан. Бедняги!

Бармен. Бедняги?.. Такие вот, как он, возвращаются домой с набитым кошельком, поверьте мне... Все дело в том, что они жмоты... Боятся истратить лишнюю песету.

Хуан. По-моему, у них ее просто нет.

Бармен. Ну, а раз нет, так нечего приезжать в Испанию. Нет у меня доверия к этим иноверцам. Они как цыгане...

Хуан смотрит на него, как на врага. Этот тип вызывает у него отвращение. Он вынимает из кармана деньги и кладет на стойку. Бармен берет их, отсчитывает сдачу и возвращает ее на блюдечке Хуану, который тем временем допивает кофе.

Хуан нарочито медленно, очень старательно пересчитывает монеты. Ему удастся привлечь внимание бармена. Тогда, убедившись в том, что тот на него смотрит, Хуан оставляет на блюдечке одну песету на чай.

Бармен бросает на него злобный взгляд и, подчеркивая каждое слово, нарочито елевым голосом благодарит:

— Большое, большое вам спасибо!

Хуан смотрит на бармена и, делая последний ход в продуманной им игре, говорит с присущим ему озорством:

— Спасибо? Мне? За что? Это же песета иноверца.

Нешадно печет солнце.

На дороге — Хуан на своем «Могучем». Он снял с себя всю одежду — кроме каски, туфль и плавок. Настроение у него — совершенно неизвестно почему — хорошее: он доволен собой, испытывает чувство радости, словно совершил хороший поступок,

который положено совершать ежедневно. Он напевает песенку — ту, что пели актеры во время сорванного спектакля. Перед ним расстилается бескрайняя равнина; по обе стороны дороги, вдоль автострады, мелькают лотки торговцев фруктами и керамикой, продавцы воды с большими глиняными кувшинами, батраки на велосипедах, цыгане, мертвые собаки, потерпевшие аварии машины, паралитики и душевнобольные в колясках с зонтиком, влюбленные парочки, дети из сиротского приюта в сопровождении монахинь и прочие живые достопримечательности, характерные для автострады в этот августовский воскресный день. Но вдруг — приходится остановиться.

Пересекая шоссе, под звуки военного оркестра идет процессия. Чинно шагают в ряд девочки: от самых маленьких — по возрасту и по росту — до старших. У всех на груди ладанки. За девочками следуют девицы на выданье; за ними — женщины в возрасте и, наконец, старухи. И все они — тоже с ладанками.

Взгляды их устремлены в одну точку, и то, что они видят, вызывает у них самую различную реакцию: от улыбки, хихиканья, удивления до возмущения и негодования.

Причиной всей этой гаммы эмоций является полуголый Хуан; в плавках, с покрасневшей от солнца кожей, в туфлях и носках и со сверкающей на солнце каской, он стоит, опираясь на свой мотоцикл.

Автострада проходит через деревню, и движение транспорта по обе стороны дороги замерло на том месте, где проходит сейчас процессия.

Хуан начинает чувствовать себя неловко, хотя еще не отдает себе отчета в причине всех этих смешков и негодующих взглядов. Но когда возглавляющий шествие капрал с презрением скосил на него глаза, дирижер оркестра испепелил его гневным взглядом, а предводитель юнцов из «Национального фронта молодежи»¹ уставился на него с такой же лютой ненавистью, с какой Гитлер смотрел на евреев, вот тогда Хуану стало ясно, что все это вызвано его непристойным видом.

К нему подходит сержант гражданской гвардии и что-то говорит — мы не слышим что, настолько оглушительно гремит оркестр. Хуан снимает с головы каску как раз в тот момент, когда мимо проносят на носилках изображение пресвятой девы. У сержанта, разговаривающего с Хуаном, перекошено лицо, по-видимому, он кричит. Схватив Хуана за руку, он пытается оттащить его в сторону. Хуан сопротивляется: он ни за что не хочет расставаться со своим мотоциклом. Схватка ненадолго прерывается, так как проносят

¹ Ультраправая организация, проповедующая идеологию фашизма.

знамя и сержант обязан отдать ему честь; но вслед за тем он с новой силой насаждает на Хуана, оттаскивает его с дороги, тянет за собой и сталкивает в открытые двери ближайшего дома.

Процессия продолжает свой путь: проходят «представители власти» с орденскими лентами и знаками отличия. Деревенские жители и пассажиры в автомашинах с одинаковым вниманием наблюдают как за этим зрелищем, носящим полурелигиозный-полусветский характер, так и за скандальным инцидентом с полуголым мотоциклистом.

«Могучий» остался в одиночестве. К нему подходит другой полицейский, берет одежду Хуана и удаляется.

Хуан в дверях нервно застегивает брюки. Музыка оркестра доносится все глуше и глуше, и постепенно нарастает шум от возобновившегося движения транспорта.

Полицейский заполняет бланк на уплату штрафа и протягивает его Хуану. Хуан вынимает из кармана бумажник, делает последнюю, тщетную попытку выразить свой протест и наконец расплачивается. Санкция эта, по всей видимости, чувствительно бьет по его карману.

Вокруг «Могучего» толпятся мальчишки, а деревенский дурачок кривляется, дергая руль и имитируя шум мотора.

Рассталкивая всех, Хуан пробирается к своему мотоциклу, садится на него, и, преследуемый ватагой мальчишек и дурачком, пересекает опустевшую площадь, и набирает скорость; за ним с истощенным лаем долго гонятся собаки, пока он не исчезает в облаке пыли.

Дорога, дорога. И это треклятое раскаленное солнце, обесцвечившее и размывающее все вокруг: пейзаж, окраску и обычные очертания предметов.

Крепко сжимая руль и насупившись, Хуан прислушивается к рожу мотора и внимательно вглядывается в дорогу.

Он старается как можно лучше управлять машиной, преодолевая подъемы и спуски, — то увеличивает скорость до предела, то снова снижает ее, искусно маневрируя и обходя все препятствия.

По обе стороны шоссе тянутся безликие и безлюдные незасеянные поля, виноградники, оливковые рощи. По обочинам дороги не видно ни одного живого существа — все попрятались от жары. И все реже встречаются машины. Иногда прогрохочет какой-нибудь грузовик, подрабатывающий в неурочное время, или пронесется, как метеор, легковая машина. Потом — снова тишина, наполненная лишь тархтением мотоцикла, слепящим солнцем и изнурительной жарой.

Хуан. Ничто не может сравниться с ездой на моем «Могучем». Я бы ни за что не променял его ни на какой другой мотоцикл, будь у меня даже лишние деньги... Это машина что надо!.. Ты крепко

обхватываешь ее ногами, сжимаешь или отпускаешь когда надо и управляешь, командуешь ею... Все — в умении действовать ногами... В этом весь секрет!.. Она меня знает и знает, чего я хочу... Давай, дружище, поднажмем! И не унывай, осталось немного... Черт, какая жарница!.. Ну понятно, уже третий час... Все уплетают сейчас за обе щеки... И мы тоже так сделаем, не возражаешь? Остановимся в первом же приличном местечке, которое нам встретится, и поужеем как туристы первого класса... Ох!.. Штраф... Знаешь, как у меня дрожали коленки из-за этого сукина сына?... Так у любого можно отбить охоту заниматься туризмом... У любого, но не у меня, провалялись они в преисподнюю. Нас никто не вышибет из седла, верно, дружище?... Решили мы ехать в Торремолинос?... Решили! Вот и едем туда!

Снижая постепенно скорость, Хуан сворачивает с автострады, выезжает на станцию обслуживания и ищет место в тени на стоянке, заперженной машинами.

Он ставит свой мотоцикл рядом с роскошным «Мерседесом», у которого немецкий номерной знак. Хуан снимает каску и перчатки, одновременно окидывая машину взглядом знатока. По всей видимости, он думает: «Ну и машина, ничего не скажешь!»

В туалете ресторана, что находится при станции обслуживания, Хуан моет руки и лицо, проводит гребенкой по волосам. Затем разглядывает себя в зеркале.

— Ну какого черта ты тут околачиваешься, а? Ничего себе выходной денек выдался! Да-да, я знаю, что сладкая жизнь впереди, знаю, но все-таки... Чтоб им всем...

Хуан сел на высокую табуретку у стойки бара и принялся подсчитывать свои капиталы. Среди мелочи он обнаружил квитанцию на штраф. Скомкав ее, он с яростью швыряет комок на пол.

— Получай жертвование на процессии! Нда... Бог правду видит, да не скоро скажет. Иначе говоря: если ты хочешь немного поразвлечься, придется тебе, Хуанито, попоститься...

Вдруг он слышит обращенный к нему вопрос официанта:

— Сеньор будет обедать?

Хуан смотрит на официанта как на своего злейшего врага. Он еле сдерживается, чтобы не выложить ему то, что думает.

Хуан. Нет, сеньор обедать не будет. Сеньор поздно позавтракал и плотно поел. Так что одно пиво и бутерброд с тортильей¹ — этого будет достаточно... Если набить желудок, потом клонит ко сну... А это опасно, когда сидишь за рулем...

Хуан в один присест выпивает пиво и приступает к бутерброду. Он откусывает кусок — жадно и вместе с тем с предельной осторожностью, чтобы не упало ни крошки. У стойки и за столиками

сидят еще несколько человек, которые, вместо того чтобы беседовать друг с другом или заниматься своим делом, уставились, раскрыв рот, на экран телевизора.

В это время из зала ресторана выходит небольшая компания. Впереди идет смуглая женщина средних лет с густыми черными волосами до пояса, в брюках в клетку, настолько туго облегающих ее телеса, что кажется, они вот-вот треснут. Она прошла мимо Хуана, жуящего свой бутерброд, не обратив на него никакого внимания. И Хуан тоже чуть скользнул по ней рассеянным взглядом.

В тот момент, когда он вдруг узнал и вспомнил ее, с ним порвались остальные трое из вошедшей компании: двое мужчин — оба коренастые, темноволосые, в пестрой заграничной одежде — и светловолосая узкобедрая женщина — малопривлекательная для иностранки, каковой она, по-видимому, являлась. У одного из мужчин — Рафаэля — на шее был повязан зеленый платок, в то время как другой — Пьернас — в расстегнутой рубашке открыто демонстрировал свою волосатую грудь.

Хуан и оба мужчины сразу же узнали друг друга. Начались шумные приветствия, громкие возгласы удивления, крепкие объятия, звонкие похлопывания по спине.

Хуан. Откуда вы тут взялись, а? А Мила какая стала, надо же!

Рафаэль. А ты как сюда попал, старина?

Пьернас. Вот так сюрприз!

Мила. Пресвятая дева! Хуанито, как я рада тебя видеть!

Рафаэль. Подумать только... Сколько времени не видались. До чего же тесен мир!

Пьернас. Идите сюда! Давайте выпьем рюмочку. Такую встречу надо отпраздновать!

Рафаэль. Еще бы!

Мила (Хуану). Ты уже обедал?

Хуан тем временем судорожно искал, куда бы спрятать свой жалкий бутерброд и наконец пристроил его, стараясь сделать это как можно незаметнее, на выступ под стойкой.

Хуан. Да-да... Только что...

Рафаэль. Познакомься с моей супругой... Не волнуйся. Она тебя все равно не поймет — говорит только по-немецки.

Мила. Если не считать ругательств, которым ее научили у нас в селении. Ты знаешь, что мы сейчас оттуда?

Хуан. Ну и Рафаэль! Обалдеть можно!.. Ты в самом деле женился на немке?

Теперь все со смехом выговаривают какие-то слова на ломаном немецком языке. Хуан слушает их с восхищением.

Рафаэль. Er ist mein gute Freund Juanito...¹

¹ Это мой хороший друг Хуанито...

¹ Омлет с картошкой.

Немка. Ach so!¹

Пьернас. Wir kommt als derselbe² ... селения.

Немка. Derzelbe Dorf?³

Потом немка гнусавым голосом и с невинной улыбкой выпаливает по-испански целый набор освоенных ею ругательств. Все хохочут, но есть в этом что-то такое, отчего Хуану становится не по себе, хотя он и старается это скрыть.

Хуан. Ну кто б вас узнал в таком виде и калякающими по-немецки!..

Пьернас. Пойдем, сейчас ты еще не так будешь удивлен...

Рафаэль. Погоди, старик, куда ты идешь, давай раньше выпьем... Эй, ты, принеси-ка нам несколько рюмок коньяку, да, Хуан? Или ты предпочитаешь «Мачакито», как в те времена? Выбирай, что тебе больше нравится. Ну, а вы, дамы, что желаете?

Вскоре лица у всех побагровели от обильной еды и питья. У кого началась отрыжка, кто стал ковырять в зубах зубочисткой. А Хуан, который ничего не ел и через силу пил, искоса все поглядывал на спрятанный им бутерброд.

Рафаэль. Жаловаться мы не можем, нет... А потом, понимаешь, когда столько лет живешь за границей, уже вроде бы и не знаешь, откуда ты родом: отсюда, оттуда или вообще ниоткуда.

Пьернас. Я давно собирался провести в Испании отпуск, но вот приехал, и мне уже хочется, чтобы он поскорее кончился.

Хуан. К тебе здесь плохо относятся, что ли?

Мила. Не в отношении дело, а в том, что здесь у нас нет тех удобств, которые есть там.

Хуан. Ну еще бы: вы приехали и забрались в деревню...

Пьернас. Где я даже побриться своей электробритвой не мог.

Рафаэль (Хуану). А ты очень хорошо выглядишь, старик... Чем же ты теперь занимаешься в Мадриде? По-прежнему своей механикой?

Хуан. У меня сейчас полный порядок. Здесь не так уж плохо живется, знаешь. Я ни от кого теперь не завишу — у меня свое дело. Занимаюсь в основном продажей мотоциклов — только не нашего, отечественного производства, это хлам, — а импортных дорогих моделей. Может, вы знаете в Мадриде магазин Анхеля Нието — чемпиона? Ну, так вот рядышком с ним находится мой... А сейчас я еду немного прохладиться в Торремолинос, пользуясь свободными днями. А вы что думали?

¹ Ах так!

² Мы все из одного селения.

³ Из одной деревни?

Но этих людей вовсе не интересовала его жизнь. Пьернас взял Хуана под руку и почти насильно потащил к выходу; за ним следовал Рафаэль. Женщины тем временем пытались понять друг друга, ведя оживленный и бессвязный разговор на андалузско-немецком языке...

Среди стоящих на стоянке машин — знакомый «Мерседес»; Пьернас показывает на него с гордостью.

— Смотри, мы приехали вот на этой... Что скажешь, а?

Хуан. Как же мы преуспеваем, друзья! Неплохая машина, неплохая... Только смотрите, чтоб не появился хозяин и не застукал нас тут...

Рафаэль. Да ты что? Чокнутый, что ли?

Пьернас вынимает ключи от машины, открывает дверцу и садится за руль. Два раза нажимает на клаксон. Затем выходит и нарочито небрежно запирает машину, словно особой ценности она для него не представляет.

— Ты что, решил, что мы как раньше?.. Те похождения давно забыты.

В дверях бара появляются Мила и немка.

Мила. Ну что будем делать?

Немка. Sind wir gehen?¹

Рафаэль. Да что ты! Разве можно так расстаться, после того как мы столько лет не виделись?

Пьернас. Пойдем пропустим еще рюмочку...

Они снова у стойки бара. И снова рюмка за рюмкой... На пустой желудок Хуана это действует убийственно. А его недоеденный спрятанный бутерброд лежит совсем рядом — только руку протяни.

Мила (Хуану). Помнишь, что я тебе говорила много лет тому назад? Вот тогда тебе и надо было уехать вместе с нами... А теперь, даже если бы ты захотел, — ничего не выйдет — жила иссякла.

Хуан. А кто тебе сказал, что я захочу?.. Если я тогда не захотел уехать, то чего это я вдруг захочу теперь, когда я хорошо устроился? А вот многие из таких, как вы, вынуждены пока что вернуться обратно.

Рафаэль. Что верно, то верно. И если нас еще не выставили оттуда, то только потому, что мы там очень давно... А не то — возвращаясь домой с поджатым хвостом. Ладно, оставим этот разговор — каждый сам знает, что ему делать.

Пьернас. Давайте выпьем предпоследнюю.

Хуан. Ладно, только теперь угощаю я.

Пьернас. Да перестань! Не может быть и речи! Это дело наше.

¹ Поедем?

Хуан. Нет-нет, на сей раз плачу я. Или вы, может, думаете, что я...

Они долго спорят, и в конце концов Хуан сует бумажку в сто пестет в руку уставшего официанта, который тем временем уже наполняет рюмки.

Немка не говорит ни слова. Она только слушает и улыбается. Хуан незаметно пододвигает к себе бутерброд, лежащий на выступе под стойкой, и в этот момент встречается взглядом с немкой, которая за ним наблюдает и, видимо, все поняла. Эта немая сцена происходит во время общего разговора, который становится все более вялым.

Мила (Хуану). Я вижу, ты и сейчас проезжаешь мимо и не находишь нужным заехать повидаться с матерью... Ты к ней очень невнимателен, Хуанито.

Хуан смущенно молчит, потом задает нелепый вопрос:

— Ну и как она? Вы ее видели?

Все молчат в ответ, словно не хотят касаться этой темы. Они только утвердительно кивают. Одна лишь Мила не упускает случая пристыдить его.

— Она очень жалуется на свое одиночество. Ты совсем о ней не заботишься. Не пишешь, не посылаешь ей ничего... А ведь ты мог бы теперь... Вот мы, например, содержим всю семью здесь.

Пьернас. Я посылаю в среднем тысячу марок каждый месяц. А как же иначе?

Хуан. Я тоже об этом думал и собирался... Но как-то так получается, что время бежит и ты не успеваешь...

Мила. Подумай о ней. Ты даже не представляешь себе, в каком она состоянии, бедняга.

Рафаэль. Она очень постарела...

На этом и завершается их встреча, оставив горьковатый осадок и ощущение недоговоренности. Пьернас расплывается — и Хуан уже не противится этому, — после чего все направляются к выходу.

Сидя за рулем «Мерседеса», Пьернас спрашивает Хуана, пока остальные усаживаются в машину:

— Подвезти тебя куда-нибудь? Прокатись с нами: почувствуешь, что такое высший класс...

Хуан. Да нет, у меня своя машина.

И он делает неопределенный жест в сторону машин, стоящих на стоянке, не уточняя, какая именно — его.

Мила (Хуану). А ты куда поедешь?

Пьернас. Покорять сердца, наверное?..

Он резко дал газ. «Чересчур», — подумал Хуан. Стоял такой шум, что никто не расслышал ответа Хуана.

Пьернас. Что-что?!

Хуану пришлось прокричать:

— Подружка!.. У меня подружка в Торремолиносе... Она меня ждет.

«Мерседес» уже отъезжал.

Пьернас крикнул:

— Ты настоящий Дон Жуан!

Хуан крикнул еще громче:

— Она шведка и не может жить без меня!

И он выдал из себя неестественный смех. Приятели уехали, тоже смеясь. Хуан остался на стоянке под нещадно палящим солнцем один, понуро опустив голову. Его шатало и мутило как пьяного.

Хуан открыл глаза и зажмурился от слепящего света. Рядом и над собой он видел тусклые, зеленоватые, покрытые пылью листочки.

Он лежал, распластавшись, на иссушенной земле под сенью редкой листвы неказистого оливкового деревца. Оливковое дерево навевало грусть.

Хуан приподнялся. Вокруг тянулись, словно выстроенные в шеренгу, однообразные и бесконечные ряды таких же деревьев, издавна произрастающих на этой каменистой и сухой земле.

Хоть он и поспал, но голова продолжала болеть.

— Все от этого дерьмового коньяка!.. Что за дурацкая попойка.

Хуан до того разморил от жары и так мутило, что, если бы не прилег, наверняка раскроил бы себе череп по дороге. Чертова поездка!

Во рту у него пересохло, на душе было мутно. Поэтому неудивительно, что все представлялось ему в премерзком свете. Недоденный бутерброд с тортилей лежал рядом — по нему ползали журавы. Хуан взял его и тщательно очистил от насекомых, но у него не было сил откусить кусок. И он со злостью отшвырнул бутерброд подальше, словно то, что он отшвыривал, олицетворяло собой все дурное в его жизни.

Вот тогда-то он и увидел вдали бегущего по оливковой роще человека. Это был юноша в парадном, расшитом серебром костюме пурпурного цвета, созданном явно руками третьесортного портного. Он бежал задыхаясь, с выражением ужаса и отчаяния на лице, спасаясь от чего-то, бежал, не зная точно куда, пока не увидел Хуана. Тогда он устремился к нему, словно это был якорь спасения.

Издали доносились крики и лай собак.

Хуан встал на ноги, еще ничего не соображая, а бежавший юноша в костюме тореадора уже оказался рядом, судорожно вцепился в него и, тяжело дыша, умоляющим голосом залепетал:

— Они гонятся за мной. Эти звери преследуют меня и хотят расправиться... Помогите мне ради всех святых!

Все ближе и ближе слышались крики, лай собак и конский топот Торо. Если они схватят меня — мне конец... Увези меня отсюда, спаси! Понимаешь, мне стало страшно... Да-да, страшно... Я испугался и убежал... Выскочил в окно, когда за мной пришли, чтобы повести на корриду... Я пустился бежать и вот... Понимаешь, не могу я быть торо, не могу, не могу. А без торо нет корриды... А если не будет корриды, меня убьют... Они все могут... Сейчас ведь праздники... Они потратили деньги... Вот они идут! Ради бога, спаси меня!

Все это казалось нелепым и диким. Хуану передавался панический ужас юного торо.

На дороге, тянувшейся вдоль оливковой рощи, показались люди, собаки, всадники на лошадях и даже двое мужчин на мотоцикле. Люди были вооружены палками и кричали.

Хуан запустил мотор и начал колесить между оливковыми деревьями с ухватившимися за него сзади незадачливым торо.

Но как только он направился в сторону шоссе, ему стало ясно, что они почти со всех сторон окружены. Хуан попытался проскочить до того, как кольцо преследователей полностью сомкнется. Но ему это не удалось. Пока кольцо все плотнее сжималось, «Могучий» «поскользнулся» и Хуан с торо свалились на землю, вывалившись в золотистой пыли.

Преследователи тут же набросились на торо, скрутили ему руки и, надавав тумаков, затолкали в машину «Лэнд-Ровер». Какой-то мужчина в летах влепил ему пару пощечин.

«Лэнд-Ровер» покати, поднимая столб пыли.

Тем временем между Хуаном и преследователями вспыхнула жаркая перебранка, и, казалось, наш механик вот-вот пустит в ход кулаки. Под конец его заставили сесть на мотоцикл; позади него уселся один из тех, кто, по-видимому, был облечен наибольшей властью.

Под охраной всадников, собак и целой свиты пеших «охотников» они направились в сторону ближайшего селения, пересекая оливковую рощу и следуя за пыльным хвостом, который оставил едущий впереди «Лэнд-Ровер».

В центре площади, окруженной деревянным барьером и ставшей сейчас ареной для боя быков, — фонтан с бассейном. На балконе аюнтамиенто¹ — поднятый флаг. Там, где обычно стоят машины и повозки, — ревушая толпа зрителей под палящим солнцем. На почетных местах — представители власти. Все ждут начала корриды, которая хоть и с опозданием, но все же должна состояться.

¹ Сельское самоуправление.

Из загона выпускают молодого бычка. Это — первый номер в программе праздника. Бычок атакует и бодается, пугая всех и вызывая истошные крики у людей, заполнивших арену.

Беготня, крики, стычки. Визжат женщины и дети.

Кто-то ловко перепрыгивает через барьер, чтобы спастись от преследования разошедшегося бычка. Его пытаются отогнать, пустив в ход палки и посохи.

Незадачливый торо стоит в тени повозок; он очень бледен и старается привести в порядок себя и свой расшитый серебром костюм, которому здорово досталось во время его панического бегства.

Рядом с ним — два молоденьких участника предстоящего боя; один из них обтирает кровавую ссадину на лице торо. Видно, парня основательно избили. Зато он будет участвовать в корриде. По крайней мере именно об этом говорит его грустный, покорный взгляд, устремленный на Хуана.

Хуан тем временем разговаривает с людьми, ответственными за торжество, — членами своеобразного организационного комитета по проведению праздников в честь пресвятой девы.

По-видимому, с Хуаном заключен почетный мир.

1-й м у ж ч и н а. Парень будет участвовать в корриде. Несмотря ни на что — будет.

2-й м у ж ч и н а. Он уже очухался от страха и вот готовится...

3-й м у ж ч и н а. Он наложил полные штаны. Что ни говорите — наложил и дал деру...

1-й м у ж ч и н а. Может, это я виноват... Когда сегодня утром они пришли, я повел их посмотреть на быков, с которыми им предстоит иметь дело...

Мужчины посмеиваются, и Хуан понимает по этим смешкам, что быки, отобранные для корриды, ничего хорошего юным торо не предвещают.

Х у а н. Быки крупные?

1-й м у ж ч и н а. Да, очень крупные и хорошо откормленные... Мы тут любим крупных быков, крепкое вино и женщин в теле...

И опять смешки.

Хуан взглянул на несчастного торо, который готовился к бою. У того был вид обреченного. Хуан со злостью повернулся к своим посмеивающимся собеседникам.

— Ну ладно! Теперь поговорим обо мне... Вы не имеете права задерживать меня здесь и отбирать мой мотоцикл, так что...

2-й м у ж ч и н а. А зачем вы суетесь куда не надо?

Х у а н. Еще чего! Опупели вы, что ли? Мало того, что человек помог ближнему, так его еще хотят впутать черт знает во что!

3-й мужчина. Тут никто никого не впутывает! И будь на моя воля...

Хуан. Ну и что бы вы сделали?

1-й мужчина. Ладно, ладно... Спокойно... Все ясно. Вот клчи от вашего мотоцикла.

И он протягивает ключи Хуану. Тот берет их. Наступает неловкая пауза. Рядом раздаются нетерпеливые возгласы собравшихся площади. Мужчина, передавший Хуану ключи, протягивает ему руку. Хуан ее пожимает.

1-й мужчина. Все в порядке! Теперь вы наш гость. Можете бесплатно посмотреть корриду и, если вам это улыбается, провести здесь ночь...

2-й мужчина. И можно потанцевать и полюбоваться на фьерверк... Увидите, какие мы тут устраиваем торжества в честь пресвятой девы!

Хуан держит на ладони ключи и с виноватым видом нежно смотрит на своего «Могучего». Мужчина хлопывает его по плечу — Кто помянет старое...

Тем временем на арене несколькими парням удалось наконец справиться с бычком, который уже еле держался на ногах. Один из них — огромный здоровяк — так вывернул ему шею, что чуток не свернул ее окончательно. Общими усилиями бычка спихнули в бассейн; он вылез оттуда, спотыкаясь и падая. После всех унижений, которым его подвергли, побежденное животное водворили наконец обратно в загон.

В это время рожок и литавры возвестили о начале корриды.

Солдаты муниципальной гвардии начинают освобождать арену от зрителей.

Звучит музыка, и три юных тореро совершают традиционный выход на арену. Впереди идет знакомый нам юноша, вооруженный шпагой; он очень бледен и весь напряжен.

Публика громко выражает свое недовольство и осыпает его бранью. Парни колотят палками по деревянному барьеру, и это звучит зловеще и угрожающе.

Звуки рожка возвещают о скором появлении быка, и тореро направляется к центру площади. Он становится на колени и просит прощения у публики. В ответ раздаются бурные овации. После этого тореро поправляет свой головной убор, разворачивает красный плащ и, стоя на коленях, ждет появления быка.

Хуану кажется, что этот огромный старый бык, эта многопудовая туша, ринувшаяся на тореро, — хищный зверь; и он мысленно желает случайному подопечному благополучного исхода боя.

Тореро, стоя со шпагой в руках, выдерживает первое нападение быка, почти не меняя положения тела. Раздаются громкие аплодисменты.

Бык начинает свирепеть. Атмосфера корриды накаляется. Хуан понимает, что в сердце юного тореро вновь вселился дикий, неодолимый страх. Он читает это в обезумевшем взгляде, которым юноша иногда бросает в его сторону.

Хотя в быка уже успели вонзить бандерильи, он по-прежнему крепко стоит на ногах — могучий, исполненный властной силы.

Когда дело доходит до мулеты, становится ясно, что близится астроба. Промахи тореро следуют один за другим. Внезапно охватывает панический ужас, он начинает метаться, пытается отбегнуть от разъяренного быка у запасного выхода или между палками, но парни отгоняют его палками.

Выхода нет, ему не миновать смерти в поединке с быком.

Хуан бессилен что-либо сделать; об этом говорит его взгляд на отчаянную мольбу в глазах тореро. Юноша мечется по арене из стороны в сторону, преследуемый расшвырянным животным.

Загнанный зверем в человеческом обличье. Хуан встает и уходит. Он не хочет видеть финала. И не в силах помочь парню.

Треск заведенного мотоцикла заглушается пронзительными истеричными криками женщин, громкими возгласами чертыхающихся мужчин, руганью, резкими звуками рожка и стуком палок по деревянному барьеру. Сопровождаемые этим зловещим гулом, Хуан и его «Могучий» под палящим солнцем покидают площадь, где стоялась большая праздничная коррида в честь пресвятой девы.

Подталкивая мотоцикл, Хуан ставит его в тень оливкового дерева — в том месте, где кончается оливковая роща и откуда вверх по автостраде ведет пыльная дорога.

Хуан принимается за работу: нужно снять заднее колесо, так как на покрышке зияет здоровенный прокол. Но прежде чем опустить его на корточки, он со всей силы дает пинка своему «Могучему» — как он вымещает на нем свою ярость, гнев, досаду — все, что накопилось у него в душе.

— Сукин ты сын! И ты туда же, да? И ты против меня, как они все! Только этого еще не хватало. Ну и поезdochка! Нечего сказать! Ни тебе Торремолиноса, ни девочек, ни черта. Конечно, этого нужно было ожидать. Мой дерьмовый мотоцикл — а ты, «Могучий», дерьмо высшей марки — не может, видите ли, ездить по полю. И вот теперь, черт бы тебя побрал, вымазывайся в масле из-за тебя, снимай колесо и мотайся в поисках мастерской, чтобы залатать этот прокол, а потом возвращайся обратно и двигайся дальше. Чтб тебе изжариться в аду, «Могучий!» Так по-свински не поступают с другом, нет. Клянусь — покоя тебе не будет. Потому что, если мы к ночи не прибудем на место, на кой черт тогда мы затеяли эту

поездку? Оставайся тут один, паршивец. И знай: ты мне заплатишь за все.

Он протер замасленные руки сухой землей, привязал «Мо.уче-го» цепью с замком к стволу оливкового дерева и начал карабкаться с колесом по откосу до автострады. Там, тяжело дыша и обливаясь потом от нещадно палящего солнца, Хуан, набравшись терпения, стал ждать.

Теперь надо было, чтобы кто-нибудь захотел остановиться и подвезти его вместе с колесом до ближайшей мастерской или станции обслуживания. Хуан посмотрел на пикетный столб с обозначением гектометров, чтобы запомнить, на каком участке дороги находится его укрытый и прикованный к дереву мотоцикл.

Было около семи вечера, и Хуан рассчитал, что если не возникнет никаких осложнений, то он сможет добраться до этого вертепа, именуемого Торремолинос, около полуночи.

Движение в обе стороны было не очень интенсивным, но сколько Хуан ни поднимал руку, сколько знаков ни делал, взывая к проезжавшим о помощи — всего-навсего подвезти, чтобы залатали прокол, — сколько ни чертыхался, ни улыбался, ни умолял и ни посылал проклятий, ни одна машина не останавливалась.

Хуан. Сукины сыны! Эгоисты! Уроды! Подонки!

Наконец на него обратили внимание люди, сидевшие в ярко разукрашенном микроавтобусе, на котором была нарисована карта их кругосветного путешествия, да и весь он пестрел цветами, изречениями, рисунками и маленькими флажками: американскими, австралийскими, новозеландскими, канадскими и др.

Машина остановилась в нескольких десятках метров дальше того места, где стоял Хуан, и ему пришлось бежать по направлению к ней с колесом на плече.

Он жестами стал объясняться с водителем — лысеющим рыжим полуголым бородачом, рядом с которым сидели две девицы: одна дремала, а другая жевала чикле и улыбалась. В итоге переговоров ему разрешили сесть в машину, открыв изнутри дверцу.

Хуан с большим трудом кое-как втиснулся в машину. Салон автобуса, принадлежавшего группе хиппи, напоминал толкучку, и, казалось, здесь можно найти что угодно: корову, подводную лодку, судью верховного трибунала и всякую всячину. Тут находилось несколько девиц и молодой негр — тощий, с толстыми губами, с огромной шапкой мелко вьющихся волос и с гитарой. Девы были самые разные: толстые и худые, высокие и низкорослые, с пышным бюстом и почти плоскогрудые, черные от загара и слегка загоревшие, с покрасневшей и облупившейся кожей и с кожей оливкового цвета, веснушчатые и белокожие, в солнцезащитных очках и без них, накрашенные и без макияжа.

Хуан не знал, как ему пристроиться среди наваленной на полу груды кастрюль, рюкзаков, спальных мешков, транзисторов, циновок, сумок, бутылок и консервных банок.

Он пытался где-нибудь примоститься, но его со всех сторон плотным кольцом окружали чьи-то бедра, ляжки, ноги, груди, локти, шевелюры.

Когда машину трясло, пышные бюсты и грудки всех размеров соблазнительно трепыхались перед Хуаном и рядом с ним.

Девы были одни симпатичные, другие равнодушные ко всему происходящему, третьи крайне любопытные. Одеты они были на самый разный манер: в мини-шорты, в длинные индийские туники, в болгарские блузки, в стиранные-перестиранные джинсы, в разрисованные майки, а одна даже в атласное вечернее платье.

Парень с гитарой и две девы пели хором очень мелодичную песню; молодая негритянка играла на флейте.

Одна из девиц — тощая, в очках, с наслаждением курила и пристально смотрела на Хуана, загадочно улыбаясь и ласково поглаживая по волосам веснушчатую девушку, которая всячески пыталась поговорить с ним.

Хуан не понимал, что говорила ему эта милашка. Чертовски трудно объясняться с иностранцами.

Но девушка прилагала максимум усилий, и, следуя методу «Тарзан — Джейн», Хуан понял, что ее зовут Салли:

— «Салли — Хуан», «Хуан — Салли».

Вслед затем Салли представила ему всех присутствующих, назвав уйму звучных имен. Ключом к взаимопониманию послужил опять-таки «Торремолинос». Выяснилось, что все направляются туда, на южное побережье.

Хуан почувствовал себя свободнее, но все же время от времени его охватывало беспокойство, потому что из того «колодца» в глубине машины, где он примостился, ничего не было видно, и он не знал, где они находятся.

Иногда он с огромными усилиями выкарабкивался из своего закутка, раскидывая наваленные вокруг картонки, пакеты с едой, кастрюли и прочие вещи, расталкивая чьи-то тела, и, став на цыпочки, высовывался из окна.

Снаружи — все тот же пейзаж: незасеянные поля, оливковые рощи. И все то же палящее солнце.

Девы тянули Хуана вниз, щебеча и смеясь, и заставляли сесть на прежнее место.

В этой толкотне и тряске одна из девиц повалилась на него; так в объятьях Хуана оказалась прелестная Салли. Оба рассмеялись.

Салли взъерошила его волосы и что-то сказала.

Тощая девица тем временем не спускала с него глаз, продолжая улыбаться своей загадочной улыбкой и помогала Салли вернуться

на свое место, рядом с ней, стараясь поскорее заполучить ее обратно.

У Хуана было такое ощущение, что Салли нравилась этой тощей девице в такой же мере, как и ему, что он был ее соперником.

Песня, которую пело трио, была прелестной. Флейта звучала мягко и чуть грустно.

Толстуха дала Хуану что-то выпить и передала ему сигарету, которую курила.

Что за чертовщина! Это была не обычная сигарета, а с «начинкой». Боясь, как бы не подумали, что он в этом деле новичок, Хуан затягивался ею, как обычным табаком. Передавать ее никому не надо было. Все ему.

Салли взяла его руки в свои и изучала эти руки механика, на которые работа наложила свой отпечаток, со свежими масляными пятнами и следами грязи от возни с колесом.

Салли обнаруживала порезы, шрамы, мозоли. Она наклонила голову, и ее белокурые длинные волосы ниспадали на руки Хуана. Кокетливым и прелестным движением головы она отбрасывала их назад и произносила какие-то короткие фразы своими влажными улыбающимися губами.

Тощая девица кивала и продолжала смотреть на Хуана.

А Хуан все курил и курил.

Звучала гитара, звучала флейта, девицы хлопали в такт в ладоши, а рыжеволосая пела, как ангел небесный.

Хуан снова стал на цыпочки и высунул в окно; он заметил, что у него поубавилось сил, он весь словно размяк. Казалось, машина

не двигалась с места, потому что треклятый пейзаж под палящим солнцем был все тот же. Когда он вернулся на свое место, Салли внимательно слушала, что ей шептала на ухо тощая девица.

Хуан продолжал докуривать свою «петарду» и видел совсем рядом грудки Салли, выглядывавшие из-под тончайшей, почти прозрачной туники, которая была на ней. Видел язычок и губы Салли, которые она покусывала своими маленькими зубками.

И Хуан подумал, что впервые с того момента, как он покинул свою мастерскую — тысячу лет тому назад, — он чувствовал себя хорошо. Особенно когда Салли смотрела на него вот так, как сейчас.

Да, Хуан был счастлив, и, улыбаясь во весь рот, он обращался ко всем присутствующим:

— Слушайте, детки мои... Знаете, что я вам скажу?.. Что все это, как в кино... Да-да... Как в кино, черт возьми!.. И что в первый раз за эту поганую поездку мне хорошо... Здесь, с моими девочками, я курю и жду... Курю и жду... Ай, Салли, я тебя люблю!.. Ай лав ю тебя, и тебя, и тебя... Всех!.. И тебя тоже, дружище, только никому не говори... И Салли люблю... Ай, Салли, Салли, моя Салли!..

Толстуха смеялась, надрезая огромный арбуз, который она вытащила из большой пластмассовой сумки с растаявшим льдом. Арбуз выскользнул у нее из рук и покатился в сторону Салли.

Хуан курил и улыбался, в то время как толстуха обрызгивала его водой, встряхивая над ним мокрые руки, после чего обтирала ими свое лицо, шею и подмышки.

Салли смотрела на Хуана.

Хуан сквозь густую и белую завесу дурманящего дыма видел, как она улыбается и что-то говорит ему, но он ее не слышал.

Тощая девица вынула наваха и раскрыла ее.

У арбуза был толстый, прямой и твердый отросток.

Салли провела язычком по губам, глядя то на Хуана, то на арбуз.

Лезвие навахи ярко сверкнуло, когда тощая девица, почти не отводя глаз от Хуана, ловко обрезала толстый отросток арбуза.

Хуан весь съежился и машинально прикрыл руками низ живота.

Тощая девица на секунду задумалась, затем снова заулыбалась своей загадочной улыбкой, похожей на гримасу.

А Салли тем временем громко хохотала. Ее грудки мягко вздрагивали под тонкой тканью, словно это были маленькие живые существа.

Хуан очистил кончик окурка и глубоко затянулся — так, чтобы дым проник как можно глубже и дошел до самого сердца.

Они разожгли костер, и в отблесках пламени плясали тени деревьев и кустарников. Ночь была светлой, и высоко в небе неподвижно застыла белая луна.

Микроавтобус стоял неподалеку, на этой свежей, зеленой лужайке, чудом возникшей, как оазис в пустыне. Мягко звучала музыка, слышались переборы гитары, нежные звуки флейты, приглушенная дробь банго.

Одни девушки пели и танцевали вокруг огня. Другие курили, растянувшись в сладкой истоме на траве. Третьи, играя, гонялись друг за другом в сгущающейся темноте.

Все это — и музыка в ночи, и смех, и веселые голоса, и цветы — создавало атмосферу мира и покоя.

Были и тихие неторопливые беседы. Рыжеволосый бородач, водитель микроавтобуса, пытался разъяснить и доказать Хуану правоту своих взглядов. Тот не понимал, о чем шла речь: бородач касался событий и называл имена, о которых Хуан никогда не слышал. И говорил рыжебородый на плохом испанском языке, то и дело вставляя итальянские и французские слова.

Рядом с ним, положив голову ему на колени, лежала тощая девица в очках — притихшая и покорная. Она плела венок из крохотных полевых цветов.

Хуан смотрел на все это, и ему казалось, что он находится в каком-то волшебном мире; его охватывало чувство блаженства, словно он погрузился в нирвану.

В многозначительных высказываниях нового друга Хуан улавливал иногда такие слова, как «Вьетнам», «война», «мир», «индейцы», «негры», «экология», «йога», «мировая душа», «любовь».

Бородач говорил, и сигарета с дурманящим зельем легко, плавно переходила от очкастой девицы к нему, от него к Хуану.

Хуан как зачарованный смотрел на всю эту фантазмагорию форм и звуков, на пляшущие языки пламени, чувствовал освежающее дуновение легкого ветерка.

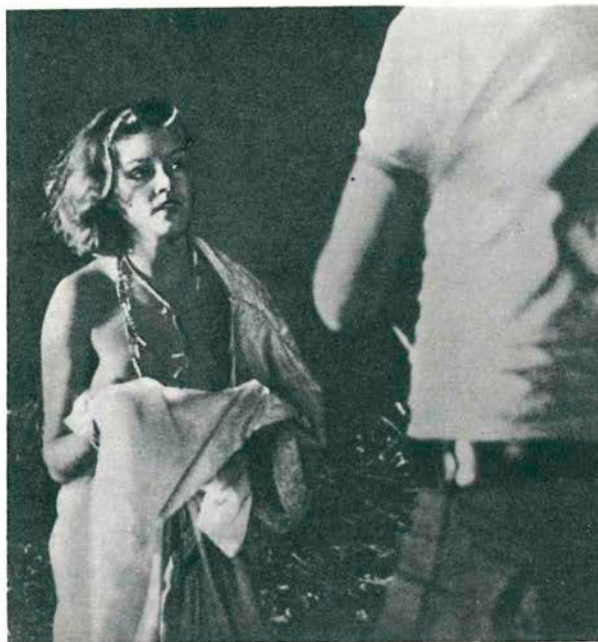
Но глаза его прежде всего искали глаз веснушчатой Салли — самого милого существа, которое он когда-либо встречал в жизни.

А Салли тем временем плясала и скакала, щебетала и смеялась; волосы ее были распущены, и юное нагое тело просвечивало сквозь тонкую ткань длинной, богато расшитой туники. Она подбегала к Хуану, заигрывала с ним, пряталась за его спиной, втягивала его в детскую игру в прятки. Салли брала его за руку и заставляла бежать за нею и спастись от нее, танцевать и прятаться, пока они не оказались вдали от остальных, наедине, под покровом густой тени.

Они поцеловались при свете луны, и поцелуй Салли был как бы продолжением игры, выражением радости, наслаждения жизнью.

Она снова подарила ему поцелуй, и Хуан, охваченный страстью, обнимал ее все крепче, все более пылко, почти грубо.

Подобно тучке, внезапно заволакивающей луну, тень грусти легла на миг на лицо Салли. Потом она снова заулыбалась и хотела выскользнуть из рук Хуана, чтобы продолжить прерванную игру.

Но Хуан не выпускал ее из своих цепких объятий, прижимая к себе и целуя ее с ожесточением долго подавляемой страсти.

Салли безуспешно пыталась вырваться, когда вдруг раздался треск рвущейся ткани ее туники, похожий на жалобный стон.

Наступила такая тишина, словно все в мире замерло. Потом Хуан услышал, что Салли что-то говорила — какие-то слова, которые он не понимал, и увидел, что она плачет.

Он понял, что она жаловалась на его грубость, на животное проявление страсти, на его убогие ласки и жесткие руки.

Да, во всем виноваты были руки Хуана.

Салли сняла с себя свою чудесную тунику и жалобно причитала над нею, над непоправимым злом, причиненным ее самому драгоценному сокровищу. Нагая и словно окутанная лунным светом, она безутешно плакала.

Хуан смотрел то на обнаженное тело Салли, то на свои причинившие ей боль руки.

Салли продолжала причитать, теперь уже все тише и тише; взяв руки Хуана в свои, она объясняла ему — и он в какой-то мере понимал, что она хотела сказать — как надо ухаживать за руками, за его руками мужчины и труженика.

Она принялась оттирать травой вьевшиеся в кожу масляные пятна на его руках, шлифовала камешком его ногти, приподнимала

своими ноготками, маленькими, крепкими и острыми, твердую и темную от несмываемой грязи кожуцу вокруг его ногтя, откусывая ее своими крохотными зубками.

Теперь она уже гладила эти руки своими нежными мягкими ручками, и снова улыбалась Хуану, и смотрела на него светлыми и влажными от слез глазами.

И она ждала его поцелуя и не противилась его ласке, когда он осторожно гладил ее плечи, спину и маленькие грудки.

Они предавались любви на теплой земле, освещенные лунным светом, и со стороны костра до них доносились приглушенные звуки музыки.

Хуана разбудили первые лучи солнца, блеснувшие над окутанным туманной дымкой и порозовевшим горизонтом. Он открыл глаза. И в ту же минуту осознал, что сновидение закончилось.

Вокруг — ни живой души, Хуан был один-одинешенек в царящей кругом тишине.

Вокруг — никого. Ни Салли, ни ее спутников и спутниц, ни микроавтобуса — никого и ничего. Хуан разом вскочил на ноги. Да, он был один как перст посреди вселенной. Неподалеку валялось его колесо с продырявленной покрывшей. Оно было похоже на похоронный венок, возложенный в память невозвратно ушедшему.

Хуан побежал в сторону костра и убедился в том, что он был давно и тщательно погашен.

Его охватило чувство глубокого отчаяния; он схватил и с яростью отбросил в сторону колесо, которое, подскочив пару раз, оказалось за пределами этого зеленого островка — на выжженном солнцем поле.

Колесо, смешно подпрыгивая, прокатилось несколько метров среди борозд, затем упало.

Хуан почувствовал вдруг, что он продрог от ночной прохлады и ужасающе одинок. Он засунул руки — злосчастные свои руки — в карманы. Кончиком носка переворочил холодный пепел потухшего костра. Затем, понуро опустив голову, побрел за своим колесом.

Хуан шел по обочине дороги по солнцу, которое вновь нещадно палило, словно за что-то карая землю своим жаром. Иногда он оглядывался назад — не видно ли какой-нибудь машины.

Нет, не видно. В такой ранний час автомашин, ехавших на юг, было обычно мало.

Так он и шагал с этим неотвязным чувством одиночества и со своим колесом на плечах, когда, преодолев подъем на дороге, увидел нечто, вселившее в него надежду. На противоположной стороне по дорожке, проложенной по полю, ехал на муле крестьянин; у обочины дороги он остановился и внимательно огляделся по сторонам — свободен ли путь для перехода.

Хуан громко окликнул крестьянина, когда тот пересек автостраду и выехал на обочину, оказавшись метрах в тридцати от него, спросил про ближайшую мастерскую.

Крестьянин. Самая близкая — на станции обслуживания. В семи километрах отсюда.

Хуан. Так далеко?.. Черт... А это точно?

Крестьянин заметил отчаяние в глазах Хуана и решил предложить другой выход из положения.

— Конечно, можно было бы...

Хуан. Что?

Крестьянин. Я вот подумал... По-моему, и в деревне вам смогут ее залатать...

Хуан. В какой деревне?

Крестьянин. В моей — в какой еще... Туда я и направляюсь. Два километра отсюда.

Хуан. Да ну! А вы не подвезете меня туда? Вы оказали бы мне большую услугу...

Крестьянин. Подвезти?.. Слишком тяжело для моего мула.

Хуан. Ерунда. Я за все заплачу...

Крестьянин. Да что вы, что вы... Слишком тяжело для него в самом деле... Не знаю даже...

Хуан. Ну чего там раздумывать... Поехали!... Ваш мул выдержит троих таких, как я...

Крестьянин. Ну ладно, забирайтесь... Но вот только...

Хуан. Вы мой спаситель!

Но прежде чем помочь Хуану взобраться на мула, крестьянин без всякого стеснения взял от него бумажку в сто песет, от которой минуту назад с таким достоинством и благородством отказался.

С трудом примостившись позади крестьянина в очень неудобной позе, с раскоряченными ногами и с треклятым колесом в руках, Хуан трясся на тощем муле, который еле ковылял по обочине дороги.

Движение на автострате временами становилось оживленнее, и Хуан с черной завистью и отчаянием смотрел на проносившиеся мимо них машины.

На повороте дороги им пришлось съехать с обочины на шоссе, так как перед ними возникло неожиданное препятствие — какая-то металлическая машина двигалась с таким скрежетом, что перепуганные ящерицы, нежившиеся на солнце, поспешно расползались, а птицы разлетались во все стороны.

Проехав еще несколько метров, наши рыцари на муле догнали эту странную машину.

Она состояла из двух металлических, параллельно вращавшихся колес, соединенных между собой несколькими перекладинами. В середине каждой перекладины было нечто вроде ступенек — одна справа, другая слева. А внутри, то есть между колесами, двигался какой-то мужчина: худой, жилистый, в высоких ботинках, коротких штанишках, спортивной кепочке и с вещевым мешком на спине.

Мужчина этот шел по ступенькам! Наступая на них, он вращал колеса, что и производило такой адский скрежет.

Хуан и крестьянин смотрели на изобретателя и его машину, вытаращив глаза от удивления.

Изобретатель не сразу обратил внимание на их присутствие, настолько он был поглощен своими усилиями на этом необычном виде транспорта.

Крестьянин. Добрый день!

Хуан. Добрый день...

Изобретатель. Добрый...

Хуан. Может, вам подсобить?

Изобретатель. Вы что, журналисты?

Крестьянин. А я не знаю... Я и читать-то не умею.

Изобретатель (Хуану). А вы что скажете?

Хуан. Я?.. Мы, так сказать, туристы... А вы?

Изобретатель. Изобретатель... Я много лет этим занимаюсь и изобрел уйму вещей... Обо мне два раза писали в газетах...

Хуан. А по телевидению не показывали?

Пожилой мужчина, видимо, уловил насмешливую нотку в словах Хуана и с этого момента был все время начеку. А крестьянин занимал нейтральную позицию.

Изобретатель. По телевидению пока нет...

Хуан. Еще покажут... Ну а вот это — тоже ваше изобретение?

Изобретатель. Да, конечно... Самое последнее на сегодняшний день... И самое лучшее. Оно принесет мне много денег... Да что я говорю — много. Тысячи...

Хуан. Да? А что это такое?

Изобретатель. Разве вы не видите?.. Это машина будущего... Когда я ее усовершенствую как следует, это произведет революцию... Мое изобретение станет большей сенсацией, чем в свое время водяной мотор. Вы помните?

Хуан. Водяной мотор?.. Первый раз слышу.

Изобретатель. Даже правительство этим заинтересовалось... Потом, конечно, зависть за границей... Потому что надо знать, как нам завидуют за границей!.. В Испании ведь очень развит дух изобретательства... Ну, а к этой моей машине никто не сможет придраться... Как видите, она не нуждается ни в бензине, ни в масле, ни в воде, ни в чем... Иначе говоря, представляете себе, какую это даст экономию валюты... Поверьте мне — это изобретение века...

Хуан. Да будет вам заливать... Велосипед уже изобретен и к тому же на нем можно ехать сидя...

Изобретатель. Да, но там цепи, гайки, масло, резиновые шины... Это не чистый продукт, понимаете?.. А моя машина использует только человеческую энергию... Она чистая... Она обходится без всего... И главным образом, без ремонтных мастерских...

Хуана живейшим образом затронула эта тема.

— А что вы имеете против ремонтных мастерских?

Изобретатель. Там одни жулики.

Хуан. Вот как!.. Ну так знаете, что я вам скажу?.. Эта ваша железка — дерьмо...

Изобретатель. Ты грубый и невежественный человек, парень... И ты против прогресса...

Хуан. Я против таких умников, как ты... Только потому, что ты изобрел эту дурацкую ерунду, ты считаешь себя вправе оскорблять механиков... Пошел ты знаешь куда!.. Что ты понимаешь в механике? Жалкий неудачник! Ты просто чокнутый!

Изобретатель. Без оскорблений, э!.. Вы оба не знаете, с кем разговариваете!

Крестьянин. А я что?.. Я ничего не сказал...

Хуан. Вы тоже не знаете, кто я такой, э?..

Изобретатель. На чужом муле и с проколотой покрывкой — сразу видно...

Хуан. Что ты там мелешь, циркач! Что сразу видно?..

Изобретатель. А то... Что ты голодранец...

Хуан. Не смей оскорблять! Не то я тебе так напощу, что ты разом вылетишь из твоей вафельницы... Дерьмо ты, а не изобретатель!

Неизвестно, что было бы дальше, если бы в этот момент крестьянин не свернул на узкую дорожку, пролежавшую между виноградниками, на которой стоял столб с табличкой. На проржавевшем металле стрелка указывала направление, название деревни и расстояние до нее. Все это было мало разборчиво.

Тем временем изобретатель со своей машиной докатил до того места на дороге, где начинался крутой спуск, и оба они покатались вниз с головокружительной скоростью.

По мере того как нарастала скорость спуска, видно было, как изобретатель отчаянно пытается затормозить стремительный бег своей «машины будущего», продолжая в то же время посылать в адрес Хуана разнообразный набор ругательств.

— Наглец! Голодранец! Невежда! Урод!..

Хуан реагировал на все это весело, не оставаясь в долгу. И он и крестьянин громко хохотали, и между взрывами смеха Хуан, сделав величественный прощальный жест, выкрикнул вдогонку изобретателю:

— Пугало!.. Чего только не придумает, лишь бы не работать, шантрапа! Костей не соберешь, когда донизу докатишься!.. Псих!

Вскоре изобретатель исчез из виду, хотя все еще слышались его выкрики и грохот катящейся под гору «машины будущего».

На небольшой деревенской площади царила странная тишина. Церковные колокола зывали к мессе. Часы на башне показывали одиннадцать.

Стоя на пороге мастерской, Хуан допивал маленькими глотками бутылку пива, разглядывая все вокруг.

Он видел молчаливых и спокойных мужчин: в одиночку или группками они стояли в тени, прислонившись к стене, или сидели на каменных скамьях на этой белой и залитой солнцем площади.

Механик трудился в мастерской над колесом «Могучего» и безостановочно говорил. В сущности, один он и разговаривал в этом молчаливом царстве.

— Вы не беспокойтесь... Праздник или что там еще — не важно. У вас трудности — значит, надо помочь... Скоро будет готово...

Он остановился на секунду и глотнул из бутылки с пивом, которым Хуан угостил его.

— За ваше здоровье... Вот я и говорю: кому как не нам помогать друг другу... И вы поступили бы так же, верно?

Хуан кивает, но видно, что ему не по себе от этих слов. Взгляд его скользит по инструментам в мастерской и по этому товарищу по профессии, который приводит в порядок его покрывшу.

Механик. ...Сегодня я тебе, завтра ты мне...

Чтобы как-то уйти от всего этого, Хуан берет пустую бутылку от пива, из которой пил механик, и выходит из мастерской.

На площади появилось несколько женщин и детей: они спешат в церковь. Какой-то старик тоже направляется туда. А мужчины остаются на своих местах, лишь иногда меняя позу.

Хуан вошел в бар, находившийся рядом; там не было ни души: одни только мухи да старик за стойкой. С экрана телевизора диктор нес какую-то чушь.

Хуан купил сигареты и заплатил за пиво.

Диктор потчевал зрителей обычным набором пустых, напыщенных фраз, напоминавших победные реляции, а Хуан тем временем все смотрел на угрюмые лица мужчин на площади.

Они стояли, словно в ожидании чего-то. Церковный колокол умолк, и воцарилась мертвая тишина.

Хуан вернулся в мастерскую. Его коллега заканчивал работу.

Механик. Ну вот, все в порядке.

Хуан. Я вижу... Хуже всего, что надо еще дотопать с ней до автострады.

Механик. Насчет этого не беспокойтесь... За двадцать дурос вас на руках туда донесут... На руках...

Механик подошел к дверям, где стоял Хуан, и они вместе стали смотреть на мужчин, все чего-то ожидавших на площади.

Механик. Знаете, с каких пор нет работы? По-моему, с рождества, после сбора оливок. Я имею в виду нормальную работу. Так, какая-нибудь случайная работенка всегда находится — и то для тех, кому повезет, и кто, так сказать, на хорошем счету. Ну, в общем, для тех, кто голоса не поднимает и все сносит...

Хуан. Но есть как будто пособие по безработице...

Механик. Да, в газетах и по телевидению об этом поговаривают, но, по-моему, это чистой воды липа. Ну, а если и в самом деле такое пособие есть, то пока его получишь, можно ноги протянуть.

Хуан. Ну и что же вы делаете?

Механик. А что мы можем делать?.. Ничего. Ждем.

В это время на площадь въехал грузовик и остановился на самой середине. Сидевший в кузове мужчина встал и обратился к стоящим в ожидании людям. Некоторые из них не двинулись с места; остальные столпились вокруг машины.

Механик. Это управляющий того большого имени, что видно слева, как въедешь в деревню. Наверное, понадобились руки...

Механик вернулся на свое место. А Хуан смотрел, как мужчины довольно вяло жестикулировали и переговаривались между собой.

В конце концов человек десять, не больше, забрались в кузов, и грузовик отъехал, поднимая облако пыли.

Оставшиеся люди коротко обменивались мнениями, затем одни вернулись на свои места, другие отправились домой.

Механик крикнул Хуану из мастерской, показывая на покрывку:

— Э!.. Смотрите! Как новая...

Хуан вынул из кармана деньги и собрался расплатиться. В то время как он отсчитывал песеты, взгляд его встретился с взглядом одного из мужчин, оставшихся на площади.

Какой-то момент они молча смотрели друг на друга.

Потом Хуан опустил голову.

Заскрежетали тормоза, и колеса словно прилипли к расплавленному от зноя асфальту, когда новенькая спортивная машина «Seat-132» резко затормозила неподалеку от Хуана, «голосовавшего» на обочине автострады.

Хуан побежал к машине с колесом на плечах и после короткого разговора получил разрешение сесть сзади.

Машина тут же рванулась с места и понеслась по шоссе.

От резкого рывка девица, сидевшая рядом с Хуаном, повалилась на него.

За рулем сидел приятный с виду молодой человек; рядом с ним — еще одна девица. Все трое были смуглыми от загара, веселыми и беззаботными: явно детки состоятельных родителей. Кроме того, они изрядно накачались алкоголем и наркотиками. Хуан сразу же обратил внимание на то, как молодой человек водит машину. Это был один из тех отчаянных лихачей, которым нравится доводить скорость до предела, указанного на спидометре, и еще немного превысить ее.

Приходилось кричать, чтобы услышать друг друга в грохоте оглушительного рок-н-ролла, вырывавшегося из радиоприемника.

Хуан. ...Это в пятнадцати или двадцати километрах отсюда! По ту сторону, привязан к оливковому дереву!.. Я вам тогда скажу!

1-я девица. А ты куда едешь?

Хуан. В Торремолинос.

Все трое засмеялись и начали подшучивать над ним.

Молодой человек. Торремолинос!.. Кто же это туда едет, старик. Только второсортные...

2-я девица. И третьесортные пенсионеры из разных стран.

1-я девица. ...Всякий сброд и чиновники...

Молодой человек. Из Торремолиноса надо бежать, вот как мы... Веселья надо искать в другом месте.

Хуан. Где?

Молодой человек. В любом другом месте... Веселье — в нас самих, внутри нас...

Молодой человек обернулся лицом к Хуану и стал пояснять ему свое жизненное кредо, не обращая никакого внимания, к ужасу Хуана, на дорогу, по которой машина неслась с бешеной скоростью.

— ...Время надо проводить играючи и рискуя...

Хуан. Что?

Молодой человек. Да-да... Рисковать ты можешь всегда... Жить, бросая вызов опасности...

Хуан не понял смысла его слов, и все смеялись над ним. Ясно ему было только одно: такая скорость к добру не приводит. Он знаками давал понять водителю, что ни к чему нестись сломя голову.

Молодой человек. Почему? Ты боишься?

Хуан. Я?.. Я боюсь, как бы не проехать то место, где мотоцикл...

На него не обратили ни малейшего внимания. А может, просто не расслышали, что он сказал.

После поворота прямая линия дороги вела к самому горизонту — пустынному и мерцающему в отраженных лучах солнца. Завершалась она крутым подъемом.

Девушки начали вопить, подзадоривая водителя:

— Вот, вот, наконец! Сделай, что хотел! Чтоб дух захватывало! Сделай, ну!

Хуан не понимал, о чем шла речь, но ему сразу стало ясно, что этот олух за рулем сейчас выкинет какой-нибудь дикий фортель.

Тем временем водитель нажимал до конца на педаль акселератора. Стрелка медленно приближалась к пределу: 160, 165, 170...

Девушки хлопали в ладоши и хохотали как сумасшедшие, подгоняя его истерическими выкриками.

Хуан узнал места, мимо которых они проносились. Он начал кричать водителю, чтобы тот остановился, так как ему надо сойти. 170, 175...

Хуан оторвал от себя неистово возбужденную девицу, которая судорожно вцепилась в него, и заорал, перекрывая музыку:

— Это здесь. Остановись! Остановись, пожалуйста! Остановись, черт!

Хуан смотрел в сторону приближающейся оливковой рощи. Он мельком увидел своего «Могучего», который все дальше и дальше отдался от него.

Хуан оглянулся назад, чтобы еще раз посмотреть на него; в этот момент от резкого толчка он упал на пол, оказавшись между голыми ногами сидевшей рядом с ним девицы.

Хуан приподнялся и, посмотрев на дорогу, все понял. Стрелка спидометра приближалась к 180, 185 — к черте с указателем: «Запрещено превышать».

А этот негодяй вдруг переехал — вернее, перелетел — на полосу встречного движения и на головокружительной скорости начал преодолевать крутой подъем.

Девушка, сидевшая сзади, закрыла руками глаза водителю. Она считала, что ее друг должен водить машину вслепую, пользуясь ее глазами, и описывала ему места, которые мелькали по обе стороны дороги.

— Держи прямо, все время прямо! Никого нет. Жми сильнее.

Стрелка приближалась к цифре 190. Хуана охватил ужас, и он с яростным ожесточением пытался оторвать девушку от водителя. А водитель был весь в поту. Сидевшая рядом с ним девушка прижалась к нему, вцепившись руками в сиденье; она была словно в трансе.

Слышался резкий и непрерывный скрежет колес, то и дело прилипающих к размягченному асфальту.

Вторая девушка кричала:

— Не закрывайте глаза! В этом самая прелесть, — не закрывать глаза!

А Хуан и не мог их закрыть, до такой степени его обуял страх. С головокружительной быстротой машина приближалась к вершине крутого подъема.

Водитель кусал губы и обливался потом.

Хуан замер от ужаса. Он даже не в состоянии был протянуть руку и коснуться руля.

Девушки тихо стонали, словно испытывали высшую степень слабого наслаждения.

Стрелка спидометра была на пределе.

Машина взлетела на вершину, и вот уже крутой подъем остался позади.

Перед ними расстилалась пустынная, уходящая вдаль дорога.

Навстречу им медленно ехала малолитражка.

Водитель «Seat», проехав еще несколько метров по левой стороне, резко свернул в правый ряд.

Все молчали.

Девушки словно выдохлись и, глубоко дыша, расслабляли напряженные мускулы.

Машина, тоже выдохшись, остановилась у обочины дороги.

Мимо проехала приближавшаяся малолитражка. В машине, набитой до отказа, — целое семейство, возвращающееся из отпуска. Малолитражка начинает медленно ползти в гору. Несколько детишек сгрудились у окошка и, улыбаясь, машут руками. Музыка стихла. Воцарилась тишина, в которой отчетливо слышится треск цикад.

Высоко в небе летают стрижи, с пронзительным криком преследуя друг друга.

Водитель трясущимися руками закуривает сигарету и жадно вдыхает дым.

Хуан берет свое колесо, и, оттолкнув притихших девушек, с трудом открывает дверцу машины, и выходит, пошатываясь, на дорогу.

Он открывает рот и хочет что-то сказать, но не может. К горлу подкатывает тошнота, и он сгибается, как при рвоте.

Хуан выпрямляется, стоя спиной к машине, потом делает несколько шагов, постепенно отдаляясь от нее.

Вскоре походка его становится более твердой. И вот уже он идет уверенным, решительным шагом по направлению к тому месту, где его ждет «Могучий».

Он шагает, стиснув зубы, и растущее чувство негодования отражается в его взгляде, суровом и грозном.

Огромные буквы на щите заполняют весь экран. Буквы оповещают: «Торремолинос» — «Центр города» — «Пляжи».

За щитом виден большой красный шар заходящего за горизонт солнца. А горизонт — это море. Спокойное, безмятежное море, синяя гладь которого становится все темнее и темнее по мере того, как садится солнце. Внизу на пустынном пляже — ни души. Слышны только легкие, тихие всплески волн, мягко докатывающих до берега.

С холма, заросшего высокой и тонкой травой, Хуан на своем мотоцикле спускается по засыпанной песком дорожке к пляжу. Он въезжает на пляж и, доехав до кромки мокрого песка, останавливается. Затихает тарыхтение «Могучего», и воцаряется долгая, глубокая, напоенная теплом тишина, ласково обволакивающая Хуана и его мотоцикл.

На этом бескрайнем и безлюдном пляже они кажутся сверху жалкими маленькими фигурками. А далеко на горизонте красный шар солнца уже коснулся края моря.

Хуан сидит на песке в нескольких метрах от своего «Могучего». Обхватив руками колени и докуривая сигарету, он неотрывно смотрит на огромный раскаленный диск солнца, который медленно погружается в море.

На лицо Хуана постепенно наплывает тень, прикрывая, словно вуалью, его устремленный вдаль взгляд. Хуан делает последнюю глубокую затяжку; на секунду вспыхивает кончик сигареты.

Спустя некоторое время он встает, смахивает с себя песок и подходит к «Могучему». Ласково похлопав его «по крупу» он говорит:

— Ладно, дружище. По крайней мере ты увидел море.

Хуан смотрит на окутанное сумерками море и спрашивает:

— Ну, а дальше что?

Долгий обратный путь Хуана в ночи. Непрерывное мелькание огней и теней, как в кошмаре, полном непонятных символов. Ослепляющие вспышки фар пронесшихся мимо машин. Тусклое и скорб-

ное мерцание одиноких лампочек в каких-то домишках вдоль дороги.

Красные, белые, голубые огни.

Причудливые тени.

Силуэты домов, людей, рекламных щитов.

И глаза Хуана.

И лицо Хуана, мчащегося на своем «Могучем» сквозь ночь.

Перед его мысленным взором проносятся огни, тени, отсветы, силуэты. Решетки. Исабель. Грудки Аурориты. Красочное представление актеров. Площадь на рассвете. Мертвый на дороге. Автомат. Взгляд алжирцев. Палящее солнце на равнине. Изображение пресвятой девы. Солдаты. Рафаэль и Пьернас. Немка. Шикарный «Мерседес». Мать, сидящая в вечном ожидании у белой стены в своем черном платье. Юный тореро, спасающийся от преследования в оливковой роще. Черный бык. Парни с палками. Салли, костер, танец девушек. Тело Салли под разорванной туникой. Острое чувство одиночества и опустошенности на рассвете. Сумасшедший изобретатель с металлическим колесом. Молчаливые безработные на площади. Крутой подъем на автостраде. Безумные глаза водителя спортивной машины. Возбужденные девицы. Дети, машущие руками из окошка малолитражки. Пустынный пляж и красный шар солнца, погружающийся в море.

Все увиденное и пережитое беспорядочно всплывало в памяти, вспыхивало, как зарницы, сливаясь с огнями и тенями на его пути, тревожа разум и сердце Хуана, в то время как он безостановочно мчался сквозь эту долгую ночь.

В грязно-серый предрассветный час Мадрид возник на горизонте в сизой дымке отравленного воздуха.

Усталые глаза Хуана, его сердце — помудревшее и состарившееся за эти дни — впитывают в себя знакомую, удручающую картину: бесконечную вереницу дымящих труб, заводских корпусов, свалок, лагуг.

Он проезжает мимо уродливого скопления убогих, похожих на улья домов и хибарок, мимо столбов и металлических мачт, мимо длинных, кирпичных, много повидавших стен, на которых безвестные люди писали свои отчаянные призывы, — и тогда казалось, что сами камни вопиют, словно удушенные черной краской.

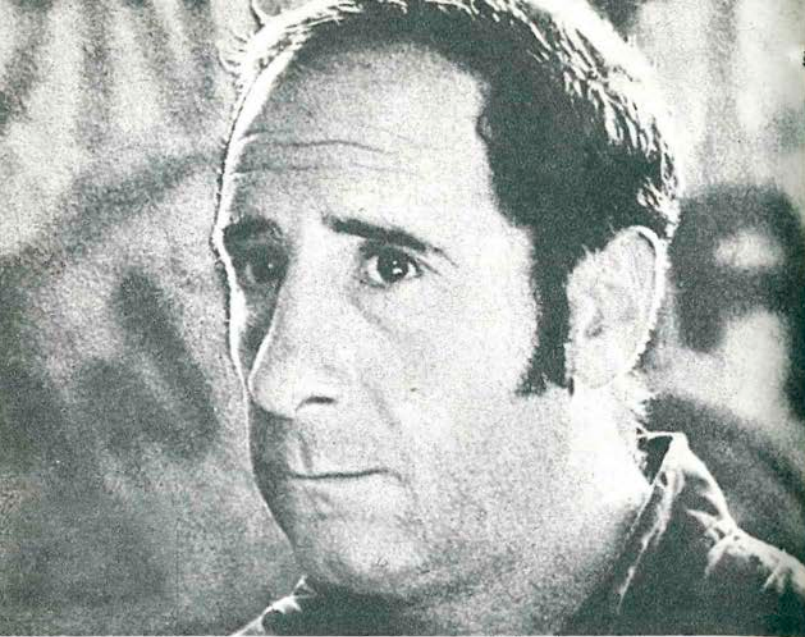
Глаза Хуана устало скользят по бесконечным рядам легковых машин, автобусов и грузовиков, скапливающихся на дороге и едущих в том же направлении, что и он.

Глаза его смотрят на лавину людей — мужчин и женщин, торопливо шагающих по открытой, еще не застроенной местности и питающих собой ненасытное, прожорливое чрево заводов и фабрик, мастерских, магазинов, учреждений.

Так, пробиваясь сквозь эту гущу людей и машин, Хуан на своем «Могучем» завершает длинный ночной путь и медленно въезжает в Мадрид, встречающий его гулом и смрадом большого города.

В мастерской стоит оглушительный шум: грохочет металл под ударами молотков, стучат станки; с треском летят во все стороны голубоватые снопы искр от сварки.

Хуан Антонио Бардем
Из дневника режиссера¹

Среди всего этого грохота — улыбка Роберта, тонушие в шуме слова «Вольного стрелка», приказы управляющего.

И вымазанные в масле руки Хуана, склонившегося над мотором. Вдруг — неловкое движение, и на его руке проступает алая капля крови.

На стене умывальни висит маленькая убогая аптечка, которая когда-то была белой. В ней всего лишь несколько бинтов, лейкопластырь да таблетки аспирина.

Хуан стоит у раковины, подставив руку под струю воды, чтобы остановить кровь.

На пропитанной маслом руке образуются прозрачные капельки. В зеркале отражаются обычные надписи на стенах: «Единство», «Профсоюзная свобода», «Амнистия»...

В углу несколько рабочих-активистов о чем-то совещаются. Хуан закрывает кран: кровь уже не идет.

Он смотрит на свои руки, и на губах его появляется робкая, едва заметная улыбка.

Он поднимает глаза и пристально вглядывается в свое отражение в зеркале — в лицо человека по имени Хуан.

8 мая. В четыре часа дня Рамон Тамамес, Эухенио Триана и я были выпущены на свободу. В заключении все еще оставались другие товарищи из «Демократической координации», арестованные, как и мы, 3 апреля за участие в демонстрации с требованием амнистии для политических заключенных.

Мы были доставлены в тюрьму Карабанчель 6 апреля, и нам надлежало отсидеть два месяца за неуплату наложенных на нас штрафов. Радость выхода на свободу — и досрочно — была омрачена дискриминационной акцией: нас троих выпустили, а остальные товарищи продолжали находиться в тюрьме. Мы решили обратиться в правительство с протестом, который должен был в то же время стать достоянием общественного мнения.

Сегодня открывается Каннский фестиваль. Думаю, что наше освобождение в какой-то мере связано с этим. Поскольку французские, итальянские и английский профсоюзы работников кино и телевидения активно выступили в нашу защиту, правительство, видимо, решило избежать назревавшего международного скандала.

Борьба за незамедлительную и полную амнистию всех политзаключенных продолжает оставаться делом чрезвычайно важным и неотложным. В одной лишь тюрьме Карабанчель находится не менее ста шестидесяти наших товарищей, а в других тюрьмах Испании — около двухсот пятидесяти. Необходимо совместными усилиями выволочь их оттуда!

12 мая. Только что созданная кинокомпания «Артэ 7» предлагает мне снять картину. Имеется либретто сценария, названного по одному из рассказов Даниэля Суэйро «Соло на мотоцикле». Снимать картину надо этим летом. «Артэ 7» заключила контракт с актером А. Ланда на участие в фильме — без указания, в каком именно. Я спешу ознакомиться с либретто и думаю: тьфу, тьфу, чтоб не сглазить.

13 мая. Сегодня я отправился в Карабанчель, чтобы передать кое-что заключенным: еду, книги. Видеться с ними запрещено. Свидание разрешается только близким родственникам.

Либретто меня полностью разочаровало. Оно очень поверхностное, почти лишено критического содержания и написано под влиянием обычных сюжетов тех фильмов, в которых снимается Ланда. Надо почитать сборник рассказов Суэйро.

22 мая. Книга Д. Суэйро называется «Уход за руками». Под влиянием прочитанных рассказов во мне начало что-то бурлить, начал

¹ Печатается с сокращениями.

зарождаться замысел, сотканный из ощущений, из смутных образов и еще нечетких, неоформившихся мыслей. У меня такое чувство, будто я натолкнулся на что-то по-настоящему интересное, открывающее большой простор для творчества.

31 мая. Я принял предложение «Артэ 7» поставить фильм по рассказам Суэйро. Мне предоставляется полная свобода и право использовать этот материал по своему усмотрению. Условия, принятые мною, предусматривают как материальную сторону работы (финансовую смету, продолжительность съемок, метраж негативной пленки и т. п.), так и сроки: начать снимать надо не позднее 1 августа.

Я свободен делать этот фильм, как захочу, и не обязан показывать сценарий цензору. Выбор актеров также будет зависеть от меня. Если участие Ланда в такой картине соответствует моим намерениям — хорошо. Если нет — дело мое.

4 июня. Обед с Альфредо Ланда, которого я давно не видел. Ему тоже не понравилось либретто сценария; более того, он считает, что это не для него. Он горит желанием отбояриться от всего, что ему предлагают, и сыграть действительно интересную роль. Я изложил ему в довольно туманной форме кое-какие мысли, возникшие у меня в связи с прочитанными рассказами. Альфредо уговаривает меня спокойно взяться за работу над созданием образа задуманного персонажа, независимо от того сможет ли он, Ланда, воплотить его на экране.

11 июня. Начал писать сценарий. Пишется легко, и работа спорится. Я полон всяких идей и чувствую уверенность в том, что смогу уложиться в срок. Чтобы иметь возможность приступить к съемкам самое позднее 15 августа, сценарий должен быть готов 15 июля.

15 июня. Подписывал экземпляры вышедшего в свет сборника «Искусство, политика, общество», в который вошли статьи, написанные Рамоном, Эухенио и мною в тюрьме Карабанчель. Побывать с друзьями было приятно. И весело.

20 июня. Я закончил первый вариант сценария и даже окрестил его: «Конец недели». Чувствую себя счастливым. На 80 страницах уместился весь фильм, который я хочу снять. В нем 42 эпизода. Имея этот текст, я мог бы, в сущности говоря, уже приступить к съемкам, поскольку «вижу» фильм от начала до конца, «грежу» им.

Моя профессия иногда может доставить кому-то радость. В данном случае я считаю, что Альфредо Ланда испытает эту радость, когда я предложу ему воплотить образ Хуана. Я хочу и буду настаивать на том, чтобы Альфредо сыграл эту роль. Думаю, уверен, что он отлично с ней справится.

21 июня. Я прочел сценарий Хайме, Педро, Даниэлю, Хавьеру и другим друзьям из «Артэ 7». Всем очень понравились как предложенная мною сюжетная линия картины, так и ее «атмосфера».

22 июня. Вместе с Даниэлем и Хавьером мы готовим материал для совместной работы над окончательным вариантом сценария. Приняв за основу главную сюжетную линию, каждый из нас напишет несколько эпизодов, потом мы втроем внесем в них нужные поправки, после чего я сделаю окончательную редакцию текста.

Впервые за сорок лет, насколько мне помнится, было разрешено провести две публичные демонстрации не проправительственного характера. Одна была организована работниками просвещения, другая — жителями района Пресинадос. Обе выглядели очень внушительно.

23 июня. Производственная машина запущена.

25 июня. Встреча с Хосе Карлосом Пласа из труппы Независимого театра. Я прочел ему черновик сценария, ему понравилось, и он согласился участвовать со своей труппой в эпизодах «Театральный коллектив».

Мне предстоит сочинить диалоги к спектаклю, который по ходу действия они должны будут сыграть.

6 июля. Работа над сценарием успешно продвигается: практически он уже закончен. Сейчас переписываем несколько сцен. Уже начали договариваться с техническим персоналом.

11 июля. Крупная манифестация с требованием амнистии на улице Гран-виа и на Пласа де Эспанья. Демонстрантам крепко досталось.

12 июля. Музыку к фильму «Конец недели» напишет Хосе Низто. Встреча с ним и Льюисом Гордоном. Их восторженное отношение к будущей картине вселяет в меня веру. Нужны две песни: одна для эпизода с хиппи в машине и вторая — для ночной сцены в лагере хиппи. Льюис взялся написать текст этих песен.

13 июля. Благодаря Гордону я познакомился с Джеком и с Джу-ди Клерисио. Очаровательная пара, составляющая музыкальный дуэт «Гонс энд Баттер». Они помогут мне найти людей для эпизодов с хиппи.

18 июля. Весь день проехали в поисках природы по дорогим моему сердцу местам, знакомым зрителям по фильму «Жнецы».

19 июля. Проехали от Деспеньяперрос до Торремолиноса. Быстро искупались в море — и обратно до Хазна.

20 июля. Вернулись в Мадрид, отметив по дороге места для съемок в Санта-Крус-де-Мудела, Темблеке и Турленке. Идеальным вариантом для эпизода, когда Хуана штрафуют за нарушение общественного порядка, было бы снять религиозную процессию в том месте, где шоссе пересекает старую, обсаженную кипарисами дорогу, ведущую на кладбище. Но поскольку из-за съемок нельзя остановить все движение на магистрали, придется использовать околный путь под предлогом дорожно-ремонтных работ на шоссе и заменить церковное шествие какой-нибудь процессией в районе Санта-Крус-де-Мудела. Это к тому же и дешевле обойдется.

23 июля. Уже набран весь технический персонал и распределены почти все роли. Гальвани набросал план съемок, и я начинаю думать, что фильм, возможно, удастся снять за шесть недель. Посмотрим.

3 августа. Я выбрал мотоцикл, который Хуан — «несравненный мотоциклист» — окрестит «Могучим». В нашем распоряжении будут две одинаковые машины на всякий случай. Внешне они будут оформлены ярко, как и было намечено. Этим и прочими реалиями занимается Педро Карвахаль. Ниэто и Гордон уже сочинили песни: мы их прослушаем и запишем на пленку. Называются они: «...and we shall not return» и «Hands»¹.

Репетиция с хиппи: исполнение песни и сцена в машине. Ланда тоже присутствует. Мы репетируем, сидя на полу в помещении конторы. Хосе Карлос Пласа и труппа Независимого театра дали мне прослушать пасодобль, который они будут исполнять в спектакле с моим стихотворным текстом «Espein is deferén»².

6 августа. Нашли в Мадриде подходящий многоквартирный дом для эпизода с Пепи и ее семьей.

Оперативное совещание: надо сократить или упразднить некоторые сцены из сценария, чтобы не выйти из сметы. Так, упраздняется сцена боя быков в деревне, но остается эпизод с юным тореро: сюда переносится диалог из сокращенной сцены.

7 августа. Из-за недостатка денег и в силу ряда других обстоятельств я лишен возможности привлечь к работе несколько актеров, участие которых в фильме было бы очень желательно. У меня все готово. Намечаем приступить к съемкам в субботу, чтобы захватить огромный поток машин, покидающих Мадрид, а в воскресенье продолжить съемку в опустевшем городе, каким он обычно бывает в середине августа. Вместо этих выходных дней будем отдыхать в следующие пятницу и субботу: съемочная группа согласна.

13 августа. Первый съемочный день. Дождь льет как из ведра. Снимать невозможно. Все откладывается.

14 августа. В шесть вечера мы приготовились снимать сумерки и возвращение Хуана в Мадрид. Альфредо Ланда — не только отличный актер, но и заправский мотоциклист, а это — неперемное условие для исполнения его роли в этом фильме.

18 августа. Начинаю съемки эпизодов в мастерской.

19 августа. Снимали эпизод в магазине по продаже мотоциклов и закончили то, что оставалось недоделанным, в мастерской.

Просмотрели отснятый за эти дни материал. Я люблю, когда его смотрят все: ведь это не только мой, но и их труд. Все хорошо. Я заглядываю вперед и уже знаю, какой получится фильм.

Следует отметить отличную игру Ланда в финальных эпизодах в мастерской.

20 августа. Снимаем в условиях интенсивнейшего движения на шоссе в районе Пуэнте де Легаспи: несмотря на непогоду, сняли большую часть эпизода.

К вечеру нашел неподалеку от Мадрида здание, которое послужит тюрьмой в эпизоде с арестом актеров. Близость этого места значительно уменьшит расходы на проезд всех участников съемок по сравнению с тем, во что бы это обошлось, работой мы в районе Темблеке. Там будем снимать только само представление.

22 августа. Погода ужасная. Беспросветные тучи. Мы сидели сложа руки с 10 до 16.30... Учитывая ненадежность погоды, решили изменить план съемок на ближайшие дни. Нужно предусмотреть ин-терьеры на случай, весьма вероятный, если будут продолжаться дожди. Просмотренный материал хорош.

24 августа. Настоящий зимний день. Сильная гроза. Мы укрылись в подвале, который должен служить тюрьмой для Хуана и актеров театра, и приступили к работе. После многих репетиций удалось снять эту сцену, длящуюся четыре минуты, одним монтажным планом.

25 августа. Это невероятно, но день сегодня прекрасный. Мы отправились в Турленке и там сняли сцену с труппой Независимого театра и с Хуаном. Успели еще снять с последними лучами солнца поездку актеров и Хуана в селение, где должно было состояться вечернее представление.

26 августа. Эпизод в доме Пепи. Его можно было снять за один день, но произошла какая-то путаница, и нам придется вернуться завтра. Присутствие снимающегося в фильме старого актера Хоакина Роа (дедушка Пепи) изрядно взволновало меня. Мне вдруг показалось, будто я снова в обществе отца. Хоакин, пожалуй, единственный из оставшихся в живых актеров своего поколения. Он очень одинок.

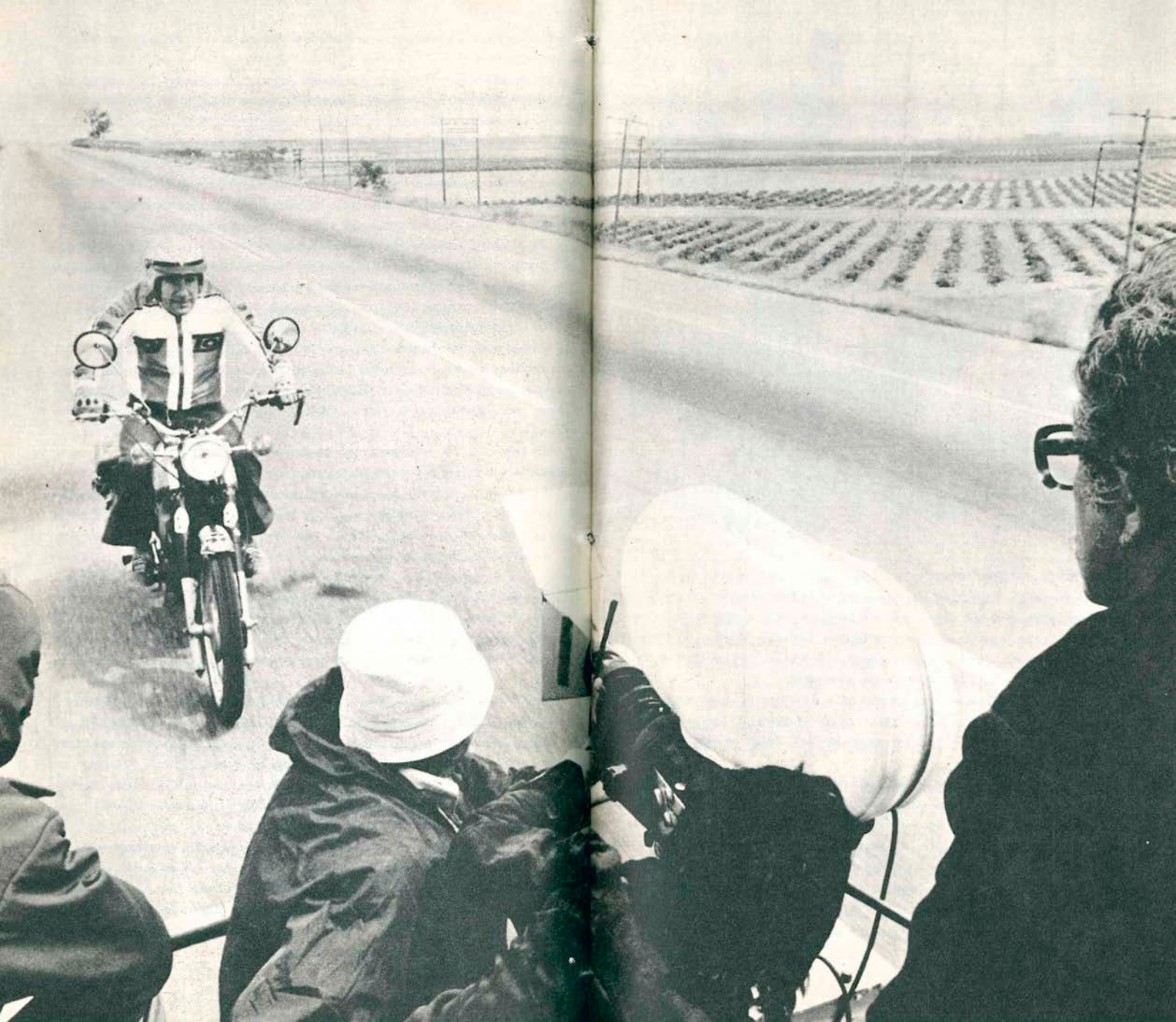
27 августа. Ужасный день. Непрерывно лил дождь, и мне удалось снять всего лишь один план. Непогода убивает нас. Возможно, придется приостановить на неделю съемки и подождать, пока пройдут грозы и изменится погода во всей Испании.

28 августа. Небо в тучах. С большим трудом нам удалось закончить эпизод в доме Пепи, воспользовавшись редкими моментами, когда проглядывало солнце.

29 августа. Сегодня воскресенье, и в съемках участвует лишь часть съемочной группы. Нужно снять опустевший Мадрид в августовский воскресный день. Но нынешний август похож, скорее, на январь: холодный и дождливый, совершенно не соответствующий нужной нам по замыслу атмосфере. Мы сняли несколько планов, но до завершения эпизода еще очень далеко.

¹ «...И мы не вернемся» и «Руки» (англ.).

² «Испания отличается от всех» (исковерканный английский. — Ред.).

Вечером отправляемся в Дос-Барриос, в провинции Толедо, останавливаемся в «Харчевне Гусмана». Это будет нашей первой базой.

31 августа. Второй и последний день съемок в харчевне эпизода с богатыми эмигрантами. Завтра будем снимать ночью. Использую свободные часы, чтобы отправиться в Мадрид просмотреть отснятый материал и решить кое-какие вопросы.

1 сентября. Снимаем на площади в Темблеке, красивой, отлично сохранившейся площади XVII века, спектакль труппы Независимого театра с фонограммой сатирической песенки «Испания отличается от всех».

Жители Темблеке приняли живейшее участие в съемках и, по моему, немало повеселились, работая вместе с нами и присутствуя на спектакле. Коллектив Независимого театра и остальные актеры потрудились не жалея сил, как, впрочем, и вся съемочная группа. А это было нелегко: мы работали всю ночь до восхода солнца, а на рассвете сняли безлюдную площадь и театральные подмостки, разрушенные «нетерпимостью властей».

В сущности говоря, мы за один день провернули работу, рассчитанную на два дня.

3 сентября. Великолепный солнечный день, первый с того момента, как мы начали съемки. Мы смогли снять два эпизода, выиграв еще один день: это эпизод с первым появлением на шоссе «несравненного мотоциклиста» на своем «Могучем» и его встречу на дороге с владельцем поврежденной машины.

После частичной амнистии, объявленной в июле, мне пришлось изменить в этой сцене географическое местонахождение заключенного и его семьи. В августе 1976 года в испанских тюрьмах оставались в основном только заключенные-баски. Также пришлось изменить одну из реплик Хуана. Раньше он говорил: «А с амнистией пока пшик!» А теперь: «С такой амнистией далеко не уедешь!»

Как было бы хорошо, если бы к моменту выхода фильма на экран эпизод этот остался всего лишь воспоминанием об одной из мрачных страниц нашей истории.

Начальство гражданской гвардии, ведающей дорожной инспекцией, ознакомилось со сценарием. Оно не высказало никаких претензий по поводу сценария в целом и коснулось лишь тех мест, которые имели непосредственное отношение к их ведомству. Там несколько настроенно отнеслись к эпизоду, в котором Хуана останавливают на пустынном шоссе и просят предъявить документы. Для чего? Я объяснил, что в этом нет ничего особенного: обычный, повседневный контроль, не требующий никаких пояснений. Мне удалось убедить их. Теперь гражданские гвардейцы сами будут участвовать в этом эпизоде, поскольку полицейские на дороге по ходу действия должны быть вооружены.

6 сентября. Снимаем эпизод с микроавтобусом хиппи, который подбирает Хуана, стоящего у обочины с проколотой покрышкой, а также большую часть эпизода, происходящего внутри машины. Во время работы создалась очень приятная дружественная атмосфера, хотя вести съемки было крайне трудно и неудобно: пришлось убрать заднюю дверь и установить камеру внутри. Все мы: хиппи, съемочная группа и я, работали согнувшись в три погибели, в совершенно немислимых условиях.

Операторский автомобиль следовал за нами, два юпитера жгли нам спины.

7 сентября. На протяжении четырех часов просматривали в Мадриде отснятый материал. Моим коллегам как будто очень понравилось. Погрешности незначительные. Закончили эпизод в микроавтобусе и приступили к съемкам ночного эпизода в лагере хиппи.

8 сентября. Когда снимаешь ночью, следующий день потерян. Сегодня мы не снимали. Но были другие дела: участвовал в подготовке к предстоящей первой Демократической Ассамблее работников кинематографической промышленности, которая откроет, возможно, хорошие перспективы.

9 сентября. Вели съемки перед тюрьмой в Оканье. Пока мы снимали, стоя спиной к тюрьме, — все шло нормально. Но как только я установил камеру так, чтобы фоном между Хуаном и двумя ожидающими на дороге женщинами служили тюремные стены, к нам подошли несколько человек в штатском, которые с любопытством наблюдали за съемками, а потом представились как сотрудники службы разведки гражданской гвардии. Как выяснилось, категорически запрещено снимать какое бы то ни было исправительное заведение без специального на то разрешения. Мы тут же направили наши усилия на то, чтобы заполучить такое разрешение, полагая, что отказа не последует, поскольку главное управление гражданской гвардии заблаговременно ознакомилось со сценарием картины и до сих пор не высказывало никаких возражений. После двухчасового ожидания разрешение было получено. Можно снимать. Однако нас уведомили, что прежде чем начать съемки, мы должны заранее предупредить тюремную охрану, чтобы часовые, находящиеся в сторожевых будках, успели спрятаться.

Итак, съемки продолжают без новых инцидентов.

10 сентября. Мы начали работать в пять утра, намереваясь доснять несколько планов ночной любовной сцены. Но осуществить это нам не удалось из-за неполадок с генератором. Под утро мы сняли эпизод, когда Хуан, проснувшись на рассвете, вдруг остро чувствует свое одиночество. По-моему, хороший материал.

11 сентября. С наступлением сумерек нам удалось закончить съемку ночной любовной сцены. На рассвете роскошно позавтракали. Затем доснимали кое-что для неоконченного эпизода в Оканье.

После этого мы покинули «Харчевню Гусмана», где жили все эти дни, и взяли курс на Сиудад Реаль — нашу вторую базу. Остановились в «Отеле дель Крус» и после обеда решили прилечь отдохнуть. Я собирался встать в восемь или девять вечера. Так я и сделал, но, встав и приведя себя в порядок, обнаружил, что было девять часов... утра. Я проспал пятнадцать часов!

12 сентября. Оперативное совещание. Деньги у нас на исходе, и необходимо упразднить несколько сцен, не имеющих особого значения для развития сюжета.

Вместе с Хайме Фернандесом Сидом проехали сегодня 600 километров в поисках природы для одного эпизода, который тоже чуть было не «вылетел» из фильма, но мне удалось его спасти. Это эпизод со жнецами.

13 сентября. Погода лучезарная. Весь день разъезжали на нашем операторском автомобиле взад и вперед по шоссе под ярким солнцем Ла Мани. Сняли несколько планов на дороге. Хороший, плодотворный день.

14 сентября. Удачный день. На рассвете мы сняли эпизод с алжирскими эмигрантами.

Во время съемок Альфредо Ланда пришлось съесть пять бутербродов с колбасой и выпить три двойных кофе с молоком, а потом еще съесть четыре маленькие дыни. Удовольствия это ему не доставило.

Около одиннадцати дня начали снимать несчастный случай на дороге. Сцена эта носила очень реалистический характер и производила сильное впечатление. Автоинспекция остановила движение в месте инсценированного столкновения машин, и по обе стороны дороги образовались огромные пробки. Я со съемочными камерами находился впереди, на расстоянии полутора километров, операторский автомобиль — на обочине дороги, а Хуан лавировал в потоке машин, ехавших по шоссе. Пассажиры из автомобилей, застрявших неподалеку от «места происшествия», видели разбитые машины, кровь на асфальте, осколки стекол, двух погибших на дороге, накрытых одеялами или брезентом, и третьего, вдавленного в руль искаженной малолитражки. Камер они не видели, видели только созданную мною «реальность». И поверили в нее. Три врача и два священника предложили свои услуги. Только тогда лейтенант гражданской гвардии сказал им правду.

Во время перерыва в работе один из «трупов» приподнялся и какая-то женщина чуть не упала в обморок от испуга. Мы раз пять или шесть повторяли эту сцену, и, кроме одного человека, никто не возражал по поводу задержки. Когда движение возобновилось, мы повесили на операторский автомобиль плакат, в котором выражали всем благодарность.

15 сентября. Две хорошенькие девушки в крохотных бикини снимались в сцене на винограднике. Их присутствие на протяжении всего дня вызвало приятное оживление: съемочный коллектив был в веселом и приподнятом настроении, и мы работали быстро и хорошо.

Разговор с Хайме Фернандесом Сидом. Необходимо выполнить утвержденный план съемок, не теряя ни одного дня. Ни в коем случае нельзя превысить нашу финансовую смету. Сегодня среда: начиная с воскресенья наша съемочная группа будет значительно сокращена.

Да, мы сделали фильм за шесть недель. Мне это кажется невероятным.

Поиграл немного в теннис с помощником оператора, когда уже спускались сумерки.

16 сентября. Настоящий летний день в Ла Манче. С тех пор как мы перебазировались сюда, погода стоит чудесная — именно такая, какая нам нужна. Но снимать эпизод на шоссе — гонку на крутом подъеме — начали только в 15.00, так как машина «Форд мустанг» оказалась не в порядке. Я буквально взвыл. Работали допоздна и в спешке, чего я не люблю. Уверен, что при монтаже этого эпизода

будет не хватать нескольких кадров, которые не удалось снять сегодня, так как было уже темно. Наверное, придется доснимать их.

17 сентября. Приступили к съемкам эпизода с колесом. Пришла добрая весть: власти Санта-Крус-де-Мудела согласились оказать нам всемерную поддержку во время съемок в их районе. Учитывая, что дорожная автоинспекция будет нам помогать и в нужный момент перекроет движение на шоссе, мы решили заменить религиозную процессию — похоронной, как это и было задумано с самого начала.

18 сентября. Закончили эпизод с «изобретателем». Нужно быть отличным актером, чтобы играть — и играть хорошо — свою роль и в то же время управлять той диковинной машиной, которую я придумал. Отдаю должное мастерству Хосе Руиса Лифанте.

20 сентября. Снимали похоронную процессию в сопровождении муниципального оркестра из Вальдепеньяс. После обеда покинули нашу базу и отправились в Торремолинос.

21 сентября. Торремолинос. Синее небо, солнце, море. Теннис, купание в море и в бассейне, жареные сардины, которыми мы полакомились тут же, на пляже. Таков был наш короткий и прекрасный отдых.

К вечеру сняли несколько планов эпизода, когда измученный Хуан наконец добирается до Торремолиноса. Но сумерки длятся недолго, и закончить все не удалось.

Ночью снимали отдельные планы ночной поездки Хуана обратно в Мадрид.

22 сентября. Днем снова то же прелестное времяпрепровождение, что и вчера. А с наступлением сумерек заканчивали съемки сцен, которые не успели снять накануне.

Итак, работа над фильмом подходит к концу. Завтра отправимся в Убеду. Наша съемочная группа скоро распадется... Поскольку я человек сентиментальный, мне всегда грустно расставаться с людьми, с которыми какое-то время изо дня в день работал рядом... Но вот наступает момент, когда тебя все покидают и ты остаешься один со своим еще не появившимся на свет детищем, которое через несколько месяцев станет фильмом со своим «лицом», со своими отличительными чертами, и они, мои бывшие коллеги, будут смотреть его с любопытством и нежностью на том первом просмотре, который устраивается обычно для друзей.

Чтобы отметить этот почти завершающий этап съемок, мы начали с того, что бросили в теплую средиземноморскую воду в одежде Домингито — ассистента оператора, а затем стали бросать одного за другим, тоже в одежде, и всех остальных.

23 сентября. Поездка в Убеду. Долгие поиски подходящей оливковой рощи для эпизода с тореро.

24 сентября. Эпизод с юным тореро уже снят. Трудность заключалась в том, что надо было втиснуть Хулиана Эстебана в костюм,

предназначавшийся для другого актера, вдвое худее его, которого в последний момент пришлось заменить. И такое в нашем деле случается!

25 сентября. Дорога из Убеды в Иснатораф, где мы должны снимать эпизод с безработными, пересекает самые красивые места нашей земли, которые я когда-либо видел. Их воспел еще Антонио Мачадо¹.

Иснатораф — это небольшое селение, расположенное на вершине холма, окруженного оливковыми рощами. Небо начинает затягиваться облаками, и подул сильный ветер, который гонит черные тучи. Работаем быстро, и все идет хорошо. Плохо лишь то, что у нас мало средств для оплаты статистов и что два дня назад на сбор винограда во Францию из этого селения уехало 200 семей; таким образом, выбор безработных для съемки не очень велик. Не знаю, но, может быть, именно это опустение и придаст сцене более глубокую выразительность? Дай-то бог!

Осталось еще кое-что доделать, но сейчас уже можно сказать, что съемки «Конца недели» завершены.

26 сентября. Наконец, после того как она дважды запрещалась, состоится Ассамблея работников кинематографической промышленности. Впервые за сорок лет мы, работающие в разных областях

¹ Известный испанский поэт (1875—1939).

кино, имеем возможность собраться. Пытаемся создать профсоюз, который носил бы демократический, классовый, социально-политический характер, независимый и способный защитить наши интересы. Нас человек четыреста, и мы единодушно отвергаем вертикальный национал-синдикалистский профсоюз¹.

27 сентября. Сегодня начинаем монтаж картины. Прежде всего надо просмотреть весь материал и приступить к отбору.

29 сентября. Ужин с Хайме Фернандесом Сидом. Мы уже строим планы создания нового фильма, который «Артэ 7» намеревается поставить в самое ближайшее время. На какую тему? Мне хотелось бы поработать над какой-нибудь нашумевшей историей преступления, связанного с коррупцией. А таких историй — уйма!

1 октября. Похороны Карлоса Гонсалеса, убитого несколько дней тому назад на улице во время манифестации с требованием амнистии. Это было несомненно делом рук крайне правых молодчиков. Траурная церемония происходила в церкви университетского городка. Выбраться оттуда было нелегко: нужно было пробиться сквозь внушительные ряды полицейских, окруживших плотным кольцом этот участок. Вместе с моим коллегой и другом Хосе Луисом Санчесом мы зашли в один из баров. Беспорядки продолжались. Полицейские, призванные навести порядок, вошли в бар и стали «вежливо» выдворять оттуда всех. Не успел Хосе Луис и рта раскрыть, как они обрушились на него. А затем, когда я пытался прийти ему на помощь, — и на меня: удар прикладом по пояснице, удар дубинкой по голове. Свалились на пол очки. Я подхватил оглушенного Хосе Луиса. Один из полицейских сказал, что у меня упали очки, другой поднял и протянул их мне, после чего еще раз трахнул меня дубинкой по башке. Тонкое у них чувство репрессивного юмора!

6 октября. Эдуардо уже смонтировал несколько эпизодов, и я чувствую себя счастливым. Как мы и предполагали, не хватает несколько кадров для сцены на шоссе — гонки на крутом подъеме. Будем доснимать.

7 октября. Эдуардо и его помощники работают быстро и хорошо. Сегодня я смотрел сцены — уже вместе с фонограммой, — в которых участвует труппа Независимого театра: мне понравилось. Хочу использовать пасодобль в исполнении оркестра из Вальдепеньяса как сопровождение для потасовки на сцене.

21 октября. Первый солнечный день за долгое время, и мы спешим доснять недостающие кадры к эпизоду на мосту Легаспи. Мы их сняли, хотя условия были неблагоприятными: во-первых, полицейские вытупили нас оттуда, и, во-вторых, никто уже не ходил в одной рубашке. И все же не думаю, чтоб зрители это заметили.

¹ Созданная при Франко система профессиональных организаций, в которых объединялись и хозяева и рабочие предприятий.

На Кастильском шоссе ночью с камерой, установленной на передней платформе нашего операторского автомобиля, мы снимали кадры, которые должны были отразить все то, что Хуан видел во время своей долгой ночной поездки на обратном пути в Мадрид. Мы мчались со скоростью 100 км в час. Оператор Карлос Суарес, его помощник и я зверски замерзли.

25 октября. В 16.30 смотрел черновой монтаж картины. Два часа пятнадцать минут... Первые три части слишком затянуты. Отдельные эпизоды можно подсократить.

8 ноября. Удалось кое-что сократить и выиграть двадцать минут. Это неплохо. Думаю, что нам удастся сократить фильм еще на десять минут, и тогда будет хороший ритм.

11 ноября. Второй просмотр фильма. Я очень доволен, а продюсеры в восторге. Это отрадно. Потому что в нашем деле, как известно, о тебе судят по твоему последнему фильму.

В сценарии фильм завершился кадром в мастерской, когда Хуан смотрит на свое отражение в зеркале грязного умывальника. Думаю, что это было недостаточно выразительно. Надо ясно показать, что Хуан по собственной воле принимает определенное решение. Первым открыл мне на это глаза Альфредо Ланда. Поэтому у фильма теперь другая концовка, которую я доснял: Хуан прислушивается к разговору рабочих — активистов профсоюза — и подсаживается к ним. Некоторые считают, однако, что настоящая концовка — та, с отражением в зеркале. Но я с этим не согласен. Хватит ограничиваться иносказаниями, намеками, символами, подтекстом и т. д. Если Хуан понимает необходимость обрести классовое сознание, я обязан это показать. И лучше всего, на мой взгляд, — показать приобщение Хуана к организованной борьбе в защиту общих интересов.

Я не изменю этой концовки.

22 декабря. Сегодня в 16.30 смотрел первую совмещенную копию «Конца недели». Да, это мой фильм. С того дня, 12 мая, когда Хайме Фернандес сказал мне о проекте постановки фильма по мотивам рассказов Даниэля Суэйро, и до сегодняшнего дня, когда уже существует готовая к прокату копия картины, прошло ровно семь месяцев и десять дней. Отныне фильм начнет жить своей собственной жизнью и его конечная судьба от меня уже ни в коей мере не зависит.

Много людей вложили в создание этой ленты свое мастерство, талант, огромные душевные силы. Всем им — моя глубокая признательность и благодарность.

Производство «Артэ 7». Испания, 1976.

Авторы сценария Хуан Антонио Бардем, Хавьер Пальмеро, Даниэль Суэйро. Режиссер Хуан Антонио Бардем. Оператор Хосе Луис Алькайне. Художник Вольфганг Бурман. Композитор Хосе Низто.

Роли исполняют: Альфредо Ланда (Хуан), Мабель Эсканьо (Пепи), Виктория Абриль (Лолита), Пако Альгора (Венансио), Пилар Бардем (Исабель), Пилар Муньос (мать заключенного), Мануэль Александре (Рафаэль), Херман Кобос (Пьернас), Хулиан Эстебан (юный тореро), Эми Фабер (Салли), Хосе Руис Лифанте (изобретатель) и другие.

Хуан Кобо. Новый этап в творчестве Бардема	5
Конец недели. Перевод Т. Злочевской	13
Хуан Антонио Бардем. Из дневника режиссера	117
Фильмографическая справка	134

Бардем Хуан Антонио и др.

Б24 Конец недели/Хуан Антонио Бардем, Хавьер Пальмеро, Даниэль Суэйро. — М.: Искусство, 1981. — 135 с., ил. — (Б-ка кинодраматургии).

Картина «Конец недели», сценарий которой предлагается читателю, была поставлена известным испанским режиссером Х.-А. Бардемом. Используя прием фильма-путешествия, автор рассказывает о переменах, происходящих в современной Испании, освободившейся от франкистского режима. В центре внимания человек, пытающийся отстраниться от кипящей вокруг него социальной борьбы, но постепенно осознающий бессмысленность подобного существования.

**Б 80106-192 115-117-81
025[01]-81**

**ББК 85.543[3]
778И+И[Исп]**

**ХУАН АНТОНИО БАРДЕМ
ХАВЬЕР ПАЛЬМЕРО
ДАНИЭЛЬ СУЭЙРО**

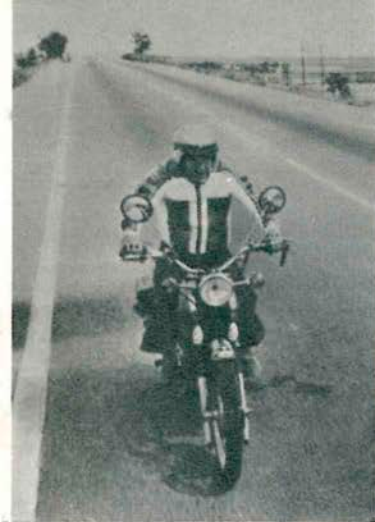
Конец недели

Редакторы В. А. Рязанова и П. А. Черняев. Оформление художника Г. К. Александрова. Художественный редактор И. С. Жихарев. Технический редактор Г. П. Давидок. Корректоры Н. А. Медведева и Е. А. Мещерская.

И.Б. № 1594

Сдано в набор 07.04.81. Подписано в печать 13.08.81. Формат издания 84×100/32. Бумага тифдручная. Гарнитура журнально-рубленая. Глубокая печать. Усл. л. 6,613. Уч.-изд. л. 9,593. Изд. № 15205. Тираж 30 000. Заказ 2964. Цена 70 коп. Издательство «Искусство», 103009. Москва, Собиновский пер., 3.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Хуан Антонио Бардем — выдающийся испанский кинорежиссер. Родился в 1922 году в актерской семье. По образованию — инженер-агроном. В кинематограф пришел в 1951 году, выступив сначала как автор сценариев, а затем и как режиссер. Мировую известность принесли Бардему фильмы «Смерть велосипедиста» (1955) и «Главная улица» (1956). За ними последовал ряд других фильмов, в том числе «Месть», «Сонаты», «Невинная», отличающиеся острой социальной направленностью и реалистическим изображением повседневной жизни Испании. Фильмы «Конец недели» (1976) и «Семь дней в январе» (1978) были удостоены Золотого приза на X и XI Международных кинофестивалях в Москве.

«Конец недели» — это история одного путешествия по дорогам Испании. Мадридский механик Хуан пересекает на своем мотоцикле полстраны в погоне за мечтой, осуществив которую он надеется укрепить веру в себя и вызвать зависть и восхищение у товарищей по работе. Он стремится добраться до модного курорта Торримолинос и как истый Дон Жуан покорить там сердца иностранных туристов. Но вместо обещанной земли в конце пути Хуан находит лишь безлюдный пляж, где царит такая же пустота, как и в его душе.

И все же поездка имела для героя огромное значение. Он возвращается другим человеком, смотрит на мир иными глазами. За время пути Хуан оказывался в разных уголках Испании, попадал в непривычные обстоятельства, сталкивался с самыми разными людьми, открывал новый для себя мир. На этой основе режиссер Хуан Антонио Бардем построил интересную, поучительную и подлинно реалистическую комедию.

«Конец недели» — это история шестидесяти часов жизни человека, которые навсегда останутся в его душе и его памяти... Это история сегодняшней Испании и ее народа, живущего в ожидании долгожданной демократии.